

902(08)(47)
17-78 T

Op 613
A 87

$$\begin{array}{r} 902.9 \\ + 347 \\ \hline \end{array}$$

ТРУДЫ

Оренбургской

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ.

OEUVRES

de la Commission scientifique des Archives d' Orenbourg.
Russie.

ВЫПУСКЪ XXV.

Tome XXV.

Чкаловская
областная библиотека
читальня № 9

ОРЕНБУРГЪ.

Типографія Тург. Обл. Правл.

1911.

~~100/2~~
~~19~~

Труды
Оренбург. Учен. Меркв. Комисс.
вып. XXV, том XXV.
1911.

Юридическій бытъ киргизовъ.

251

I. ВЕЩНОЕ ПРАВО.

II. ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО.

Ал. Ив. Мякутинъ.

ОРЕНБУРГЪ.

Типографія Тургайскаго Обл. Правл.

1910.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. ВВЕДЕНИЕ	1—8
2. ВЕЩНОЕ ПРАВО	9—58
<i>А. Право собственности</i>	9—57
а) Общая характеристика вещныхъ правъ	9—14
б) Общинное владѣніе	14—16
I. Зимовыя стойбища (зимовки).	16—18
II. Кочевья (лѣтовки)	18—19
III. Пахотныя земли.	19—22
IV. Сѣнокосы	22
V. Вода	23—25
в) Способы пріобрѣтенія вещныхъ правъ	25—26
I. Завладѣніе (оккупация).	26—30
II. Баранта.	30—36
III. Давность (пріобрѣтательная)	36—39
IV. Приращеніе.	39—40
V. Находка	40—44
VI. Военная добыча	44—45
VII. Охота	46—47
г) Укрѣпленіе вещныхъ правъ	47—50
д) Защита правъ	50—52
е) Способы прекращенія вещныхъ правъ	52—53
ж) Ограниченія вещныхъ правъ	53—55
I. Право участія въ пользованіи и выгодахъ чужого имущества	53—54
II. Ограниченія пріаза собственности относительно каждой составной его части независимо отъ правъ участія	54—55
III. Ограниченія права собственности; вытекающія изъ родового начала	55
з) Владѣніе, какъ фактъ	55
<i>Б. Право на чужую вещь</i>	58

3. ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО	59—176
А. Сдѣлки	60
а) Личныя условія сдѣлокъ	61—66
I. Правоспособность	61—62
II. Дѣеспособность	62
аа) Возрастъ	63—64
бб) Присутствіе сознательной воли	64—66
б) Предметъ и содержаніе сдѣлокъ	67
в) Формальныя условія заключенія сдѣлокъ	68—73
I. Формы заключенія сдѣлокъ	68—72
II. Обряды при заключеніи сдѣлокъ	72—73
Б. Обязательства	73—81
а) Источники обязательствъ	73—75
б) Исполненіе обязательствъ и послѣдствія неисполненія ихъ	75—77
в) Отсрочки по обязательствамъ	77—78
г) Прекращеніе обязательствъ	78—81
В. Средства обезпеченія обязательствъ	82—92
а) Неустойка	82
б) Поручительство	82—86
в) Задатокъ	86—87
г) Залогъ	87—90
д) Задержаніе чужого имущества	90—92
Г. Сдѣлки отчужденія и временнаго предоставленія имущества	93—138
а) Дареніе	93—97
б) Мѣна	98—101
в) Купля—продажа	101
I. Предметъ купли—продажи	101—104
II. Лица, могущія вступить въ договоръ купли—продажи	104—105
III. Совершеніе купли—продажи	105—108
IV. Юридическія отношенія, возникающія изъ договора купли—продажи	108—112
V. Условная продажа	112—113

VI. Двойная продажа одной и той же

вещи 113—114

VII. Прекращение договора купли—про-

дажи 114—115

г) Наемъ имущества 115—121

д) Ссуда 121—127

е) Заемъ 127—138

Д. Обязательства, относящіяся къ личнымъ услугамъ 138—150

а) Личный наемъ 138—144

б) Довѣренность 144—146

в) Поклажа 146—150

г) Страхование 150

Е. Союзы товарищества (артели) 150—153

Ж. Обязательства, происходящія отъ нанесенія

ущерба 153—176

а) Отвѣтственность хозяина за принадле-
жащихъ ему животныхъ 156—159

б) Отвѣтственность за убытки отъ небреж-
наго исполненія обязанностей или
отъ неосторожности 159—162

в) Потрава чужихъ угодій 162—164

г) Различные случаи поврежденія чужого
имущества 164—166

д) Неправое владѣніе 166—168

е) Неправое пользованіе чужимъ имуще-
ствомъ 168—171

ж) Особенныя основанія права на воз-
мѣщеніе ущерба 171—176

I. Личныя обиды 171—174

II. Ущербъ отъ поврежденія здоровья 174—175

III. Судебные убытки 175—176

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сокращенныя и полныя названія печатныхъ источниковъ.

I. *Гродековъ Н. И.* — «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области». Томъ первый. «Юридическій бытъ». Ташкентъ. 1889 г.

II. *Самоковсовъ Д. Я.* — «Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ». Варшава. 1876 г. «Обычаи киргизовъ».

III. *Оренбург. отд. испр. общ.* — «Записки Оренбургскаго отдѣла Императорскаго русскаго гесграфическаго общества». Выпускъ второй. Казань. 1871 г. «Народные обычаи, имѣвшіе, а отчасти и нынѣ имѣющіе въ Малой киргизской ордѣ силу закона». Собраны по приказанію Л. Баллюзека.

IV. *Словохотовъ Л. А.* — «Труды Оренбургской ученой архивной комиссіи». Выпускъ XV-й. «Народный судъ обычнаго права киргизъ Малой орды». Оренбургъ 1905 г.

V. *Пахманъ С. В.* — «Обычное гражданское право въ Россіи». «Юридическіе очерки». Томъ 1-ый С.-Петербургъ. 1877 г.

VI. *Ковалевскій М.* — «Современный обычай и древній законъ» Томъ первый. Москва. 1886 г. «Обычное право осетинъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи».

VII. *Мейеръ Д. И.* — «Русское гражданское право». Чтенія, изданныя по запискамъ слушателей подъ редакціей А. И. Вицына. Изданіе восьмое съ исправленіями и дополненіями А. Х. Гольмстена. С.-Петербургъ. 1902 годъ.

VIII. *Гольмстенъ А. Х.* — «Гражданское право». Курсъ младшаго класса Александровской Военно-Юридической Академіи. С.-Петербургъ.

IX. *Иларіоновъ.* — «Обычное право». I. «Очеркъ отношеній обычнаго права къ законодательствамъ». Харьковъ. 1894 г. Изданіе Харьковскаго сборника.

X. *Гриммъ Д. Д.* — «Курсъ римскаго права». Т. I., вып. 1-ый. С.-Петербургъ 1904 г.

XI. *Крафтъ И. И.* — «Судебная часть въ Туркестанскомъ краѣ и степныхъ областяхъ». Оренбургъ. 1898 г.

ХII. *Колмогоровъ Г. В.*—«Вѣстникъ Императорскаго русскаго географическаго общества». С.-Петербургъ 1885 г. «О промышленности и торговлѣ въ киргизской степи сибирскаго вѣдомства».

ХIII. *Маковецкій П. В.*—«Матеріалы для изученія юридическихъ обычаевъ киргизовъ». Вып. I. «Матеріальное право». Омскъ 1886 г. Изданіе Семипалатинскаго областного статистическаго комитета.

ХIV. *Якушкинъ Е.*—«Обычное право». «Матеріалы для библиографіи обычного права». Выпускъ второй. Ярославль 1896 г.

ХV. *Потанинъ Г.*—Записки Императорскаго русскаго географическаго общества по общей географіи Т. I. С.-Петербургъ. 1867 г. «Зимняя поѣздка на озеро Зайсанъ (зимой 1863—1864 г.)».

ХII. *Соколовъ Д. И.*—«О башкирскихъ тамгахъ».—«Труды Оренбургской ученой архивной комисіи». Выпускъ ХIII.

Введение.

I.

„Обычныя начала юридическаго быта должны входить и въ самую науку гражданскаго права. Давно уже отброшенъ взглядъ на науку права, какъ на систему однихъ положительныхъ законовъ: на какомъ бы уровнѣ не стояли воззрѣнія, выражающіяся въ народныхъ обычаяхъ, не могутъ быть они чужды научнаго изслѣдованія, такъ какъ наука не создаетъ явлений, а изучаетъ ихъ“.

С. В. Пахманъ.

II.

„Законодательство, особенно гражданское, должно быть воспроизведеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очисткою народныхъ юридическихъ воззрѣній“.

Д. И. Мейеръ.

«У каждой общественной группы, у каждого территориальнаго или профессиональнаго союза, у каждого кружка, достаточно сплоченнаго, достаточно связаннаго объективнымъ фактомъ общности условий жизни и субъективнымъ фактомъ сознанія вытекающей отсюда общности интересовъ», говоритъ профессоръ Д. Д. Гриммъ¹⁾, «непремѣнно складывается свое специфическое общественное мнѣніе».

¹⁾ Курсъ римскаго права Д. Д. Гримма; т. I. вып. 1-ый, 1904 г. стр. 63.

Авторитетъ общественнаго мѣнія играетъ въ соціальной жизни важную роль на ряду съ другими авторитетами. «Нормы, непосредственно покоящіяся на этомъ авторитетѣ, признанныя имъ, мы называемъ обычными, или бытовыми, а соотвѣтствующія типичныя формы поведенія — обычаями, или нравами»¹⁾. Тѣ обычаи, которые являются источникомъ права, называются юридическими обычаями, или обычнымъ правомъ²⁾. Профессоръ Д. И. Мейеръ опредѣляетъ обычное право, какъ «юридическое положеніе, раскрывающееся въ неоднократномъ и однообразномъ примѣненіи»³⁾.

Юридическіе обычаи предшествуютъ не только законамъ, но встрѣчаются и до появленія государствъ въ современномъ смыслѣ. Они частью сохраняются, частью возникаютъ вновь и послѣ появленія государствъ помимо всякаго участія органовъ государственной власти, очень часто вопреки прямому ея запрещенію.

Область примѣненія обычнаго права даже въ современныхъ государствахъ очень широка. Законъ иногда самъ допускаетъ нормы обычнаго права, такъ что онѣ замѣняютъ соотвѣтствующія статьи закона. Въ другихъ случаяхъ эти нормы дополняютъ пробѣлы закона.

Юридическіе обычаи составляютъ первую основу положительнаго права; въ нихъ выражается народный правовой взглядъ. Они находятся подъ вліяніемъ многочисленныхъ факторовъ физическаго и духовнаго міра: географическихъ и климатическихъ условій страны, формы общественной жизни, развитія экономическихъ, научныхъ, художественныхъ отношеній, нравственныхъ и религіозныхъ воззрѣній. Всѣ отличительныя черты народа отражаются въ обычномъ правѣ, которое въ свою очередь съ развитіемъ общественной и государственной жизни народа вліяетъ на законодательную дѣятельность государства. Такъ, по замѣчанію Мэна въ его сочиненіи: «Древнѣйшая исторія учреждений», римское право исходитъ изъ

¹⁾ Гриммъ — стр. 63.

²⁾ Д. И. Мейеръ — стр. 14.

³⁾ Н. — стр. 15.

небольшого числа арійскихъ обычаевъ, которые были изложены въ письменной формѣ въ V столѣтіи до Р. X. и сдѣлались извѣстными подъ именемъ законовъ XII таблиц¹⁾.

Правосознаніе творится въ народѣ, а не только въ высшихъ классахъ, и оно должно отразиться въ законахъ²⁾. Законодатель не можетъ не считаться съ воззрѣніями народа, воплотившимися въ обычномъ правѣ.

По словамъ Д. И. Мейера, первая задача общественной власти — «держаться юридическихъ воззрѣній народа, стараться уловить ихъ, коммунировать; такъ что ближайшимъ образомъ гражданскіе законы, исходящіе отъ общественной власти, должны представляться выраженіемъ тѣхъ законовъ, по которымъ, независимо отъ нея, происходятъ имущественныя явленія въ дѣйствительности. Въ противномъ случаѣ образуется двойственное право, право дѣйствительной жизни и право кодификаціонное: юридическій бытъ не приметъ опредѣленій законодательства, противорѣчащихъ его воззрѣніямъ, и будетъ слѣдовать своимъ законамъ». Результатомъ всего будетъ множество вредныхъ послѣдствій для гражданскаго быта въ нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ³⁾.

Исторія знаетъ этому классическій примѣръ. Въ 1714 году Императоръ Петръ Великій издалъ законъ объ единонаслѣдіи въ недвижимыхъ имуществахъ. Но явились многочисленныя злоупотребленія въ обходъ этого закона, и государственной власти пришлось его отмѣнить.

Впрочемъ, необходимо оговориться, что общественная власть въ законодательной дѣятельности не должна исключительно только воспроизводить юридическія воззрѣнія народа, но и подчинять ихъ цѣли государственнаго существованія.

Съ обычнымъ правомъ народа законодатель долженъ еще считаться потому, что оно — результатъ многовѣко-

¹⁾ Илларионовъ „Очеркъ отношеній обычнаго права къ законодательству“, стр. 1—3.

²⁾ Изъ лекцій профессора Алекс. военно-юр. акад. князя Друцкаго въ 1907 г.

³⁾ Мейеръ, стр. 7 и 16.

вого опыта, а не теоретическихъ соображеній. Для примѣра можно сослаться на русскіе юридическіе обычаи. Замѣчательная работа профессора Пахмана «Обычное гражданское право въ Россіи», къ удивленію ученаго міра, доказала, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нормы русскаго обычнаго права выше постановленій X-го тома, иногда онѣ совпадаютъ съ взглядами знаменитныхъ римскихъ юристовъ. Только данныя жизни могли привести къ такимъ блестящимъ результатамъ ¹⁾.

Особенно важно цивилистамъ Россіи знать обычаи населяющихъ ее народовъ для созданія соотвѣтственнаго кодекса гражданскихъ законовъ.

Уже изложенное выше показываетъ, что обычное право достойно изученія. Но, кромѣ этого, изслѣдованія его полезны и по многимъ другимъ основаніямъ.

Во—первыхъ, нельзя разобратъся въ вопросахъ землепользованія и наслѣдованія крестьянъ и инородцевъ, не считаясь съ ихъ обычаями. Между тѣмъ въ настоящее время это приходится дѣлать земскимъ и крестьянскимъ начальникамъ и членамъ уѣздныхъ сѣздовъ, а впослѣдствіи, когда будетъ осуществленъ законопроектъ о введеніи повсемѣстно института мировыхъ судей, придется дѣлать и общимъ судьямъ. Здѣсь кстати будетъ упомянуть о вліяніи, какое оказалъ институтъ земскихъ начальниковъ, введенный въ 1889 году, на обычное право. Благодаря незнакомству съ юридическими обычаями народа, земскіе начальники деморализуютъ, вмѣсто улучшенія, уже сложившееся и имѣющее за собой много хорошаго, обычное право и ведутъ его къ паденію. Какъ извѣстно, земскіе начальники рекомендуютъ волостнымъ судамъ держаться X-го тома, а уѣздный сѣздъ свои рѣшенія даже основываетъ на этомъ томѣ. Такимъ образомъ, обычное право изгоняется изъ крестьянскихъ судовъ ²⁾.

Во—вторыхъ, знаніе юридическихъ обычаевъ совре-

¹⁾ Изъ лекцій профессора А. Х. Гольмстена по гражданскому праву въ 1906 году.

²⁾ Изъ лекцій по гражд. праву профес. Гольмстена въ 1906 г.

менныхъ народовъ, стоящихъ на низшихъ степеняхъ культуры, даетъ возможность понимать истинное значеніе обычаевъ и обрядовъ, существующихъ въ низшихъ классахъ населенія современныхъ цивилизованныхъ государствъ, смыслъ которыхъ уже не понятенъ высшимъ классамъ.

Въ — третьихъ, знаніе юридическаго быта современныхъ первобытныхъ народовъ облегчаетъ пониманіе содержанія древнѣйшихъ памятниковъ обычнаго права и законодательства теперешнихъ цивилизованныхъ народовъ, — слѣдовательно, облегчаетъ изученіе исторіи и исторіи права каждаго народа ¹⁾.

Въ частности, изученіе инородческаго обычнаго права полезно для сравнительнаго изученія русскихъ обычаевъ и обрядовъ. Многіе русскіе юридическіе обычаи, по компетентному замѣчанію профессора Кистяковского, не могутъ быть поняты безъ изученія быта финскихъ, монгольскихъ и тюркскихъ племенъ²⁾. Знаніе инородческихъ обычныхъ правоотношеній нужно и государственнымъ дѣятелямъ затѣмъ, чтобы соотвѣтственнымъ образомъ управлять многочисленными народами, населяющими наше отчество.

Въ виду изложеннаго, весьма желательно, чтобы въ нашихъ университетахъ въ кругъ юридическихъ наукъ вошелъ курсъ обычнаго права Россіи. До настоящаго времени русская юриспруденція весьма немного сдѣлала для изслѣдованія юридическихъ обычаевъ; она довольствуется изученіемъ писаннаго права.

О причинахъ такого отношенія къ обычному праву профессоръ Д. И. Мейеръ высказалъ слѣдующее: «Наука гражданскаго права не можетъ ограничиться изученіемъ положительныхъ гражданскихъ законовъ. Должно сознаться, однако, что возрѣніе на юриспруденцію, какъ на науку положительныхъ законовъ, у насъ господствующее. И вотъ обстоятельства, поддерживающія это возрѣніе:

¹⁾ Самоквасова стр. 1.

²⁾ Кистяковский „Къ вопросу о вліяніи инородч. права на русское“, Юридич. Вѣстникъ 1880 г., и Словохотовъ стр. 20.

изученіе положительных законовъ легче, чѣмъ изученіе закона дѣйствительности. Изученіе закона дѣйствительности требуетъ постояннаго наблюденія надъ явленіями дѣйствительности, обширнаго знакомства съ жизнью, разоблаченія многихъ юридическихъ отношеній, тайныхъ для постороннихъ лицъ: все это дѣло не легкое. Потому, если существуетъ воззрѣніе, что юриспруденція состоитъ въ изученіи положительныхъ законовъ, очень легко поддаться ему: человѣкъ очень склоненъ успокаивать совѣсть свою какими бы то ни было средствами и, видя трудность въ изученіи законовъ дѣйствительности, охотно хватается за мнѣніе, что знаніе положительныхъ законовъ составляетъ науку правовѣдѣнія¹⁾.

Благодаря малой изслѣдованности, изученіе обычнаго права вообще весьма затруднительно, особенно если принять въ расчетъ то, что юридическіе обычаи обратили на себя вниманіе изслѣдователей большею частью въ смыслѣ этнографическомъ и правоописательномъ. Последнее было высказано Пахманомъ²⁾ относительно лицъ, изучавшихъ русскій народный бытъ, но оно въ полной мѣрѣ, если не въ большей степени, примѣнимо и къ изслѣдователямъ инородческихъ обычаевъ. Русское обычное право составляетъ счастливое исключеніе: въ этомъ отношеніи имѣются обширные (9 томовъ) «Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ» (1873 — 1874 г.), душой которой былъ Неклюдовъ. Потому юридическія воззрѣнія находятся въ связи съ духомъ народа и потому свойственны цѣлому народу; но такъ какъ въ народности имѣются мѣстные оттѣнки, то и юридическія воззрѣнія подлежатъ вліянію мѣстности³⁾. Затѣмъ юридическіе обычаи не такъ устойчивы, не такъ опредѣленны, какъ положительные законы, скорѣе, чѣмъ послѣдніе, измѣняются сообразно требованію времени, мѣста и другихъ обстоятельствъ. Все это говорить о трудности работы по обычному праву вообще.

¹⁾ Мейеръ—стр. 8.

²⁾ Пахманъ—стр. X.

³⁾ Мейеръ—стр. 6.

Въ болѣе тяжелое положеніе, чѣмъ кто-либо, попадаетъ желающій обследовать обычный правопорядокъ киргизовъ: «ученые юристы не заглядывали въ скучную, бесплодную, унылую и неизмѣнную степь киргизскаго кочевья»¹⁾). Юридическій бытъ этого народа почти совершенно незнакомъ людямъ науки, а имѣющіяся по этому вопросу свѣдѣнія въ печати крайне неполны, неопредѣлены, сбивчивы, часто противорѣчивы.

Трудность изученія обычнаго права («адата») киргизовъ еще увеличивается по слѣдующему соображенію: вслѣдствіе общенія съ осѣдлыми жителями, вліянія мухамеданства съ его шаріатомъ²⁾, измѣненія экономическихъ условій, долгаго пребыванія киргизовъ въ зависимости отъ различныхъ народностей, оно по словамъ И. И. Крафта³⁾, подверглось такимъ измѣненіямъ, что отъ прежняго адата остаются чуть замѣтные слѣды, перепутанные разными наслоеніями. Кромѣ того, конгломератъ строенія и образованія киргизскаго народа обусловливаетъ хаотическое состояніе обычнаго права: въ немъ нѣтъ ничего цѣльнаго, основнаго. Тѣмъ не менѣе съ изученіемъ киргизскаго адата нужно торопиться. Законъ 1902 года призвалъ къ разрѣшенію многихъ киргизскихъ дѣлъ крестьянскихъ начальниковъ,—отрицательное отношеніе этихъ лицъ къ обычному праву можетъ разрушить основныя принципы юридическаго быта.

Но въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ окажется тотъ, кто рискнетъ специально заняться научной обработкой матеріально-гражданскихъ правоотношеній въ обычномъ правѣ киргизовъ. Причины тому, кромѣ указанныхъ выше общихъ причинъ, таковы: 1) гражданскія правоотношенія у киргизовъ слабо развиты: жизнь кочевника проста, такъ какъ широкая и привольная степь требуетъ отъ него мало труда, и 2) эмбріональное состояніе института личной собственности, потому что степь не зна-

¹⁾ Словохотовъ—стр. 23.

²⁾ Шаріатъ—практическій толкователь корана.

³⁾ И. И. Крафтъ. Судебная часть въ Туркестанскомъ краѣ и степныхъ областяхъ. Оренбургъ. 1898 г. стр. 19.

еть дѣленія земли на участки. Тѣмъ не менѣе характеръ настоящей работы именно такой; задача же ея — собрать разбросанныя по разнымъ сочиненіямъ, писаннымъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ съ этнографическими цѣлями и не юристами, мелкія крупинки матеріальныхъ правоотношеній въ киргизскомъ адатѣ гражданскаго характера, описать ихъ, дать имъ юридическую квалификацію, постараться объяснить ихъ значеніе и, наконецъ, сравнить съ обычаями другихъ народовъ.

Для начала работы авторъ беретъ труднѣйшіе отдѣлы гражданско-правовыхъ отношеній: I—право вещное, II—право обязательственное.

Вещное право.

А) Право собственности.

а) Общая характеристика вещныхъ правъ.

У киргизовъ, по условіямъ ихъ кочевой жизни, не могло быть индивидуальной земельной собственности; земля принадлежала всему народу. Недаромъ древняя киргизская поговорка говоритъ: «У сартовъ земля наслѣдство, у киргизовъ жена наслѣдство»¹⁾. Даже въ ханскихъ ярлыкахъ о владѣніи никогда не упоминалась земля, а только арыки, зимовки и лѣтовки²⁾. Самъ киргизскій родоначальникъ Алаша, раздѣляя свое имущество на четыре части (одну онъ оставилъ себѣ, а остальные три равныхъ части отдалъ тремъ сыновьямъ, отъ которыхъ ведутъ начало существующія нынѣ три орды), не счелъ возможнымъ дѣлить землю, а только скотъ³⁾. Въ настоящее время, согласно Положенію объ управленіи Туркестанскаго края 12 іюня 1886 года, земли, занимаемыя кочевьями киргизовъ, принадлежатъ государству, а кочевники имѣютъ на нихъ только право безсрочнаго общественнаго пользованія.

Разумѣется, что при такой формѣ земельного обладанія у киргизовъ нельзя искать яснаго разграниченія собственности отъ другихъ правъ на имущества. «Земля», по словамъ Пахмана⁴⁾, «составляетъ главный предметъ об-

¹⁾ Гродековъ—стр. 51.

²⁾ Н.—стр. 105.

³⁾ Н.—стр. 112.

⁴⁾ Пахманъ—стр. 3.

ладанія, на которомъ преимущественно вырабатывается понятие о личной собственности». Кроме того, народъ этотъ находится на низкой ступени общественнаго развитія. А въ этомъ состояніи стремленіе къ исключительному обладанію «проявляется въ одномъ физическомъ господствѣ надъ вещами, основанномъ на индивидуальной силѣ, и всякое обладаніе носитъ характеръ чисто фактическій»¹⁾. Дѣйствительно, имущественныя правоотношенія киргизовъ покоятся большею частью на владѣніи и захватахъ, т. е. на признаніи правомѣрности фактическихъ состояній. Въ силу этого же богачи, вліятельныя и властные лица являются въ степи полными господами, а бѣдные находятся въ зависимости отъ нихъ. Чтобы можно было судить, до какой степени въ киргизскомъ быту остается еще неразвитымъ уваженіе къ собственности бѣдняковъ, путешественникъ Потанинъ приводитъ слѣдующія факты. Плакатныя деньги за транспортировку сухарей на верблюдахъ, бывающую въ степи въ видѣ земской повинности, не доходятъ до хозяевъ верблюдовъ, а обыкновенно остаются въ рукахъ старшихъ. Лошади, выставляемыя киргизами на дороги для проѣзда начальниковъ, поступаютъ въ собственность старшихъ; если чиновникъ загонитъ такую лошадь, то деньги беретъ себѣ старшина. Отъ этого подводчики при этихъ лошадяхъ не имѣютъ къ нимъ никакого сожалѣнія.²⁾ Въ pendant къ этому отсутствіе сильной общественной власти породило особый способъ исполненія судебныхъ приговоровъ — баранту, институтъ упорядоченнаго самоуправства.

Однако самое понятие права собственности не чуждо киргизскому народу. Извѣстный родоначальникъ Алаша, назвавъ доставшуюся каждому сыну долю «синчею», т. е. неотъемлемою и неприкосновенною «собственностью» каждаго изъ нихъ. Остальное имущество Алаша передалъ всѣмъ сыновьямъ со словами: «Примите отъ меня еще оставшуюся у меня четвертую часть моего имущества и считайте ее уже не своею «собственностью», а общимъ

¹⁾ Н.—стр. 1.

²⁾ Записки Император. русск. геогр. общ. т. I 1867 г., стр. 447.

достояніемъ и какъ бы нераздѣленною между вами на вѣки вѣковъ иначею». Последняя инча служить киргизамъ источникомъ, изъ котораго покрываются расходы по угощенію и пріюту путниковъ¹⁾. Затѣмъ, киргизъ Торгай рассказываетъ, что, если кто-нибудь украдетъ подаренное имъ же, то бій говорить вору: „Зачѣмъ ты дарилъ? теперь это уже его «собственность»“²⁾.

Право собственности (и то не въ строгомъ смыслѣ этого понятія) въ киргизскомъ юридическомъ быту распространяется главнымъ образомъ на скотъ, затѣмъ на строенія, сады, арыки, колодцы, на предметы домашняго обихода.

Собственникомъ индивидуальнаго имущества у киргизовъ является отдѣльный хозяинъ, глава семьи. Жена и невыдѣленные дѣти не имѣютъ никакого имущества. Жена, живя съ мужемъ, участвуетъ вмѣстѣ съ нимъ въ пользованіи имуществомъ, но она не можетъ распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію³⁾. Уходя отъ мужа, жена не беретъ съ собою ничего. Если бы она унесла съ собой что-нибудь, то это считается воровствомъ⁴⁾. Въ древности, если жена умирала бездѣтной, то родителямъ ея возвращалось изъ даннаго за нею приданнаго: ея платья, шуба, коверъ, одѣяло, «саукале»⁵⁾, платокъ, верховая лошадь и одинъ изъ вьючныхъ верблюдовъ⁶⁾. Только про каракиргизовъ въ изслѣдованіи Гродекова упомянуто, что у нихъ супруги имѣютъ общее имущество (инчелесь⁷⁾), но не выяснено, какъ они распоряжаются этимъ имуществомъ.

Несмотря на то, что собственникомъ имущества является отдѣльный хозяинъ, право его до нѣкоторой степени ограничено.

Прежде всего ограниченія эти вытекаютъ изъ родового начала, еще довольно сильнаго въ степи. Отецъ

¹⁾ Гродековъ, стр. 112 и Оренбур. отд. геогр. общ.—стр. 146—147.

²⁾ Гродековъ—стр. 124.

³⁾ Ib.—стр.—93.

⁴⁾ Ib.—стр. 160.

⁵⁾ „Саукале“—головной нарядъ невесты.

⁶⁾ Гродековъ—стр. 94 и Оренбургск. отд. геогр. общ. вып. II, стр. 104.

⁷⁾ Гродековъ—стр. 93.

и дѣдъ можетъ брать у сына и внука сколько угодно разъ и сколько угодно имущества; даже можетъ продать все, что есть у сына. Сынъ у дѣда и отца можетъ брать до трехъ разъ; въ четвертый разъ полагается штрафъ¹⁾. Впрочемъ, судя по Самоквасову, на дѣтей, самовольно взявшихъ что-либо изъ отцовскаго имущества, родители обыкновенно накладываютъ домашнее наказаніе²⁾. Племянникъ, если на свои просьбы о подаркѣ не получитъ такового, можетъ брать до трехъ разъ; если взялъ слишкомъ много, то у него отнимаютъ лишнее, оставляя ему одну—двѣ скотины; если племянникъ взялъ индивидуально выдающуюся вещь, напримѣръ скакуна, то дядя можетъ потребовать ея выдачи въ обмѣнъ на что-нибудь другое. При кражѣ въ четвертый разъ племяннику говорятъ: «Ты лишаешься правъ племянника»³⁾. Дозволяется родственнику у родственника до третьяго колѣна похищать и не отдавать до трехъ разъ. У родни дальше третьяго колѣна разрѣшается воровать⁴⁾ (однако съ обязательствомъ отдать по мѣрѣ возможности) въ определенныхъ случаяхъ, именно: а) для уплаты калыма, потому что умноженіе потомства есть дѣло похвальное; б) для уплаты долга; в) во время голода, и г) для нужной поѣздки и для преслѣдованія воровъ⁵⁾. Впрочемъ, и всякій киргизъ при крайней нуждѣ, напримѣръ во время погони за хищниками, угнавшими у него скоть, имѣетъ право взять лошадь изъ перваго попавшагося ему табуна, не спрашивая о томъ хозяина⁶⁾. Бѣдные, не получая поддержки отъ богатой родни, крадутъ или отнимаютъ у нихъ нужные предметы на время или навсегда. Призы на скачкахъ дѣлятся родомъ выигравшаго лица⁷⁾. Ни одинъ отецъ не можетъ обойтись безъ уплаты калыма за сына; иначе сыну предоставляется, не считаясь во-

¹⁾ Гб.—стр. 114 и 160.

²⁾ Самоквасовъ—стр. 270.

³⁾ Гродековъ—стр. 160.

⁴⁾ Слова: кража, воровать, похищать, употреблены здѣсь въ бытовомъ значеніи.

⁵⁾ Гродековъ—стр. 160—161.

⁶⁾ Оренбург. отд. геогр. общ.—149.

⁷⁾ Гродековъ—стр. 114—115.

ромъ, отогнать необходимое количество скота изъ отцовскаго стада. Minimum сыновняго выдѣла опредѣляется старцами¹⁾. Родители могутъ удѣлить постороннимъ въ родѣ лицамъ только восьмую часть своего имущества на поминки, а семь частей непремѣнно идетъ въ наслѣдство дѣтямъ, болѣе же отдать постороннимъ они не имѣютъ права, и общество того имъ не позволитъ²⁾. Никакихъ завѣщаній, кромѣ наставленій, у киргизовъ не признается. Отецъ не можетъ завѣщать одному сыну столько-то, а другому столько-то. Все наслѣдство достается невыдѣленнымъ, обыкновенно младшимъ, сыновьямъ, которые и обязаны нести расходы на поминки и на похороны. Если бы отецъ захотѣлъ лишить невыдѣленнаго сына наслѣдства, то сынъ потребовалъ бы его черезъ судью, который и присудилъ бы его непремѣнно³⁾.

Другой принципъ, изъ котораго вытекаютъ нѣкоторыя ограниченія права собственности, — общность земли. Въ силу его «аксакалы»⁴⁾ производятъ въ пользу бѣдныхъ сборъ съ народа даже противъ воли лица⁵⁾. Доказательствомъ того, что упомянутый сборъ имѣетъ своей причиной общность земли, можетъ служить фраза, съ которой бѣдный обращается за помощью къ богатому: «Дай мнѣ траву твоего скота», говоритъ онъ богатому, т. е. вознагради меня за мое общее съ тобой право на ту траву, на которой пасется твой скотъ⁶⁾.

Такимъ образомъ, главными факторами, придающими специфическую окраску киргизскому адату, служатъ: 1) кочевой образъ жизни, 2) родовой бытъ, 3) обширное по пространству земли общинное землевладѣніе, расплывшееся по лицу широкой степи, 4) низкое культурное развитіе киргизскаго народа, влекущее слабую общественную власть и правомѣрность фактическихъ состояній. Подробно вліяніе каждаго изъ этихъ факторовъ на тѣ или другіе

¹⁾ Гродековъ — стр. 44 — 45.

²⁾ Самоквасовъ — стр. 281.

³⁾ Гродековъ — стр. 51.

⁴⁾ Аксакалы — старѣйшины.

⁵⁾ Гродековъ — стр. 114.

⁶⁾ Гродековъ — стр. 116.

институты киргизской жизни будетъ разсмотрѣно при дальнѣйшемъ положеніи.

Намѣтивъ въ общихъ чертахъ принципы вещныхъ отношеній гражданскаго характера въ киргизскомъ быту, необходимо сначала остановиться на общинномъ владѣніи; затѣмъ перейти къ способамъ пріобрѣтенія вещныхъ правъ; потомъ обратиться къ изслѣдованію укрѣпленія, защиты и способовъ прекращенія правъ на имущества, и, наконецъ, сказать нѣсколько словъ объ ограниченіи вещныхъ правъ и о владѣніи, какъ фактѣ.

б) Общинное владѣніе.

Киргизское землевладѣніе подходитъ подъ понятіе общиннаго владѣнія. Это не общая собственность, а отдѣльная, потому что, хотя киргизы пользуются землею сообща, но право собственности (въ настоящее время право владѣнія) на эту землю принадлежитъ общинѣ, какъ юридическому лицу, на правѣ отдѣльной собственности.

Къ характернымъ чертамъ общиннаго владѣнія профессоръ А. Х. Гольмстенъ ¹⁾ относитъ:

а) принадлежность земли на правѣ собственности (а иногда и на правѣ владѣнія) общинѣ, хотя право собственности и ограничено относительно распоряженія;

в) отдѣльнымъ членамъ общины принадлежитъ лишь право пользованія, иногда соединенное и съ владѣніемъ, при чемъ это право можетъ быть отчуждено лишь лицамъ, приписаннымъ къ сельскимъ обществамъ, а закладывать надѣльную землю безусловно запрещается;

г) право пользованія принадлежитъ члену общины, какъ домохозяину, представителю „двора“;

д) право пользованія, принадлежащее членамъ общины, различно по различію назначенія имущества, какъ предмета общиннаго землевладѣнія; такъ, различаютъ: 1) усадебную землю, 2) пахотную землю; 3) сѣнокосы; 4) выгоны.

¹⁾ Мейеръ—стр. 283.

Всѣ эти элементы имѣются и въ киргизскомъ землевладѣніи, съ нѣкоторыми измѣненіями, зависящими главнымъ образомъ отъ кочевого быта киргизовъ. Въ самомъ дѣлѣ:

а) Земля киргизовъ, какъ было сказано выше, принадлежитъ государству, но находится въ потомственномъ владѣніи отдѣльныхъ ордъ, родовъ и волостей.

в) Члены общины имѣютъ право пользованія, которое въ отношеніи колодцевъ, арыковъ, зимовыхъ стойбищъ, а также мѣстъ, на которыхъ сдѣланы насажденія или возведены постройки, соединено съ владѣніемъ. Право пользованія въ данной общинѣ можетъ получить только тотъ, кто приписанъ къ этой общинѣ; посторонній человѣкъ обязанъ платить въ пользу общества арендную плату¹⁾. Залога вещей, вообще говоря, въ степи нѣтъ, но зимовыя стойбища съ находящимися на нихъ постройками отдаются въ залогъ²⁾; въ этомъ киргизскій бытъ представляетъ исключеніе сравнительно съ бытомъ русскаго сельскаго населенія.

с) Право пользованія землею принадлежитъ отдѣльнымъ членамъ общины въ силу предоставленія такого права со стороны общины, такъ что они осуществляютъ права, принадлежащія самой общинѣ. Означеннымъ правомъ обладаетъ у киргизовъ всякій, у кого есть свое хозяйство. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что киргизы не живутъ большими семьями, существованіе которыхъ бываетъ обусловлено архаическимъ аграрнымъ коммунизмомъ, какъ это было, иногда бываетъ и теперь у русскихъ крестьянъ и осетинъ. У киргизовъ обыкновенно выдѣлъ сыновей происходитъ послѣ ихъ вступленія въ бракъ и по порядку старшинства; поэтому у нихъ есть даже поговорка: «въ пятнадцать лѣтъ — хозяинъ кибитки.»³⁾

д) Право пользованія у киргизовъ различно, смотря по назначенію имущества, такъ что членамъ общества

¹⁾ Гродековъ—стр. 103.

²⁾ Н.—стр. 130.

³⁾ Гродековъ—стр. 43.

предоставляется или право пользования, соединенное съ владѣніемъ, или же одно право пользования безъ владѣнія. Различіе это зависитъ отъ свойства назначенія земли и ея угодій. Вопросъ этотъ относится до юридическаго различія отдѣльныхъ предметовъ общиннаго владѣнія и будетъ рассмотрѣнъ ниже.

Пахманъ даетъ слѣдующее краткое опредѣленіе общиннаго владѣнія: «Общинное владѣніе есть та форма имущественныхъ правъ, въ силу которой право владѣнія и пользования даннымъ пространствомъ земли принадлежитъ самой общинѣ, какъ собственнику или владѣльцу земли, при чемъ каждому члену ея, какъ домохозяину, предоставляется въ ней или право пользования, соединеннаго съ владѣніемъ, или же одно право пользования»¹⁾. Опредѣленіе это аналогично съ признаками, указанными профессоромъ А. Х. Гольмстеномъ. Въ объясненіяхъ по поводу даннаго опредѣленія Пахманъ подчеркиваетъ, что «для понятія общиннаго владѣнія вовсе не существенно (въ смыслѣ юридическомъ), чтобы община была собственницей предоставленной въ ея распоряженіе земли.» Доказательствомъ этого служить то, что въ Россіи общинное владѣніе существовало до освобожденія крестьянъ, когда земля не была собственностью ни крестьянъ ни общинъ, а для временно-обязанныхъ и послѣ крестьянской реформы земля была дана только въ пользованіе впредь до окончанія выкупной операціи.

Изложенное не оставляетъ сомнѣнія, что киргизы обладаютъ землей въ формѣ общиннаго владѣнія.

Обращаясь къ обзору отдѣльныхъ предметовъ общиннаго владѣнія, слѣдуетъ рассмотреть: 1) зимовыя стойбища, 2) кочевыя (лѣтовки), 3) пахатныя земли, 4) сѣнокосы, 5) пользованіе водой.

І. Зимовыя стойбища (зимовки).

Земля подъ зимовки занимается преимущественно въ мѣстахъ, поросшихъ саксауломъ, кустарникомъ или

¹⁾ Пахманъ—стр. 12.

камышомъ, гдѣ люди и скотъ находятъ зимой защиту отъ холода, вѣтра и бурана. Зимовья стойбища представляются въ безсрочное общественное пользованіе каждой волости отдѣльно по мѣрѣ дѣйствительной необходимости и согласно обычаямъ, а въ случаѣ возникновенія споровъ—по количеству наличнаго скота и размѣрамъ хозяйства¹⁾. Для распредѣленія зимовыхъ стойбищъ и разбора споровъ между волостями собираются особые съѣзды. Между хозяевами кибитокъ зимовья стойбища распредѣляются аульными сходами. Основаніемъ распредѣленія служить количество скота и размѣръ хозяйства²⁾. При такомъ порядкѣ поземельное пользованіе распредѣлено неравномѣрно и находится въ рукахъ зажиточныхъ людей³⁾.

Подъ зимовымъ стойбищемъ понимается участокъ земли, отведенный общиннику (люди чужихъ общинъ на зимовки не пускаются) для устройства на зиму жилыхъ и хозяйственныхъ сооружений, для складовъ сѣна и для пастбы («тюбенежки») ⁴⁾ скота. Постройки, возведенныя на отведенной общиной землѣ, принадлежатъ общиннику на правѣ полной собственности. Земли, занятыя постройками, переходятъ по наслѣдству, пока существуютъ строенія. Съ уничтоженіемъ построекъ, земля возвращается обществу ⁵⁾. Такимъ образомъ, извѣстное правило, по которому все, построенное на чужой землѣ, становится собственностью того, чья земля, не прии́мается къ общинному владѣнію вообще и къ киргизскому въ частности. Это же самое надо сказать и о насажденіяхъ: они считаются полной собственностью владѣльца усадьбы, но опять въ смыслѣ имущества, отдѣльнаго отъ земли, и также укрѣпляютъ землю за ихъ собственникомъ до тѣхъ поръ, пока насажденія эти существуютъ. Что же касается зимовки въ полномъ ея составѣ, т. е. земли вмѣстѣ

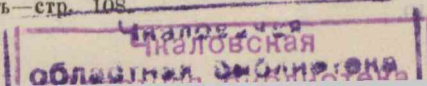
¹⁾ Гродековъ—стр. 102, 107.

²⁾ Н.—стр. 108.

³⁾ Н.—стр. 102.

⁴⁾ „Тюбенежка“—зимняя пастба скота, при которой животные, разгребая ногами снѣгъ, добываютъ себѣ кормъ.

⁵⁾ Гродековъ—стр. 108.

со всѣмъ на ней посаженнымъ и построеннымъ, то она принадлежитъ хозяину кибитки всего только на правѣ владѣнія и пользованія.

Для полной характеристики необходимо замѣтить, что земля зимовки состоитъ въ нераздѣльномъ пользованіи хозяина кибитки съ его семьей; поэтому выдѣленный сынъ въ этой землѣ доли не получитъ, — земля остается за невыдѣленными ¹⁾. То же самое имѣетъ мѣсто и въ русскомъ сельскомъ быту ²⁾.

Кочевья (лѣтовки).

Киргизы до настоящаго времени кочуютъ согласно древнему обычаю обществами одного рода. Изъ другихъ родовъ допускаются только родственники по женской линіи и работники. Пути кочевокъ опредѣлены для каждаго рода. Всякій родъ имѣетъ извѣстные мѣста лѣтнихъ («джайляу») и осеннихъ («куздяу») кочевокъ ³⁾. У какиргизовъ также никто не можетъ занять лѣтовку, гдѣ издавна кочуетъ извѣстный родъ; посторонніе могутъ только просить: «Позвольте быть вашимъ сосѣдомъ», но требовать не могутъ, потому что на чужую лѣтовку у нихъ нѣтъ никакого права ⁴⁾. Кочуютъ по извѣстному направленію группами изъ большаго или меньшаго числа кибитокъ. Власти не опредѣляютъ отправления въ путь: каждый хозяинъ кибитки можетъ двинуться и остановиться, когда захочетъ; прикочевка къ чужимъ кибиткамъ возможна только съ разрѣшенія хозяевъ послѣднихъ, въ противномъ случаѣ виновный подвергается побоямъ, на которые не можетъ жаловаться суду ⁵⁾.

Такимъ образомъ, земли для кочеванія не подлежатъ дѣлежу. Право пользованія ими принадлежитъ каждому хозяину кибитки; оно происходитъ сообща съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ, при чемъ не имѣетъ никако-

¹⁾ Гродековъ—стр. 102.

²⁾ Пахманъ—стр. 16.

³⁾ Гродековъ—стр. 109.

⁴⁾ Н—стр. 111.

⁵⁾ Н—стр. 110.

го юридическаго значенія, у кого сколько скота; кочевья земли есть принадлежность рода, а не отдѣльных лицъ. Земли, отводимыя подъ кочевья, напоминаютъ выгоны русскихъ селъ, но только первыя несравненно обширнѣ вторыя.

При перекочевкахъ для отысканія свободнаго и удобнаго мѣста посылаются впередъ развѣдчики. Развѣдчикъ, избравъ подходящее мѣсто, ставитъ около него знакъ («белыги») ¹⁾. Если же, выбравъ мѣсто, развѣдчикъ не отмѣтитъ его никакимъ знакомъ, отправится для осмотра окрестныхъ пастбищъ, а по возвращеніи найдетъ, что вожакъ другого аула успѣлъ занять его мѣсто, то заявленіе перваго не принимается во вниманіе. Когда объ одномъ и томъ же мѣстѣ заспорятъ два развѣдчика, пришедшіе въ одно время съ двухъ противоположныхъ сторонъ, то споръ разрѣшается такимъ образомъ. Если одинъ изъ спорящихъ бій, а другой — извѣстный въ цѣломъ родѣ аксакаль, старѣйшина, то уступка дѣлается въ пользу послѣдняго. Если споръ происходитъ между биемъ и простымъ киргизомъ, то спорное мѣсто остается за первымъ. Если спорящіе — простые люди, то уступка дѣлается старшему лѣтами. Этому же слѣдуютъ при столкновеніи двухъ биевъ, двухъ аксакаловъ. При равенствѣ спорящихъ принимается въ соображеніе старшинство рода или отдѣленія ²⁾.

Пахотныя земли.

Если взглянуть съ точки зрѣнія отдѣльныхъ хозяевъ, то зимовки распредѣляются въ пользованіе, соединенное съ владѣніемъ, лѣтовки же представляются въ пользованіе, соединенное съ владѣніемъ, лѣтовки же предоставляются лишь въ пользованіе. Пахотныя земли отводятся на правѣ пользованія, соединеннаго съ владѣніемъ.

Свѣдѣнія о землепользованіи на этотъ предметъ вообще очень скудны, такъ какъ хлѣбопашество въ сте-

¹⁾ См. стр.—72.

²⁾ Гродековъ—стр. 111.

пи мало развито. Гродековъ объ этомъ сообщаетъ: «По взаимному соглашенію обществъ, въ мѣстахъ удобныхъ, какъ на зимовкахъ, такъ и на лѣтовкахъ, отводятся особые участки для желающихъ заниматься хлѣбопашествомъ, распределение участковъ между хлѣбопашцами предоставляется добровольному соглашенію ихъ между собой»¹⁾. Если земледѣлецъ возведетъ на пашнѣ постройки, то онѣ дѣлаются его собственностью на тѣхъ же основаніяхъ, какія установлены для построекъ на зимовкахъ²⁾. Передѣловъ пашень не бываетъ, потому что земли достаточно, а желающихъ заниматься посѣвомъ не такъ много. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области земли не переходятъ по наслѣдству, а въ южныхъ уѣздахъ пахотная земля и разнаго рода земельные участки переходятъ³⁾. Хозяину пашни принадлежитъ право исключительнаго владѣнія и пользованія черезъ обработку и извлеченіе выгодъ; но такъ какъ пашня предоставляется не въ собственность, то права отчужденія хозяинъ не имѣетъ. Однако этимъ другіе виды права распоряженія не стѣсняются. Напримѣръ, не возбраняется хозяину отдать свой участокъ въ наймы⁴⁾. Такая отдача земли въ наемъ бываетъ рѣдко; иногда она совершается въ формѣ найма на паяхъ⁵⁾. Гораздо чаще наемъ земли совершается у общества, подобно тому какъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ петербургской губерніи община нерѣдко отдаетъ финнамъ пустоши подъ постройку домовъ⁶⁾, а общества оренбургскихъ казаковъ сдаютъ излишнюю землю промышленникамъ подъ попасъ скота. Такъ, если человѣкъ, принадлежащій къ другой общинѣ, желаетъ заняться хлѣбопашествомъ на чужой землѣ, то онъ снимаетъ землю въ аренду у общества, которому принадлежитъ земля, за условленную плату.⁷⁾ Извѣстно также, что киргизскія общества отда-

¹⁾ Гродековъ — стр. 108.

²⁾ Н. — стр. 109.

³⁾ Н. — стр. 102.

⁴⁾ Гродековъ стр. 104.

⁵⁾ Н. — стр. 118.

⁶⁾ Пахманъ — стр. 20.

⁷⁾ Гродековъ — стр. 103.

ютъ въ аренду избытокъ своей земли казакамъ и русскими поселенцамъ подъ посѣвъ хлѣбсовъ.

Каждый общинникъ въ русскомъ крестьянскомъ быту можетъ отказаться отъ права пользованія общественной землей. Отказъ этотъ, ведущій къ прекращенію права, проявляется обыкновенно въ самомъ неосуществленіи права, такъ что если общинникъ оставляетъ пашню безъ обработки, то міръ ее отбираетъ¹⁾. У киргизовъ до русскаго владычества, а въ сѣверныхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области и въ настоящее время, также земля принадлежала лицу только до тѣхъ поръ, пока онъ на ней находился или ее обрабатывалъ²⁾. Каракиргизы бросаютъ пашни при отѣздѣ; кто ихъ займетъ, того «собственностью» онъ и становятся³⁾. Теперь у киргизовъ возможно возвращеніе покинутой земли въ томъ случаѣ, если стцы и дѣды истца въ прежнія времена засѣвали эту землю, и если фактическіе владѣльцы не имѣютъ документовъ и не могутъ доказать другими способами, включая сюда и присягу, что ихъ предки занимали спорную землю раньше предковъ истца⁴⁾.

Путешественникъ Потанинъ, побывавшій въ 1863 году на озерѣ Зайсанѣ, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о земледѣліи у тамошнихъ киргизовъ: «Земледѣліемъ занимается самый бѣдный классъ киргизскаго народа не на правахъ собственниковъ, а кортомщиковъ-егинчей; земле-владѣльцемъ считается поколѣніе. Поколѣніе общими силами проводитъ тогамы⁵⁾, ирригаціонныя каналы, и корчуетъ поля, т. е. вообще производитъ тѣ обширныя работы, которыя превосходятъ собственныя силы егинчей. Егинчи, если принадлежатъ къ чужому поколѣнію, снимаютъ участки за арендную плату, если къ своему, то вступаютъ съ богатыми скотоводами въ союзъ изъ-поду»⁶⁾.

¹⁾ Пахманъ—стр. 20.

²⁾ Гродековъ—стр. 102.

³⁾ Н.—стр. 102.

⁴⁾ Н.—стр. 106

⁵⁾ Тогама—магистральные ирригаціонные каналы; арыки—второстепенные каналы.

⁶⁾ Записки Импер. русск. геогр. общ. по общей географіи, т. I, Сиб. 1867 г., стр. 445, и Якушкинъ, вып. II, стр. 282.

Отсюда видно, что начало землевладѣнія у киргизовъ, обитающихъ близъ озера Зайсана, и у киргизовъ Сыръ-Дарьинской области, несмотря на огромное разстояніе, отдѣляющее однихъ отъ другихъ, одинаковы: 1) земля отводится не на правѣ собственности, а только на правахъ владѣнія и пользованія; 2) орошеніе земли арыками производится сообща родовыми группами (подробно объ этомъ относительно сыръ-дарьинскихъ киргизовъ будетъ изложено ниже въ отдѣлѣ о пользованіи водой); 3) чужеродцы должны арендовать землю; 4) существуетъ наемъ земли на паяхъ, т. е. работавшіе на землѣ люди получаютъ отъ хозяина земли извѣстную долю урожая.¹⁾

IV. Сѣнокосы.

Сѣнокосеніе у киргизовъ появилось недавно, съ начала восьмидесятыхъ годовъ, послѣ опустошительной голодной зимы съ 1879 года на 1880-й, въ теченіе которой погибло много скота. Свѣдѣнія по этому предмету весьма скудны и неопредѣленны. Извѣстно только, что по соглашенію между собой обществъ, подобно тому, какъ это дѣлается въ отношеніи отвода участковъ подъ хлѣбопашество, назначаются и на зимовкахъ, и на лѣтовкахъ мѣста для сѣнокосенія. Мѣста эти распредѣляются желающими между собой по соглашенію²⁾. Участки для покоса, повидимому, находятся въ пользованіи у отдѣльныхъ лицъ, соединенномъ со владѣніемъ. Заключить это можно изъ замѣчанія Гродекова: «За потраву сѣнокоса хозяину платятъ убытки только въ такомъ случаѣ, если онъ самъ не переставалъ пользоваться этимъ сѣнокосомъ»³⁾. Слѣдовательно, отведенный участокъ числится въ распоряженіи извѣстнаго лица во все время, пока онъ имъ пользуется. Переходятъ ли эти участки по наслѣдству, установить не удалось.

¹⁾ Подробности будутъ рассмотрѣны въ соответственныхъ отдѣлахъ.

²⁾ Гродековъ—стр. 108.

³⁾ Н.—стр. 103.

V. В о д а.

Вода въ стени имѣть большое значеніе. На добываніе ея уходитъ много труда. Искусственными способами вода получается проведеніемъ каналовъ и вырытіемъ колодцевъ.

Для проведенія новаго арыка, смотря по надобности, выходятъ по одному или болѣе работниковъ изъ каждой кибитки той группы (десятка, пятидесятка, аула), которая между собою согласилась быть пайщиками. Изъ орошенной земли каждая работавшая кибитка получаетъ участокъ соразмѣрно числу ея работниковъ, дней работы и вообще потраченному труду; неучаствовавшіе въ проведеніи арыка не получаютъ участковъ.¹⁾ Отъ магистральнаго арыка каждая кибитка отводитъ мелкіе арыки и такимъ образомъ орошаетъ извѣстное пространство земли. Каждый, оросившій извѣстный участокъ, имѣетъ на него права: 1) потомственного владѣнія; 2) потомственного пользованія; онъ можетъ отдавать его въ аренду²⁾; 3) распоряженія, потому что можетъ даже продавать, особенно если это поля съ клеверомъ³⁾. Можно было бы сказать, что оросившій землю имѣетъ на нее право собственности, если бы у Гродекова не находилось такое указаніе: «Если кто-нибудь провелъ новый арыкъ по руслу стараго арыка и черезъ нѣкоторое время явится хозяинъ послѣдняго, то ему отказываютъ въ удовлетвореніи, говоря: «Почему ты раньше не заявилъ; мы тогда провели бы арыкъ по другому мѣсту»;⁴⁾ слѣдовательно, забросившій арыкъ не имѣетъ права получить его назадъ отъ захватителя.

Совсѣмъ иное получается положеніе, если арыкъ вырылъ цѣлый родъ съ закланіемъ животнаго передъ началомъ работы. Если потомъ родъ откочуетъ съ даннаго мѣста, а на его мѣсто сядетъ другой родъ, то первый родъ, возвратившись, имѣетъ право требовать арыкъ

¹⁾ Гродековъ—стр. 104.

²⁾ Н.—стр. 104.

³⁾ Н.—стр. 104.

⁴⁾ Н.—стр. 104.

назадъ. «Тутъ потраченъ трудъ нашихъ дѣдовъ», говорятъ при этомъ претендаты. Когда родъ, занявшій арыкъ, расчистилъ или поправилъ его, то онъ не вознаграждается за трудъ, если пользовался водой; но если воспользоваться водой не успѣлъ, то разрѣшается ему вмѣстѣ съѣхать, однако съ тѣмъ, чтобы онъ участвовалъ въ платежѣ податей и повинностей и отказался подпискою отъ правъ на арыкъ¹⁾. Стало быть, арыкъ, прорытый родомъ, дѣлается общимъ владѣніемъ этого рода. Это же самое надо сказать и про колодезь, выкопанный родомъ съ закланіемъ животнаго.

У каракиргизовъ арыки и колодцы принадлежать на правѣ собственности тѣмъ, кто вырылъ ихъ съ закланіемъ животнаго, хотя другіе и углубили или поправили ихъ. Поэтому послѣдніе должны удалиться, когда первый хозяинъ явится. Если вторые хозяева возвели постройки или произвели насажденія, то вода принадлежитъ первымъ, а постройки и деревья вторымъ, но первоначальные хозяева могутъ требовать сноса ихъ, если не откупятъ ихъ сами²⁾. У осетинъ, подобно каракиргизамъ, каналы, проведенныя для орошенія полей, считаются семейною собственностью съ той только оговоркой, что семейства у осетинъ несоразмерно больше по количеству душъ³⁾.

Если вода близка, то роютъ колодцы, обыкновенно, собственными средствами. Когда же до воды глубоко, пять-шесть сажень, нанимаютъ знающихъ дѣло работниковъ за опредѣленную плату, которая остается неизмѣнной, на какой бы глубинѣ вода ни появилась; при этомъ выговариваютъ, что за работниковъ, въ случаѣ засыпки ихъ обвалившимся грунтомъ, кунъ⁴⁾ не платится⁵⁾.

Хозяинъ колодца или родника можетъ отказать чужому въ водѣ⁶⁾. По обычаямъ русскихъ крестьянъ дѣло

¹⁾ Гродековъ—стр. 104—105.

²⁾ Н.—стр. 105.

³⁾ Ковалевскій—стр. 107.

⁴⁾ Кунъ—цѣна крови.

⁵⁾ Гродековъ—стр. 105.

⁶⁾ Н.—стр. 105 и 139.

стоитъ иначе. Владѣлецъ не въ правѣ воспретить сосѣду пользоваться водою изъ его колодца, если тотъ не имѣетъ никакого другого способа удовлетворить такія нужды¹⁾.

Во время кочеванья для розыска пастбищъ и воды посылается впередъ развѣдчикъ. Такой развѣдчикъ, найдя незанятый родникъ или колодезь, ставитъ около него знакъ: или копье, или чертитъ на землѣ тамгу, или связываетъ пучкомъ траву, или оставляетъ какую-нибудь вещь. Видя знакъ, другіе не выбираютъ это мѣсто для своего стойбища²⁾. Такимъ образомъ происходитъ пользование водой во время перекочевокъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что земля можетъ быть общей для нѣсколькихъ родовъ. Въ доказательство можно привести слѣдующее мѣсто ихъ сочиненія Гродекова: «Если на засѣваемую двумя родами землю одна изъ сторонъ заявить претензію къ другой и во время разслѣдованія окажется, что одна сторона имѣетъ документъ, а другая его не имѣетъ, также не имѣетъ ханскихъ, казійскихъ или бекскихъ документовъ о томъ, что земля эта между обоими родами общая, то сторона, имѣющая документы, можетъ отказать другой въ пользованіи землею»³⁾.

Здѣсь кстати будетъ также упомянуть, что при раздѣлѣ земли, равно какъ и другихъ предметовъ, киргизы нерѣдко прибѣгаютъ къ метанію жребія, при чемъ раз произведенное метаніе не принято объявлять недействительнымъ⁴⁾.

в) Способы пріобрѣтенія вещныхъ правъ.

Основаніемъ пріобрѣтенія правъ на имущества обыкновенно служатъ различныя сдѣлки, которыя устанавливаютъ право на передачу, какъ на особый способъ пріобрѣтенія права собственности. Передачею называется

¹⁾ Пахманъ—стр. 30.

²⁾ Гродековъ—стр. 110.

³⁾ Гродековъ—стр. 106.

⁴⁾ Н.—стр. 251.

актъ, по которому вещь изъ владѣнія одного лица переходитъ во владѣніе другого, приобретающаго надъ нею право собственности ¹⁾. Но этотъ способъ приобретѣнія собственности будетъ подробно разсмотрѣнъ въ отдѣлѣ объ обязательственномъ правѣ. Въ настоящемъ мѣстѣ рѣчь будетъ идти только объ одностороннихъ способахъ приобретѣнія. Таковыми у киргизовъ являются: 1) завладѣніе, 2) баранта, 3) давность, 4) приращеніе, 5) находка, 6) военная добыча, 7) охота.

I. Завладѣніе (оккупация).

Завладѣніе предполагаетъ существованіе вещей, не находящихся во владѣніи отдѣльныхъ лицъ, незанятыхъ земель и потому встрѣчается еще тамъ, гдѣ пустопорожнихъ земель много, такъ что захватъ ихъ не возбуждаетъ спора. Нѣкоторые юристы называютъ такія вещи ничьими (*res nullius*), но, какъ доказываетъ профессоръ А. Х. Гольмстенъ, такихъ предметовъ въ настоящее время не существуетъ. Поэтому слова: «незанятая земля», «пустопорожняя земля», «завладѣніе» въ данной работѣ употребляются въ относительномъ смыслѣ. Во внутреннихъ губерніяхъ Европейской Россіи о такомъ способѣ приобретѣнія нѣтъ и помину, и если говорятъ о случаяхъ завладѣнія, то лишь въ смыслѣ нарушенія чужихъ правъ ²⁾. Но въ киргизской степи завладѣніе, хотя въ нечистой формѣ, и по настоящее время играетъ значительную роль.

Вотъ примѣры, подтверждающіе это положеніе.

а) До русскаго владычества земля принадлежала лицу только до тѣхъ поръ, пока онъ на ней находился или обрабатывалъ. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области земля посейчасъ не переходитъ по наслѣдству. Выдѣленный сынъ въ Аулиеатинскомъ уѣздѣ не получаетъ доли земли, такъ какъ въ уѣздѣ еще имѣется много свободной земли ³⁾.

¹⁾ Мейеръ—стр. 302.

²⁾ Пахманъ—стр. 38.

³⁾ Гродековъ—стр. 102.

б) Арыки вмѣстѣ съ орошенною ими землею принадлежатъ тому, кто ихъ провелъ, и ихъ наследникамъ ¹⁾. Такимъ же образомъ закрѣпляютъ землю за извѣстнымъ лицомъ, сдѣланныя насажденія и возведенныя постройки. Съ уничтоженіемъ построекъ или насажденія земли возвращаются обществу. Лѣтовки и зимовки занимаются киргизами на правахъ потомственного пользованія ²⁾.

в) Если кто-нибудь проведетъ арыкъ по руслу стараго и впослѣдствіи явится хозяинъ послѣдняго, то ему отказываютъ въ удовлетвореніи ³⁾, невзирая на давность владѣнія ⁴⁾.

г) Будучи схваченъ хозяиномъ краденнаго скота, воръ обыкновенно отдаетъ или обѣщаетъ отдать все украденное къ извѣстному сроку, часть по роспискѣ, прося только не возбуждать иска о взысканіи обычнаго штрафа. Хозяинъ можетъ удовлетвориться возвратомъ своего имущества и отнятіемъ у вора, въ вознагражденіе человѣку, отыскавшему и поймавшему вора, лошади или халата, иногда ружья или какой-нибудь другой вещи ⁵⁾.

Говоря о приобрѣтеніи правъ на имущество, необходимо остановиться на вопросѣ о юридическомъ значеніи личнаго труда. Экономическое значеніе личнаго труда въ дѣлѣ прибрѣтенія и накопленія имущества безспорно, а потому и не нуждается въ доказательствахъ; о немъ слѣдуетъ упомянуть только въ виду частаго смѣшенія юридическихъ понятій съ экономическими. Въ данномъ мѣстѣ не можетъ быть рѣчи о трудѣ на собственной землѣ и въ собственномъ хозяйствѣ, такъ какъ отсюда не вытекаетъ никакихъ юридическихъ отношеній къ постороннимъ лицамъ ⁶⁾. Трудъ, какъ правопроизводящій факторъ, имѣетъ въ гражданскомъ правѣ прежде всего значенія: 1) какъ основаніе права на имущество, 2) какъ

¹⁾ Н.—стр. 102.

²⁾ Н.—стр. 102.

³⁾ Гродековъ—стр. 104.

⁴⁾ См. ниже отдѣлъ о давности.

⁵⁾ Гродековъ—стр. 166.

⁶⁾ Пахманъ—стр. 43—44.

работа, совершаемая для другихъ въ видѣ личныхъ услугъ разнаго рода.

Значеніе труда, какъ основанія права на имущество, по отношенію къ землѣ сводится къ понятію завладѣнія. Яркимъ доказательствомъ значенія труда, какъ основанія имущественныхъ правъ, можетъ служить рѣшеніе киргизами споровъ изъ-за обладанія колодцами, постройками и древесными насажденіями.

Если какой-нибудь родъ вырылъ колодець съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей, именно съ закланіемъ животного передъ началомъ работы, и если потомъ на мѣсто этого рода, откочевавшаго оттуда, сѣлъ другой родъ, то первый родъ, возвратившись на старое мѣсто, требуетъ свой колодець. «Тутъ потраченъ «трудъ» нашихъ дѣдовъ», говорятъ въ такомъ случаѣ. Если же родъ, занявшій готовый колодець, расчистилъ и поправилъ его, то ему говорятъ: «Вы за это пользовались водою». Если же еще не успѣли воспользоваться водою, то имъ дозволяется вмѣстѣ сѣять и участвовать въ платежѣ податей и повинностей, но съ тѣмъ, чтобы они подпискою отказались отъ правъ на колодець. У каракиргизовъ колодцы безусловно принадлежать тѣмъ, кто впервые вырылъ ихъ съ закланіемъ животного, хотя бы другіе углубили и поправили ихъ. Однако, если эти другіе посадили деревья или возвели постройки, то вода принадлежитъ первымъ, а деревья и постройки вторымъ¹⁾.

Значеніе труда, какъ работы для другихъ, сводится къ сдѣлкѣ, которая будетъ разсмотрѣна въ главѣ объ обязательствахъ.

Вопросъ о самостоятельномъ юридическомъ значеніи труда собственно возникаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ совершается безъ согласія того лица, чьего интереса или имущества онъ касается. Но и тутъ, если работа произведена въ пользу такого лица, то основаніемъ права на вознагражденіе будетъ не трудъ, а предполагаемое согласіе этого лица. Остаются случаи, когда кто-либо приложилъ свой трудъ къ чужой вещи безъ всякаго со-

¹⁾ Гродековъ — стр. 104—105.

гласія со стороны хозяина для получения выгоды въ свою пользу. Случаи эти сводятся къ неправомѣрному пользованію чужимъ имуществомъ, а это ведетъ, во-первыхъ, къ «обязательству» вознаградить убытокъ и, во-вторыхъ, плоды такого труда обсуживаются въ смыслѣ «приращенія» для хозяина имущества. И то и другое будутъ разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ.

Примѣненіе личного труда считается обыкновенно ближайшею причиною возникновенія собственности не только на движимость, но и на землю. Заимка считается самымъ древнимъ объектомъ частной недвижимой собственности. Однако это положеніе нужно признать ошибочнымъ. Утилизациа земли, какъ пастбища или какъ пахоти, не начинается примѣненіемъ къ ней личного труда. Личный трудъ, это—форма послѣдующая. Древнѣйшій бытъ пастушескихъ и земледѣльческихъ народовъ свидѣтельствуетъ о коллективномъ трудѣ сначала кровныхъ, а позднѣе сосѣдскихъ сообществъ. «При занятіи почвы подъ пастбища и нивы цѣлыми родами и ихъ развѣтвленіями (говоритъ профессоръ М. Ковалевскій), не могло зародиться понятія пустопорожности, а, слѣдовательно, не могло возникнуть условій, благопріятныхъ частной заимкѣ. Частная заимка была невозможна, потому что приходилось бороться съ природой совокупными усиліями, потому что при занятіи экстенсивными видами первобытнаго труда: охотой, рыбной ловлей, скотоводствомъ, племена и роды считали своею собственностью обширные земельные округа, на самомъ дѣлѣ не состоявшіе въ ихъ обладаніи, но по тому самому далеко еще не пустопорожніе. Это пространство земли родъ или племя всегда готово было защищать силою оружія. Поэтому-то свобода зимовокъ была невозможна. Право собственности было въ рукахъ какого нибудь кровнаго соединенія: семейной общины, рода или племени. Заимка происходитъ не на пустопорожней землѣ, а на родовой и съ согласія рода; это не первичная форма землевладѣнія, а производная»¹⁾).

1) М. Ковалевскій—стр. 131—134.

У киргизовъ заимка земли происходитъ по настоящее время и именно съ дозволенія общины. Доказательство этому вотъ. Если человѣкъ, приписанный къ другому уѣзду, желаетъ заняться хлѣбопашествомъ на чужомъ пастбищѣ или чужой лѣтовкѣ, то съ него требуютъ въ пользу общества, которому принадлежитъ земля, арендную плату, размѣръ которой зависитъ отъ условія. Такому лицу запрещаютъ сажать деревья и строиться. Но какъ только человѣкъ этотъ припишется къ этому уѣзду и къ той волости, гдѣ его пашня, то земля становится его собственностью (въ ограниченномъ смыслѣ), и онъ платитъ обыкновенныя подати и повинности. Затѣмъ, мѣста болотистыя, поросшія камышомъ и т. п., болѣе и болѣе приурочиваются къ тѣмъ, кто въ нихъ зимуетъ и имѣетъ склады сѣна. «На эти зимовки», пишетъ Гродековъ, «не пускаютъ людей чужихъ общинъ; въ случаѣ недоразумѣній, послѣдніе платятъ деньги за подножный кормъ»¹⁾.

Хотя степь киргизская не имѣетъ межевыхъ бороздъ, но лѣтнія кочевья, зимовыя стойбища и обрабатываемыя земли каждый родъ имѣетъ совершенно определенныя. Кочуютъ киргизы обществами одного рода; изъ другихъ родовъ въ свои аулы кочевники допускаютъ только родственниковъ по женской линіи или бѣдняковъ, нанимающихся въ рабстники²⁾. Между родами нерѣдко происходятъ споры относительно засѣваемой земли и кочевокъ. Почему для укрѣпленія земель въ степи ведутся издавна письменные документы³⁾.

II. Баранта.

Изъ числа способовъ, могущихъ привести къ установленію вещныхъ правъ и примыкающихъ къ завладѣнію, необходимо отмѣтить баранту, по киргизской транскрипціи — «барымту»⁴⁾. Это — насильственный захватъ чужого имущества. Но не всякій захватъ чужого иму-

¹⁾ Гродековъ — стр. 103.

²⁾ Н. — стр. 109.

³⁾ Н. — стр. 106.

⁴⁾ Оренбург. отд. геогр. общ. — стр. 124.

щесіва называется барантою. Тайный отгонъ скота будетъ воровствомъ. Набѣгъ съ цѣлью насильственного отнятія чужого имущества квалифицируется, какъ грабежъ. Для того, чтобы набѣгъ считался барантою, требуется соблюсти рядъ условій: а) отправиться въ путь должны днемъ, а не ночью; б) набѣгъ нужно открыто объявить барантою; в) цѣлью его служило бы полученіе удовлетворенія за какой—нибудь ущербъ, воровство, убійство, отнятіе невѣсты и т. д. ¹⁾. Баранта производится еще тогда, когда отвѣтчикъ не платитъ истцу присужденнаго «біемъ» ²⁾.

«Кто сдѣлаетъ отгонъ или баранту скоту или лошадямъ безвинно, съ того обращается таковая баранта сполна; равнымъ образомъ обязанъ виновный удовлетворить претендателей и въ томъ, если они во время погони за барантовщиками что—либо у себя повредили или утратили», говоритъ § 142 у Самоквасова.

Баранта направляется не только на имущество противника, но и на имущество любого изъ его родичей, въ чемъ сказывается родовое начало.

На отнятое барантою имущество у противника смотреть, какъ на удовлетвореніе исковой претензіи, а на отнятое у родича, какъ на установленіе самовольнаго залога въ томъ, что истцу будетъ дано удовлетвореніе.

Съ другой стороны, подвергшійся барантѣ имѣетъ право требовать (по крайней мѣрѣ такъ обстоитъ дѣло въ чимкентскомъ уѣздѣ), чтобы сосѣдніе родичи отправились вмѣстѣ съ нимъ въ погоню за барантачами. Эти пособники называются «кумекъ». Если кумекъ будетъ убитъ, то пригласившій его пуститься въ погоню не несетъ никакой отвѣтственности ³⁾. При этомъ сдѣлавшій контръ—баранту можетъ отогнать у противника не болѣе того, сколько у него угнано, а излишнее долженъ возвратить ⁴⁾. Также и барантующій отбираетъ только то имущество, на которое онъ заявляетъ претензію, или

¹⁾ Гродековъ—стр. 170.

²⁾ «Вій»—судья.

³⁾ Гродековъ—стр. 117.

⁴⁾ Самоквасовъ—§ 143.

эквивалентное ему, съ небольшою накидкою за труды и убытки по набѣгу. За постороннія поврежденія, нанесенныя во время набѣга, и за непомѣрный захватъ имущества барантующій отвѣчаетъ ¹⁾).

Изъ вышеприведеннаго явствуетъ, что баранта у киргизовъ обставлена довольно значительными гарантіями, настолько значительными, что г. Словохотовъ въ своей работѣ «Народный судъ обычнаго права киргизовъ Малой орды» ²⁾ считаетъ баранту за правомѣрное явленіе киргизской жизни. «Отсутствіе исполнительнѣй власти (говоритъ онъ), роль которой въ большинствѣ случаевъ выполняла сама выигравшая сторона, породило особый способъ исполненія судебныхъ приговоровъ. Способъ этотъ примѣнялся въ томъ случаѣ, если осужденный не исполнялъ судебного приговора, или аульный старшина подъ разными предлогами умышленно уклонялся отъ разбирательства дѣла, или же рѣшалъ его пристрастно, съ нарушеніемъ существующихъ обычаевъ въ пользу знатныхъ, богатыхъ и родственныхъ лицъ, или отвѣтчикъ отказывался отъ явки на судъ для дачи объясненій. Истецъ въ этихъ случаяхъ получалъ право произвести баранту» ³⁾. Словохотовъ баранту считаетъ за правомѣрное явленіе потому, что оно вытекаетъ изъ необходимости отыскивать удовлетвореніе силою тамъ, гдѣ нѣтъ другихъ средствъ къ возстановленію нарушеннаго права. При этомъ Словохотовъ отмѣчаетъ одну существенную гарантію правомѣрности баранты, которой не встрѣчается у Гродекова, именно: барантовщикъ, собравшись со своими родственниками и друзьями, отправлялся въ аулъ отвѣтника съ разрѣшенія своего старѣйшины, и затѣмъ, возвратясь домой съ захваченнымъ имуществомъ, онъ долженъ объявить о происшедшемъ аульному старшинѣ, который наблюдалъ, чтобы количество и качество захваченнаго было соразмѣрно стоимости исковой претензіи

¹⁾ Гродековъ—стр. 170.

²⁾ Въ Трудахъ Оренбургской ученой архивной комиссіи за 1905 г., вып. XV.

³⁾ Словохотовъ—стр. 49.

или присужденнаго права¹⁾. Между прочимъ, едва-ли правильно указаніе Словохотова, что барантующіе отправлялись въ «ночное время» въ аулъ отвѣтчика: Гродековъ, перечисляя условія, при которыхъ набѣгъ можетъ быть названъ барантой, первымъ пунктомъ ставитъ условіе, чтобы отправлялись въ путь днемъ, а не ночью. И, дѣйствительно, ночное похищеніе болѣе подходитъ къ неправомерному дѣйствию, въ видѣ воровства и грабежа, чѣмъ къ преисполненной идеей справедливости и чувствомъ оскорбленнаго достоинства барантѣ.

Всматриваясь въ конструкцію киргизской баранты, необходимо притти къ убѣжденію, что она свидѣтельствуетъ о второмъ періодѣ (промежуточномъ) правового строя чаловѣческаго общежитія, періодѣ упорядоченной защиты. Какъ извѣстно, періоды эти отмѣчены Терингомъ: первый—періодъ самоуправства, когда на защиту права выступить всецѣло самъ пострадавшій; второй—упорядоченной защиты, когда представители общества судьи, старѣйшины, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшаютъ, можно ли примѣнить силу, и указываютъ границы для нея; сами судьи никакихъ мѣръ не принимаютъ, а лишь разсуждаютъ; третій періодъ тотъ, когда принудительныя мѣры переходятъ въ руки государства²⁾.

Нѣсколько въ иномъ видѣ баранта представляется у кавказскихъ горцевъ. По адатамъ народностей Кавказа, баранта имѣетъ нѣсколько значеній. Подъ это понятіе подходятъ: 1) преступленіе въ смыслѣ обыкновеннаго грабежа; 2) военный захватъ; 3) наказаніе въ смыслѣ грабежа или ограбленія по Русской Правдѣ; 4) арестъ чужого имущества до суда въ обезпеченіе правъ кредитора; 5) мѣры обезпеченія исполненія судебного приговора; 6) права родныхъ убитаго захватывать имущество убійцы до исполненія кровомщенія; 7) право князя отбирать имущество у подвластныхъ людей³⁾. Независимо

¹⁾ Словохотовъ—стр. 50.

²⁾ Изъ лекцій по энциклопедіи права профессора А. Х. Гольмстена въ 1906 году.

³⁾ Гродековъ—стр. 170, [примѣчаніе**].

отъ упомянутого, если разсматривать у кавказскихъ горцевъ то, что называется у киргизовъ барантой, т. е. насильственное удовлетвореніе исковъ по долговымъ и тяжбынымъ дѣламъ, то и здѣсь найдутся существенныя различія. Во-первыхъ, если судить по описанію, приведенному М. Ковалевскимъ¹⁾, барантованіе на Кавказѣ носитъ болѣе пассивный характеръ. Барантовщики не отправляются въ аулъ отвѣтчика, какъ у киргизовъ, а дожидаются, когда кто-нибудь изъ односельчанъ противника пріѣдетъ къ мѣстожительству истца; если такой случай представлялся, тогда истецъ, съ помощью своихъ одноаульцевъ, отбиралъ отъ пріѣхавшаго все, что было при немъ: лошадь, оружіе, деньги, быковъ и тому подобное. Родичъ, подвергшійся барантѣ, волей-неволей принужденъ содѣйствовать матерьяльному удовлетворенію истца, а отнятое имущество оставалось въ качествѣ залога исполненія этого невольнаго обязательства.

Барантованіе встрѣчается у многихъ современныхъ народовъ, было оно извѣстно и древнему праву.

Недавно отошедшій въ область преданій «грабежъ» Малороссіи напоминаетъ барантованіе. Разница только въ томъ, что «грабежъ» направлялся непосредственно на лицо, невыполнившее условіе договора, не касаясь его родственниковъ. Это оттого, что при современныхъ условіяхъ родственники не находятся въ такомъ тѣсномъ единеніи, какъ въ первобытномъ состояніи²⁾.

Древнее ирландское право тоже въ захватѣ имущества видитъ средство для возстановленія нарушеннаго права. Въ законодательномъ сборникѣ ирландцевъ «Сенхусъ Моръ» (V столѣтіе), также какъ и у киргизовъ, не проводится различія между захватомъ въ случаѣ какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ правонарушеній. «Сенхусъ Моръ» устанавливаетъ, подобно киргизскому и въ противоположность осетинскому барантованію, которое не знаетъ регламентацій, рядъ правилъ для ограниченія самоуправства при захватѣ чужого имущества, но только эти

¹⁾ Ковалевскій—стр. 183.

²⁾ Ковалевскій—стр. 184.

правила у ирландцевъ совершеннѣе, чѣмъ въ киргизскомъ адатѣ. Такой захватъ, во-первыхъ, допускался только правоспособному лицу, т. е. совершеннолѣтнему члену извѣстнаго родового сообщества, а не безродному человѣку или поселенцу, и по отношенію тоже только къ правоспособному лицу. Во вторыхъ, необходимо, чтобы истецъ при барантованіи былъ сопрсвождаемъ постороннимъ лицомъ въ интересахъ публичности. Впрочемъ, это иногда дѣлается и у киргизовъ. Затѣмъ установлены сроки, въ теченіе которыхъ истецъ, произведшій баранту, долженъ ждать удовлетворенія своихъ требованій, при чемъ по истеченіи срока еще назначались льготные дни, по истеченіи которыхъ присвоенное по частямъ становилось собственностью захватившаго¹⁾.

Нѣмецкій ученый Зомъ открылъ слѣды подобнаго же вынужденія со стороны истца къ исполненію договора въ древнѣйшемъ текстѣ Салической Правды и въ римской *pignoris capio*²⁾.

Киргизское барантованіе, равно и осетинское, должно быть признано древнѣйшимъ видомъ захвата, такъ какъ оно признаетъ солидарную отвѣтственность всѣхъ членовъ одного кровнаго союза.

М. Ковалевскій, задаваясь вопросомъ о томъ, удовлетворяетъ ли система захвата той цѣли, какую современное законодательство преслѣдуетъ въ требованіи возмѣстить причиненный вредъ и убытокъ, говоритъ: «Несоотвѣтствіе между размѣрами произведеннаго захвата и величиною понесеннаго вреда одно уже заставляеть сомнѣваться въ томъ, чтобы самопомощь сторонъ при выполненіи договоровъ преслѣдовала вышеуказанную цѣль. Вѣрнѣе будетъ сказать, что въ захватѣ, производимомъ устоявшей въ договорѣ стороною, надо видѣть не болѣе, какъ мсть»³⁾. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго ученаго. Въ киргизской барантѣ, хотя она и обставлена кое-какими гарантіями, «рельефнѣе всего», по

¹⁾ Ковалевскій—стр. 185—187.

²⁾ Ковалевскій—стр. 188.

³⁾ Н.—стр. 189.

зловамъ г. Словохотова, „сказался духъ таліона, который, представляя собою историческую трансформацию первобытнаго принципа мести, придалъ саморасправѣ киргиза окраску молодецкаго удалого подвига“¹⁾. Въ описаніи народныхъ обычаевъ Малой киргизской орды, собранныхъ по приказанію Л. Баллюзекъ²⁾ служившими въ бывшемъ Управленіи оренбургскими киргизами должностными лицами, изъ числа коихъ больше всего потрудился киргизъ по происхожденію штабсъ-ротмистръ султанъ Сейдалинь 2-ой, сказано: «Баранта значитъ вымещеніе вору, стплата ему, какъ говорится, его же монетою». Правда, въ послѣднемъ случаѣ говорится о барантѣ, слѣдующей за преступленіемъ, т. е. за дѣяніемъ чисто уголовного характера, но въ обычномъ правѣ киргизовъ принципиально уголовной отвѣтственности не было, а почти всѣ дѣла, не исключая и убійствъ, оканчивались гражданскимъ удовлетвореніемъ³⁾.

Баранта имѣла значеніе до тѣхъ поръ пока не было поддерживаемыхъ государствомъ судовъ, а всѣ суды носили характеръ посредническихъ, пока не появилась власть, могущая заставить виновнаго исполнить постановленіе суда. Въ настоящее время баранта, какъ носящая элементы самоуправства и мести, не мирится съ правосознаніемъ культурныхъ людей и отходитъ въ область преданій.

III. Давность (пріобрѣтательная).

Современныя законодательства знаютъ еще одинъ способъ пріобрѣтенія вещныхъ правъ: это-давность владѣнія. Киргизскому адату давность владѣнія неизвѣстна, также какъ неизвѣстна она осетинскому праву, древнегерманскому, Русской Правдѣ, обычаямъ древнихъ кельтовъ Ирландіи⁴⁾. Въ русскомъ сельскомъ быту тоже почти совсѣмъ не знаютъ давности. «Это и понятно,

¹⁾ Словохотовъ—стр. 50.

²⁾ Оренбургск. отд. геогр. общ.—стр. 124.

³⁾ Словохотовъ—стр. 60.

⁴⁾ Ковалевскій—стр. 138

пишетъ Пахманъ¹⁾, учрежденіе давности вызвано въ жизни потребностью въ томъ, чтобы частныя юридическія отношенія не оставались постоянно подъ опасеніемъ спора, такъ какъ по прошествіи болѣе или менѣе долгаго времени было бы и затруднительно доказательное опроверженіе иска или притязанія. Гдѣ еще не возникло серьезныхъ затрудненій въ этомъ отношеніи, не могло привиться и учрежденіе давности, тѣмъ болѣе, что изъ самаго существа правъ она вовсе не вытекаетъ».

Въ § 188 обычаевъ сибирскихъ киргизовъ, собранныхъ въ 1824 году особымъ комитетомъ²⁾, значится: «Кто чужою землею владѣетъ, отъ того отбирается она, хотя бы и черезъ 15 лѣтъ, или съ согласія, смотря по пространству мѣста, владѣютъ оною». Вотъ взглядъ киргизскаго адата на давность владѣнія. Затѣмъ въ статьѣ о народныхъ обычаяхъ Малой киргизской орды (записки Оренбургск. отдѣла Импер. русск. геогр. общества за 1871 годъ, выпускъ второй стр. 151) находится фраза, подтверждающая изложенный выше взглядъ на давность: «Въ поземельныхъ спорахъ изъ-за зимовокъ киргизы всего больше принимаютъ въ соображеніе право давности каждаго на извѣстный участокъ», т. е. другими словами, совершенно не установлено сроковъ, по истеченіи коихъ земля закрѣплялась бы за фактическимъ владѣльцемъ независимо отъ права его на нее. Въ запискахъ географическаго общества «право давности», очевидно, употреблено не въ юридическомъ смыслѣ, а для обозначенія того, кто раньше всѣхъ владѣлъ участкомъ земли.

Вотъ примѣры въ доказательство сказанному.

Если на засѣваемую однимъ родомъ землю предъявить искъ другой родъ, не опираясь ни на какіе документы, то бѣи должны опросить неприкосновенныхъ къ дѣлу лицъ и старѣйшихъ изъ народа. Если при этомъ никто не будетъ знать, засѣваль ли отецъ или дѣдъ истца эту землю, и если даже окажется, что засѣвали лѣтъ 20—30 тому назадъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то,

¹⁾ Пахманъ—стр. 440.

²⁾ Самоквасовъ—стр. 277.

въ случаѣ неимѣнія у настоящихъ владѣльцевъ земли документовъ, отъ нихъ требуется присяга въ томъ, что занимаемая ими земля изначала принадлежала имъ. Если присяга не будетъ принята, споръ рѣшается, несмотря на продолжительность владѣнія, въ пользу истца¹⁾.

То же самое, если отцы и дѣды истца въ прежнія времена засѣвали извѣстное пространство земли, затѣмъ бросили ее и ушли лѣтъ 20---30 тому назадъ, а дѣти или потомки ихъ, не имѣя документовъ и доказательствъ, кромѣ слѣдовъ курганчей или зимовокъ, устроенныхъ ими или ихъ предками, предъявили искъ, то, въ случаѣ неимѣнія фактическими владѣльцами документовъ, съ послѣднихъ требуется присяга²⁾.

Единственное исключеніе изъ общаго правила составляетъ проведеніе арыка по руслу стараго, потому что, если черезъ нѣкоторое время явится хозяинъ послѣдняго и предъявить претензію, то ему отказываютъ въ удовлетвореніи, говоря: «Почему ты раньше не заявилъ; мы тогда провели бы арыкъ по другому мѣсту»³⁾. Вѣроятно, это дѣлается въ виду особо важнаго значенія воды въ безводной степи. Однако въ этомъ случаѣ нельзя видѣть института давности въ зародышномъ состояніи, потому что здѣсь право утверждается за новымъ владѣльцемъ съ момента прорытія арыка независимо отъ срока владѣнія. Это скорѣе напоминаетъ завладѣніе. Картина существенно мѣняется, если первый арыкъ былъ, во-первыхъ, прорытъ родомъ, а во-вторыхъ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей, именно: съ закланіемъ передъ началомъ работы животнаго. Въ этомъ случаѣ, если на мѣсто откочевавшаго перваго рода прикочуетъ другой родъ, то первый родъ, вернувшись обратно, можетъ потребовать назадъ свой арыкъ (или колодець), несмотря на давность владѣнія вторымъ родомъ⁴⁾.

Такимъ образомъ, киргизы опредѣленнаго понятія о давности, какъ объ институтѣ гражданскаго права, не

¹⁾ Гродековъ—стр. 106.

²⁾ Н.—стр. 106.

³⁾ Н.—стр. 104.

⁴⁾ Гродековъ—стр. 104.

имѣютъ, и всякое право, нарушенное хотя бы въ незапамятныя времена, можетъ быть восстановлено, если только есть на то ясныя доказательства. Въ прежнее время, повидимому, существовалъ срокъ давности въ 50 лѣтъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ киргизская поговорка: «Пятьдесятъ лѣтъ создаютъ новыя права; сто лѣтъ не оставляютъ отъ прежняго ничего»¹⁾.

Въ заключеніе приводится еще лишній примѣръ для доказательства изложеннаго въ настоящей главѣ. «Если зимовка, которой владѣютъ по ярлыку, останется незапнятою ея хозяиномъ, а тѣмъ временемъ на ней поселятся другіе, и если тамъ осталось строеніе, то во всякомъ случаѣ», т. е. независимо отъ продолжительности владѣнія, «хозяинъ получаетъ его обратно; пришельцы, уступая строеніе, остаются на окрестной землѣ»²⁾.

IV. Приращеніе.

Кое — какія указанія по вопросу о приращеніи имѣются въ двухъ мѣстахъ труда Гродекова относительно застроенія и насажденія. Вотъ эти мѣста.

а) У каракиргизовъ арыки и колодцы принадлежатъ тѣмъ, кто впервые вырылъ ихъ съ закланіемъ животнаго, хотя бы другіе углубили и поправили ихъ. Эти должны удалиться, когда первый хозяинъ представитъ свидѣтелей или же личную присягу; послѣднюю — въ томъ случаѣ, если, кромѣ него, никто объ этомъ не знаетъ. Если же вторые хозяева посадили деревья или построились, то вода принадлежитъ первымъ, а деревья и постройки вторымъ. Первый хозяинъ можетъ ихъ откупить; можетъ также требовать и сноса ихъ»³⁾.

б) «Если возникаетъ споръ между двумя родами, пользовавшимися одною общою землею, на которой обѣ стороны имѣютъ постройки, мельницы и насажденія, и если одна сторона имѣетъ отъ хановъ или бековъ имен-

¹⁾ Маковецкій — стр. 38.

²⁾ Гродековъ — стр. 105.

³⁾ Н — стр. 107.

ные документы, имена же другой стороны въ томъ документѣ не значатся, то дѣло рѣшается въ пользу имѣющихъ документы; при чемъ не имѣющіе документовъ должны быть удовлетворены по стоимости ихъ построекъ и затѣмъ выдворены съ земли» ¹⁾.

Послѣдній примѣръ свидѣлствуетъ, что у киргизовъ пріобрѣтается право собственности на строеніе, если собственникъ матеріала застраиваетъ чужое мѣсто. Въ этомъ случаѣ, вполне согласно съ требованіями науки гражданского права ²⁾, собственникъ матеріала долженъ быть вознагражденъ хозяиномъ мѣста, потому что никто не въ правѣ обогащаться на чужой счетъ, и потому что приращеніе — не безвозмездный способъ пріобрѣтенія. Къ сожалѣнію, въ послѣдней части примѣра у Гродекова не сказано, какъ дѣло обстоитъ съ растеніями, посаженными собственникомъ на чужой землѣ, но можно предполагать, что юридическія отношенія будутъ такія же, какъ и при застроеніи чужого мѣста. Основанія тому: а) въ гражданскомъ правѣ вопросъ этотъ рѣшается именно такъ ³⁾; б) изъ перваго примѣра видно, что вопросъ о постройкѣ и вопросъ о насажденіи деревьевъ близъ чужого колодца рѣшаются одинаково.

У. Находка.

Киргизское воззрѣніе на находку довольно близко подходитъ къ понятію ея и принципамъ, указаннымъ на этотъ предметъ въ русскомъ законодательствѣ. Найденная вещь дѣлается собственностью нашедшаго, если хозяинъ ея останется неизвѣстнымъ; въ противномъ случаѣ нашедшій имѣетъ право на вознагражденіе.

О находкѣ нашедшій долженъ слѣлать объявленіе. «Если кто что найдетъ въ полѣ или аулѣ и не объявитъ никому, съ намѣреніемъ найденнымъ воспользоваться, а послѣ отыщется тому найденному хозяинъ, тогда оное отбирается и остается скрывать безчестнымъ чело-»

1 | Гродековъ—стр. 106

2 | Мейеръ—стр. 326.

3 | Н—стр. 327.

комъ, коего всякій долженъ поносить утаивателемъ и не принимать въ общество. А когда кто найденное объявить родственникамъ или волости, то тотъ остается въ уваженіи отъ народа» ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ («Народные обычаи малой орды», Л. Баллюзекъ) говорится слѣдующее: «Если кто присвоить себѣ найденную вещь или гульнопришатавшійся чужой скотъ, не предъявивъ какъ о первой, такъ и о второмъ никому въ свое время, таковой считается столько же виновнымъ, какъ дѣйствительный воръ» ²⁾. Наконецъ, по сообщенію Маковецкаго, всякій, кто найдетъ какую—нибудь вещь, обязанъ въ присутствіи народа сдѣлать объ этомъ заявленіе, прокричавъ трижды: «Я нашелъ такую—то вещь!» Не исполнившій этого обряда («луката») можетъ быть привлеченъ къ суду, который постановляетъ возвратитъ вещь хозяину безъ вознагражденія ³⁾.

Вознагражденіе за находку («сююнчи») опредѣляется или по взаимному согласію нашедшаго съ хозяиномъ вещи, или же судомъ. Въ § 157 обычаевъ сибирскихъ киргизовъ⁴⁾ на этотъ счетъ имѣется такое указаніе: нашедшій «изъ найденнаго по состоянію вещи получаетъ отъ потерявшаго изъ вещей $\frac{1}{4}$, а изъ скота $\frac{1}{8}$ часть, или что истецъ дастъ ему, и тотъ доволенъ бываетъ». По Маковецкому (I, стр. 43) размѣръ сююнчи за представленіе потеряннаго простирается до $\frac{1}{3}$ стоимости его⁵⁾. Гродековъ приводитъ примѣры вознагражденія: за вещь въ 1 рубль до 20 коп., за вещь въ 10 р. — 2 руб., за 20 руб. — 5 руб., за лошадь — 1 тилля⁶⁾, за верблюда — $\frac{1}{2}$ — 2 тилли⁷⁾; при этомъ онъ отговаривается, что размѣръ сююнчи тѣмъ больше, чѣмъ дольше хранилась вещь. Въ Перовскомъ уѣздѣ нашедшій деньги, одежду, пригульный скотъ выдаетъ ихъ хозяевамъ за

¹⁾ Самоквасовъ—стр. 271—272.

²⁾ Оренбургс. отд. геогр. общ.—стр. 114.

³⁾ Маковецкій—стр. 43.

⁴⁾ Самоквасовъ—стр. 372.

⁵⁾ Гродековъ—стр. 120.

⁶⁾ Тилли—четыре рубля [Гродековъ—стр. 237].

⁷⁾ Гродековъ—стр. 121.

сююнчи, равняющейся $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{20}$ части стоимости ихъ; родственникамъ же отдають безъ платы¹⁾.

Срокъ, въ теченіе котораго нашедшій долженъ сохранять находку и по истеченіи котораго вещь обращается въ собственность, имѣется, но указанія о немъ неопредѣленны. Такъ, найденныя вещи сохраняются отъ одного до двухъ мѣсяцевъ²⁾. Въ Перовскомъ уѣздѣ, если хозяинъ вещи не явится въ теченіе одного-двухъ лѣтъ, то найденное становится собственностью нашедшаго³⁾. Пригульный скотъ возвращаютъ хозяину и черезъ два—три года⁴⁾.

Кладъ, по понятіямъ киргизовъ, не считается собственностью владѣльца земли, а принадлежитъ тому, кто его откроетъ; такъ что нашедшій вовсе не считаетъ себя обязаннымъ не только возвратитъ кладъ хозяину земли, но и предоставить ему какую-либо долю въ немъ⁵⁾. Совершенно такое же воззрѣніе на кладъ существуетъ и у русскихъ крестьянъ⁶⁾. Между тѣмъ по русскому законодательству, какъ извѣстно, кладъ принадлежитъ владѣльцу земли⁷⁾.

Если при находкѣ присутствовали свидѣтели, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ это оказываетъ вліяніе на судьбу найденнаго. Напримѣръ, тѣ, кто былъ при находкѣ денегъ, дѣлятъ ихъ между собою съ обязательствомъ отдать, если явится хозяинъ⁸⁾. Если младшій спутникъ нашедшаго халатъ, тюбетейку⁹⁾ или другія части одежды, то онъ, по требованію другихъ, отдаетъ найденное старшему. Если всѣ одинаковаго возраста, то даютъ лицу благороднаго сословія, бѣлой кости¹⁰⁾; если такого лица нѣтъ, то отдають гостю, т. е. человѣку изъ чужаго рода; если и гостя нѣтъ, то получаетъ мулла; если нѣтъ муллы, то—

1) Н—стр. 122.

2) Гродековъ—стр. 121.

3) Н—стр. 122.

4) Н—стр. 120.

5) Маковецкій—стр. 41.

6) Пахманъ—стр. 43.

7) Ст. 430, т. X, ч. 1.

8) Гродековъ—стр. 121.

9) „Тюбетейка“—круглая шапочка.

10) „Бѣлая кость“—человѣкъ благороднаго происхожденія.

тотъ, кто женатъ; если всѣ женаты, то — тотъ, кто раньше женился. Эта отдача платя называется «байлаганъ»¹⁾

Между прочимъ, въ трудѣ Гродекова имѣется такая фраза: «Найденныя вещи идутъ въ пользу нашедшаго, если никто не былъ свидѣтелемъ находки; если были свидѣтели, то находка сохраняется нашедшимъ отъ одного до двухъ мѣсяцевъ, до явки хозяина, который получаетъ свою вещь за плату сююнчи»²⁾. Отсюда можно заключить, что нашедшій вещи безъ свидѣтелей вовсе не обязанъ сохранять ихъ въ теченіе извѣстнаго періода времени, не обязанъ объявлять о находкѣ, а непосредственно обращаетъ ихъ въ свою собственность. Но это находитъ въ полномъ противорѣчій съ опредѣленно выраженными по настоящему предмету правилами у Самоквасова и у Баллюзекъ, приведенными въ началѣ этого отдѣла, почему должно быть признано ошибочнымъ.

Въ отношеніи обрѣтенія пригульнаго скота есть нѣкоторыя особенности. Пригульная скотина, по общему правилу, достается пастуху. Однако хозяинъ табуна можетъ потребовать ее себѣ, основываясь на томъ, что она де пристала къ его скоту³⁾. При русскомъ господствѣ установилось, что пригульный скотъ представляется начальству для объявленія⁴⁾. Сююнчи за пригульный скотъ взыскивается въ указанномъ выше размѣрѣ. Исключеніе составляетъ овца: нашедшій оставляетъ у себя ея потомство, а хозяину возвращаетъ потерянную овцу. Если же оцъ уничтожить на овцѣ знакъ собственности, то возвращаетъ ее вмѣстѣ съ приплодомъ, и дѣяніе это квалифицируется, какъ воровство⁵⁾. Если о находкѣ было объявлено, то наложеніе на ней своей тамги не считается за воровство. Нашедшій обязанъ скотину кормить. Объ этомъ опредѣленно формулировано въ § 171 обычаевъ сибирскихъ киргизовъ: «Кто пойманную въ потравѣ луговъ скотину съ голода уморитъ, то обязанъ таковой

¹⁾ Гродековъ — стр. 121.

²⁾ Н. — стр. 121.

³⁾ Гродековъ — стр. 120.

⁴⁾ Н. — стр. 120.

⁵⁾ Н. — стр. 120.

удовлетворить просителя тѣмъ, чего дѣйствительно скотина стоила»¹⁾. Это же усматривается и изъ обычая, указанного киргизомъ Торгаемъ: хозяину, явившемуся черезъ 2—3 года, присуждаютъ только половину барана, имѣя въ виду уходъ и труды по его содержанію²⁾. Если найдена корова, и она отелится, то теленокъ принадлежитъ ея хозяину, а коли нѣтъ хозяина, то нашедшему³⁾. Хозяинъ потерянной лошади, коровы или верблюда, чтобы получить скотъ обратно, долженъ представить семь свидѣтелей, изъ которыхъ двое должны присягнуть⁴⁾.

VI. Военная добыча.

Захваченная военная добыча («олджа») дѣлилась по порядку старшинства⁵⁾. А старшинство это до сихъ поръ опредѣляется преимущественно происхожденіемъ. Исчисленіе старшинства довольно сложно и не вездѣ въ деталяхъ одинаково. Схематически оно представляется въ такомъ видѣ. Старшинство между ордами, родами и колѣнами идетъ по прямой линіи: самый послѣдній родъ Великой орды имѣетъ преимущество передъ самымъ старшимъ родомъ Средней орды и такъ далѣе. Люди бѣлой кости (султаны, ходжи) считаются старше людей черной кости. Затѣмъ въ порядкѣ старшинства отмѣчаютъ аксакаловъ (старцевъ), муллъ, бѣевъ, вліятельныхъ лицъ, богачей, женщинъ и дѣтей. Дяди всегда старше племянниковъ; слѣдовательно, здѣсь счетъ идетъ не по прямой линіи⁶⁾.

Если кто-нибудь возвращается съ военной добычей, то встрѣчные говорятъ: «Эй, богатыри, дайте «сауга»!⁷⁾. Въ этомъ случаѣ обязательно уступаютъ лошадь, овцу или какую-нибудь вещь⁸⁾. Обычай давать «сауга» надо

1) Самоквасовъ—стр. 274.

2) Гродековъ—стр. 120.

3) Н.—стр. 121.

4) Н.—стр. 120.

5) Гродековъ—стр. 7.

6) Н.—стр. 7—10.

7) «Сауга»—подарокъ, запрашиваемый у возвращающихся съ войны.

8) Гродековъ—стр. 124.

разсматривать, какъ дареніе. Въ немъ проявляется родовое начало, которое даетъ возможность вѣрѣннымъ просить удѣленія части добычи. Въ древнемъ правѣ начало это обнаруживалось рельефно: добыча считалась собственностью всего двора, въ болѣе же отдаленную эпоху— и всего рода¹⁾. У осетинъ, напримѣръ, въ древнее время, добыча, отбитая у непріятеля, дѣлилась поровну по числу дворовъ рода; участникъ набѣга получалъ только небольшую надбавку²⁾. Въ болѣе позднее время появилось множество исключеній изъ общаго правила. Объ этомъ же говорятъ памятники индусскаго и кельтическаго правъ и обычаи южныхъ славянъ³⁾. Примѣромъ можетъ служить хотя бы юго славянское право, такъ какъ, по нему, захваченное воиномъ оружіе считается его личной собственностью, которой онъ не обязанъ дѣлиться ни съ кѣмъ⁴⁾. У осетинъ найденные на врагѣ кинжалъ, ружье, пашка тоже ранѣе всего сдѣлались предметами индивидуальнаго присвоенія⁵⁾.

Такимъ образомъ, киргизскій дѣлежъ военной добычи свидѣтельствуетъ, что порядокъ, принятый киргизами, позднѣйшаго происхожденія: добыча раздѣляется только между участниками, которые уже не считаютъ нужнымъ дѣлить свою долю между всѣмъ родомъ, какъ, напримѣръ, дѣлится призъ, выигранный на скачкѣ⁶⁾, при чемъ родовое начало обнаруживается только въ томъ, что лучшіе по качеству предметы даются старшимъ по происхожденію. Въ древнемъ же осетинскомъ правѣ добыча дѣлилась сначала на равныя части между участниками, при этомъ давалась нѣкоторая прибавка въ пользу старшаго и младшаго⁷⁾, а затѣмъ, каждый участникъ, какъ упомянуто было выше, дѣлилъ свою долю между родомъ⁸⁾.

¹⁾ Ковалевскій—стр. 122.

²⁾ Н.—стр. 123.

³⁾ Н.—стр. 124.

⁴⁾ Н.—стр. 125.

⁵⁾ Н.—стр. 125.

⁶⁾ Гродековъ—стр. 115.

⁷⁾ Ковалевскій—стр. 225.

⁸⁾ Н.—стр. 122—123.

VII. Охота.

Охота на дикихъ звѣрей, птицъ и рыбъ ведетъ къ приобрѣтенію права собственности на пойманнаго или застрѣленнаго животнаго¹⁾. Профессоры Д. И. Мейеръ и А. Х. Гольмстенъ доказываютъ, что охота не представляется первообразнымъ способомъ приобрѣтенія права собственности настолько убѣдительно, что возраженій противъ этого не можетъ быть. Въ данномъ мѣстѣ придется остановиться на особенностяхъ киргизской охоты.

Охота въ степи дозволяется повсюду. Основано это на общности у киргизовъ земли и на томъ, что охота не составляетъ предмета правильного промысла, а забавы.

Когда видятъ звѣря въ чужомъ капканѣ, то нашедшій беретъ его себѣ, оставляя капканъ. Взять капканъ — значитъ учинить кражу; взятіе звѣря — не кража. Даже на судѣ, когда присудятъ къ возвращенію капкана, нельзя требовать выдачи вмѣстѣ съ нимъ звѣря²⁾. Этотъ обычай свидѣлствуетъ, что моментъ перехода права собственности по современному гражданскому праву не совпадаетъ съ таковымъ же по киргизскому адату. По современному праву за такой моментъ считается моментъ попаданія звѣря въ снарядъ, а по киргизскому воззрѣнію — тотъ моментъ, когда собственникъ капкана вынетъ звѣря, т. е. придетъ въ непосредственное соприкосновеніе съ заловленнымъ животнымъ.

Если охотникъ съ капканомъ или при помощи собаки доймаетъ первую лису, и если случайно проѣзжавшій киргизъ, хотя бы и незнакомый, предъявитъ на нее требованіе, то охотникъ обязанъ отдать ее; при отказѣ онъ платитъ штрафъ.³⁾ Вѣроятно, здѣсь надо видѣть прежде всего остатокъ древняго правила о дѣлѣжѣ добычи, основаннаго на родовомъ началѣ, по которому добыча дѣлилась между родомъ⁴⁾. Подтверженіемъ этому слу-

1) Мейеръ — стр. 297.

2) Гродековъ — стр. 121.

3) Н. — стр. 121.

4) Ковалевскій — стр. 122.

жать слѣдующія правила дѣлежа предметовъ охоты.

1) Если къ мѣсту поимки или застрѣла животнаго явится сразу много посѣтителей, то добыча прежде всего слѣдуетъ дѣвицѣ, если она найдется въ числѣ присутствующихъ, потомъ султану, за нимъ аксакалу, далѣе по старшинству лѣтъ. 2) Точно также, когда идущіе впереді кочевки «кушбачши»¹⁾ затравляютъ какого-либо звѣря или убьютъ птицу, тогда добыча дается сначала дѣвицѣ, затѣмъ султану и далѣе въ указанномъ выше порядкѣ. Если первое убитое животное дано самому старшему, то второе дается слѣдующему, третье — третьему и такъ далѣе. При этомъ заяцъ, должно быть, по малочисленности не считается за добычу; въ виду чего, сколько бы зайцевъ ни было дано одному лицу, оно не лишается права получить въ свою очередь убитаго звѣря или птицу²⁾. 3) Наконецъ, если охотникъ застрѣлитъ «кулана»³⁾ при другихъ, то онъ отдаетъ спину его старшему изъ нихъ, какъ было сказано выше. Отдача части застрѣленнаго называется «сырачыга»⁴⁾. Затѣмъ въ институтѣ киргизскаго дѣлежа добычи проглядываетъ джентльменство своего рода, пережитокъ героическихъ временъ, когда киргизскіе батыри⁵⁾ все свои силы посвящали на служеніе народу. Въ этомъ смыслѣ правильно сказано въ трудѣ Л. Баллюзекъ, что въ охотѣ «принято однимъ изъ правилъ приличія всегда уступать добычу тому, кто случится на мѣстѣ въ моментъ ея пріобрѣтенія»⁶⁾.

г) Укрѣпленіе вещныхъ правъ.

Въ юридическомъ быту каждаго народа всегда имѣются различныя внѣшніе знаки, которые, на случай спора, могли бы засвидѣтельствовать о существованіи извѣстнаго права. Въ концѣ концовъ за лучшее средство такого удостовѣренія народами признанъ письменный до-

1) „Кушбачши“ — руководитель кочеваній.

2) Оренбург. отд. георг. общ. — стр. 152—153.

3) „Куланъ“ — дикій оселъ особой породы.

4) Гродековъ — стр. 122.

5) „Батыри“ — народные богатыри.

6) Оренбургс. отд. георг. общ. — стр. 152.

кументъ. Въ киргизскомъ быту письменный документъ, какъ это ни покажется съ перваго раза страннымъ, играетъ значительную роль. Издавна у киргизовъ имѣлись ханскіе, казійскіе и бекскіе ярлыки¹⁾. Но такъ какъ письменные документы относятся главнымъ образомъ къ обязательствамъ, то подробно о нихъ будетъ изложено при разсмотрѣніи обязательнаго права.

Къ знакамъ другого рода, относящимся къ укрѣпленію вещныхъ правъ, надо причислить «тамги»²⁾. Знаки эти употребляются какъ для укрѣпленія за собою движимыхъ, такъ и недвижимыхъ вещей. Употребивъ выраженія: «движимыя и недвижимыя вещи», слѣдуетъ оговориться что такое дѣленіе имуществъ совершенно неизвѣстно киргизамъ и не вызываетъ въ нихъ никакихъ особыхъ представленій о юридическомъ различіи между означенными вещами³⁾.

Мѣста, гдѣ кочуетъ извѣстный родъ, отмѣчаются у киргизовъ родовыми тамгами, вырубленными на землѣ. Другой родъ не можетъ переходить за эти знаки. Подобнымъ же образомъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи крестьяне наложеніемъ клеймъ на деревья обозначаютъ тѣ мѣста, на которыхъ они охотятся, и то лѣсное пространство, которое должно быть обращено въ луга и поля⁴⁾. А крестьяне воронежской губерніи точно тѣмъ же способомъ, какъ у киргизовъ, отмѣчаютъ свою ниву, при чемъ особый знакъ выдѣляется на землѣ сохой⁵⁾. При перекочевкахъ киргизскій развѣдчикъ, посланный впередъ, найдя новое свободное мѣсто, ставитъ около него какой-нибудь знакъ. («белыи»): пику, укрюкъ⁶⁾ или другую вещь, или же чертитъ на землѣ тамгу, или связываетъ пучкомъ высокую траву. Видя знакъ, другіе уже

¹⁾ Гродековъ—стр. 105—106.

²⁾ «Тамга»—клеймо.

³⁾ Маковецкій—стр. 37.

⁴⁾ Пахманъ—стр. 49.

⁵⁾ Н.—стр. 49.

⁶⁾ «Укрюкъ»—палка съ привязанною къ одному ея концу и серединѣ веревкой для ловли лошадей.

не выбираютъ это мѣсто своимъ стойбищемъ¹⁾. Тамги же служатъ для обозначенія могилъ²⁾.

Движимыя вещи, преимущественно скотъ, отмѣчаютъ тамгами или различными чертами, полосами, вытравленными или выжженными на тѣлѣ животного, обыкновенно на лѣвой сторонѣ³⁾. Лошадямъ нерѣдко распарываютъ ноздри и надрѣзываютъ уши. По свидѣтельству Гродекова, каждый родъ имѣетъ опредѣленное мѣсто на тѣлѣ животного, гдѣ ставится тамга: у одного рода это — бедро, у другого — колѣно или голова, у третьяго — плечо, ляшка и т. д.; у овецъ и рогатаго скота не выжигаютъ тамгъ, а надрѣзываютъ какое-либо ухо⁴⁾.

Эти тамги при безграмотности киргизовъ начерчиваются также на бумагахъ вмѣсто подписей.

Уничтоженіе знаковъ или выставленіе ихъ на чужомъ имуществѣ разсматривается, какъ преступленіе. Такъ, наложеніе своей тамги на чужомъ скотѣ считается за воровство. За наложеніе тамги на пригульномъ скотѣ назначаютъ штрафъ въ $\frac{1}{2}$ стоимости скотины. У кара-киргизовъ приложеніе своей тамги на чужомъ скотѣ считается за воровство и наказывается въ такой пропорціи: за барана — четыре барана и вдобавокъ четыре рубля. Наложеніе своей тамги на аманатѣ, т. е. на предметѣ, взятомъ на сохраненіе, не считается предосудительнымъ. Впрочемъ, въ кураминскомъ уѣздѣ такое наложеніе тамги безъ необходимости штрафуется въ 20 руб. Такое же взысканіе въ этомъ уѣздѣ накладывается и за наложеніе безъ нужды своей тамги на пригульномъ скотѣ⁵⁾.

Особенность киргизскихъ тамгъ по сообщенію Д. Солокова та, что онѣ родовыя, тогда какъ у многихъ другихъ народовъ, напримѣръ: у башкирцевъ, вотяковъ, мордвовъ, остяковъ, онѣ семейныя; хотя, кромѣ родовыхъ тамгъ, имѣющихъ первенствующее значеніе, у киргизовъ есть еще тамги сословныя: султанскія и для духовен-

¹⁾ Гродековъ — стр. 110 и Оренбург. отд. геогр. общ. — стр. 150.

²⁾ Гродековъ — стр. 3.

³⁾ Оренбургс. отд. геогр. общ. — стр. 165 и Гродековъ — стр. 3.

⁴⁾ Гродековъ — стр. 3.

⁵⁾ Н. — стр. 166.

ства¹⁾. Однако, надо замѣтить, что, по изслѣдованію Гродекова, всякій, желающій отмѣтить свой скоть, можетъ изобрѣсти себѣ тамгу, но, разъ установивъ этотъ знакъ, онъ не можетъ его измѣнить, исключая того случая, когда онъ выдѣляетъ кого-либо²⁾. Наконецъ, слѣды курганчей или зимовокъ, устроенныхъ предками, служатъ при тяжбахъ изъ-за земли средствомъ доказательства принадлежности ея истцу³⁾.

Кромѣ этого, для укрѣпленія земли за извѣстными владѣльцами въ степи встрѣчаются и другіе знаки, напримѣръ: могила, колодецъ, ямы, столбы изъ камней. За поврежденіе граничныхъ знаковъ бии приговариваютъ къ штрафамъ⁴⁾.

д) Защита правъ.

Всякое право должно пользоваться защитой со стороны общественной власти. Насильственное вторженіе въ сферу чужого права должно быть отражаемо. И въ киргизскомъ быту общественная власть, насколько возможно это было дѣлать по условіямъ состоянія общества, защищала обладателя права отъ нарушенія: для разбора встрѣчающихся тяжбъ существовалъ судъ. Исполнительная власть, какъ было описано выше, въ виду слабости въ прежнее время общественной власти, отличалась также крайнею слабостью. Въ силу этого допускалась баранта.

Когда помощь со стороны общества можетъ явиться запоздалой, теорія права допускаетъ самозащиту. Самозащита можетъ выразиться или въ формѣ самособорны или самоуправства. Ученіе о самооборонѣ входитъ въ область уголовного права; самоуправство, т. е. самоличное возстановленіе нарушеннаго права, хотя тоже рассматривается въ уголовномъ правѣ, но нѣкоторые ненаказуемые виды его являются выраженіемъ особыхъ гражданскихъ правъ: права удержанія, права самовольнаго

¹⁾ Соколовъ „о башкирскихъ тамгахъ“—стр. 17.

²⁾ Гродековъ—стр. 3.

³⁾ Н.—стр. 106.

⁴⁾ Маковецкій—стр. 40—41.

установленія и осуществленія уже установленнаго права залога ¹⁾.

Киргизскій адатъ содержитъ въ этомъ отношеніи одинъ крайне оригинальный обычай. Такъ, онъ допускаетъ отнятіе лошади у завѣдомаго вора, отправляющагося на воровство, если на это есть доказательства. Но если будетъ отнята лошадь безъ достаточныхъ доказательствъ, хотя бы и у человѣка, изгнаннаго изъ общества за воровство или лишеннаго добраго имени, то платится штрафъ ²⁾. Юридическая природа этого права отличается и отъ удержанія, и отъ права залога, и отъ осуществленія такого же права.

Отъ права удержанія (*jus retentionis*) оно отличается тѣмъ, что подъ правомъ удержанія разумѣется право владѣльца чужой вещи не выдавать ее собственнику до исполненія лежащаго на немъ передъ владѣльцемъ обязательства, при чемъ лицо, удерживающее вещь, не имѣетъ права само удовлетворить свое требованіе путемъ продажи или присвоенія вещи ³⁾; между тѣмъ, по изучаемому киргизскому обычаю, отнимающій лошадь не является владѣльцемъ ея; на другой сторонѣ не лежитъ никакого обязательства въ отношеніи первой; затѣмъ это отнятіе служить специальнымъ способомъ приобрѣтенія права собственности.

Самовольное установленіе права залога бываетъ въ томъ случаѣ, когда лицу дается право захватить вещь и держать ее до тѣхъ поръ, пока требованіе его къ собственнику вещи не будетъ удовлетворено, а при неудовлетвореніи — требовать продажи вещи и изъ вырученной суммы получить удовлетвореніе ⁴⁾. Такое самовольное установленіе права залога киргизскій адатъ знаетъ: 1) при захватѣ барантой чьихъ-либо вещей за неудовлетвореніе предъявленнаго иска

¹⁾ Мейеръ—стр. 226.

¹⁾ Гродековъ—стр. 161.

²⁾ Мейеръ—стр. 226.

³⁾ Н—стр. 227.

къ родичу обладателя этого имущества ¹⁾, и 2) при захватѣ чужихъ животныхъ, причиняющихъ потраву ²⁾.

Изучаемый киргизскій обычай отличается отъ самовольнаго установленія права залога тѣмъ, что въ немъ исковой претензіи вовсе нѣтъ.

Самовольное осуществленіе права залога заключается въ правѣ залогодержателя, при неисполненіи обеспеченнаго залогомъ обязательства, оставить у себя заложенную вещь или самому ее продать и изъ вырученной суммы получить удовлетвореніе ³⁾. Это право нельзя и сравнивать съ приведеннымъ киргизскимъ обычаемъ, такъ какъ послѣдній совсѣмъ не основанъ на правѣ залога.

Такимъ образомъ, указанный обычай занимаетъ самостоятельное мѣсто. Появился онъ, очевидно, на почвѣ родового быта, въ которомъ каждый отвѣчалъ за дѣйствія своего родовича, а впослѣдствіи за дѣйствія однообщественниковъ и сосѣдей, а затѣмъ по причинѣ необходимости взаимной защиты правъ жителей отъ посягательствъ опасныхъ хищниковъ.

е) Способы прекращенія вещныхъ правъ.

Правѣ собственности, по киргизскому адату, прекращается прежде всего общими способами, установленными гражданскимъ правомъ, именно: 1) тѣми способами, которыми и пріобрѣтается; 2) уничтоженіемъ вещи; 3) отреченіемъ собственника отъ его права; 4) принудительнымъ отобраніемъ у собственника его имущества вельніемъ общественной власти.

Къ послѣднему способу надо отнести баранту. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что баранта похожа на конфискацію, извѣстную гражданскому праву культурныхъ народовъ. Но между ними имѣется существенная разница. Конфискація—это отобраніе у собственника въ казну его имущества въ связи съ преступленіемъ, имъ

1) См. стр.—47.

2) См. стр.—241.

3) Мейеръ—стр. 227.

совершеннымъ¹⁾, а баранта—отобрание у собственника его имущества по причинѣ неисполненія обязательства, кромѣ того, баранта совершается не въ пользу казны, а въ пользу лица, права котораго собственникомъ нарушены, и производится не органами государства, а самолично тѣмъ, чьи права должны быть возмѣщены.

Къ конфискаціи ближе всего въ киргизскомъ быту подходитъ лишеніе всего имущества вора, который послѣ многихъ кражъ, несмотря на сопряженные съ ними штрафы, не исправится, продолжая заниматься преступнымъ своимъ ремесломъ²⁾. Сюда же примыкаетъ отобрание лошади у завѣдомаго вора, отиравляющагося на воровство³⁾.

ж) Ограниченія вещныхъ правъ.

1. Право участія въ пользованіи и выгодахъ чужого имущества:

Право участія, въ смыслѣ ограниченія права собственности, раздѣляется на право участія общаго и право участія частнаго. Право участія общаго установлено въ пользу всѣхъ и каждаго, а право участія частнаго лица—въ пользу нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ⁴⁾.

Право участія общаго въ киргизскомъ быту занимаетъ нѣкоторое мѣсто. Такъ, земли, состоящія подъ кочевыми и скотопрогонными дорогами, предоставляются во всеобщее пользованіе края⁵⁾. Впрочемъ, такимъ образомъ на эти дороги можно смотрѣть только при томъ условіи, если не имѣтъ въ виду теперешнее положеніе киргизской степи, какъ государственной собственности; иначе это не будетъ правомъ участія, а только предоставленіе государствомъ права пользованія своими дорогами всѣмъ и каждому. потому что въ этомъ случаѣ не будетъ ограниченія права собственности⁶⁾.

¹⁾ Мейеръ.—стр. 337.

²⁾ Оренбургск. отд. геогр. общ.—стр. 118.

³⁾ См. стр.—75.

⁴⁾ Мейеръ.—стр. 256.

⁵⁾ Гродековъ.—стр. 109.

⁶⁾ Мейеръ.—стр. 267.

Что касается права участія частнаго, устанавливаемого преимущественно въ пользу сосѣдей недвижимыхъ имуществъ, то таковое, въ виду слабаго развитія осязательной жизни, не встрѣчается.

II. Ограниченія права собственности относительно каждой составной его части независимо отъ правъ участія.

Каждая изъ составныхъ частей права собственности, т. е. владѣніе, пользованіе и распоряженіе, можетъ быть ограничено. Ограниченіе можетъ касаться или одной только составной части права собственности, или нѣсколькихъ сразу¹⁾.

Владѣніе. Ограниченіе права собственности относительно только одного владѣнія, безъ ограниченія пользованія и распоряженія, не встрѣчается въ киргизскомъ быту. Но встрѣчается ограниченіе владѣнія, соединенное съ ограниченіемъ пользованія, такъ что лицо и не владѣетъ и не пользуется въ полномъ объемѣ, потому что только часть доходовъ идетъ на удовлетвореніе потребностей собственника²⁾. Такова опека надъ имуществомъ несовершеннолѣтняго³⁾ и умалишеннаго⁴⁾, а также закладъ движимаго имущества⁵⁾.

Пользованіе. Гражданское право знаетъ случаи, когда собственникъ ограничивается только въ отношеніи пользованія, не будучи ограничиваемъ относительно владѣнія⁶⁾. Но такіе случаи встрѣчаются въ обществахъ, стоящихъ на высокой ступени развитія человѣчества. Ограниченія эти устанавливаются закономъ относительно лѣсовъ, нѣдръ земли и дичи, составляющей предметъ охоты, съ цѣлью упорядоченія и сохраненія. Киргизскій адатъ не знаетъ такого ограниченія.

Распоряженіе. Ограниченіе относительно распоряженія можетъ быть соединено съ ограниченіемъ другихъ

¹⁾ Н.—стр. 271—272.

²⁾ Мейеръ—стр. 272.

³⁾ Гродековъ—стр. 38—39, Словохотовъ—стр. 57; Самоквасовъ—стр. 281, § 204.

⁴⁾ Гродековъ—стр. 39, Самоквасовъ—стр. 281, § 205.

⁵⁾ Самоквасовъ—стр. 272—273.

⁶⁾ Мейеръ—стр. 273.

частей права собственности, напимѣръ, при установленіи опеки надъ имуществомъ малолѣтняго и умалишеннаго. Ограниченіе въ правѣ собственности иногда касается одного распоряженія. Къ этому случаю можно отнести запрещеніе отчуждать заложенныя зимовыя стойбища^{1]}.

III. Ограниченія права собственности, вытекающія изъ родового начала.

Вопросъ этотъ подробно разсмотрѣнъ въ «Общей характеристикѣ вещныхъ правъ»²⁾.

з) Владѣніе, какъ фактъ.

Всякое владѣніе, не вытекающее изъ права собственности, есть фактъ. Для того, чтобы фактическое отношеніе обратилось въ право, нужно, чтобы владѣніе охранялось не только отъ насилія и самоуправства, но и отъ всякаго притязанія на вещь. Юридическія послѣдствія, связанныя съ владѣніемъ, какъ съ фактомъ, въ различныхъ случаяхъ бываютъ различны. Поэтому во владѣніи отмѣчаютъ владѣніе давностное, владѣніе добросовѣстное и владѣніе недобросовѣстное³⁾.

Владѣніе давностное, это—то, которое влечетъ за собою приобрѣтеніе права собственности по давности⁴⁾. Въ киргизскомъ быту давностное владѣніе не служитъ способомъ приобрѣтенія вещныхъ правъ. «Кто чужою землею завладѣетъ, отъ того отбирается она, хотя бы и черезъ пятнадцать лѣтъ», засвидѣтельствовано въ § 188 обычаевъ сибирскихъ киргизовъ у Самоквасова; впрочемъ, тотчасъ же добавлено: «Вообще же дальняго взысканія не производится»⁵⁾. Подробнѣе о давности, какъ о способѣ приобрѣтенія вещныхъ правъ, было изложено выше⁶⁾.

1] Гродековъ—стр. 130.

2] См. выше стр. 18—21.

3] Мейеръ—стр. 253.

4] Н.—стр. 253.

5] Самоквасовъ—стр. 277.

6] См. стр. 55.

Владѣніе добросовѣстное—то, которое основывается на искреннемъ, хотя и ложномъ, представленіи владѣльца о правѣ владѣнія¹⁾. Недобросовѣстное владѣніе есть владѣніе, сознательно незаконное, нарушающее чье-либо право²⁾.

По киргизскому адату, вещь изъемлется изъ владѣнія добросовѣстнаго владѣльца, когда предъявить на нее претензію настоящій владѣлецъ или собственникъ. Доказательствомъ этому могутъ служить два примѣра, приведенные выше изъ сочиненія Гродекова для подтвержденія положенія, что у киргизовъ давность владѣнія не служитъ способомъ пріобрѣтенія вещныхъ правъ³⁾. Затѣмъ—еще примѣръ: «Украденное имущество, по нахожденіи отбирается въ пользу владѣльца, хотя бы оно перешло въ чужія руки посредствомъ продажи или дара⁴⁾». Кромѣ того, отсюда можно заключить, что киргизскій обычай защищаетъ фактическаго владѣльца отъ насилія; въ случаѣ нарушенія владѣнія лицу предоставляется обратиться въ судъ съ ходатайствомъ о возстановленіи владѣнія, и судъ возстановляетъ совершенно независимо отъ вопроса права. Впрочемъ, это будетъ справедливо только въ томъ случаѣ, если Гродековъ подъ «владѣльцемъ» разумѣетъ то самое, что разумѣютъ юристы, а не хозяина-собственника. «Тотъ, у кого отыскалось чужое имущество, долженъ въ извѣстный срокъ предоставить лицо, отъ котораго получилъ его. Иногда бій обязываетъ лицо, у котораго оказалось имущество, ѣхать съ истцомъ въ ту мѣстность, гдѣ онъ надѣется найти и указать мѣстнымъ властямъ продавца означеннаго имущества. Если онъ найдетъ тамъ настоящаго вора, то требуетъ съ него вознагражденіе своихъ убытковъ. Не выполнивъ требованіе о поѣздкѣ туда, гдѣ, по его словамъ, находится воръ, отвѣтчикъ, утверждающій, что купилъ краденое имущество у неизвѣстнаго ему человѣка, самъ считается

1 Мейеръ—стр. 253.

2 Н.—стр. 253.

3 См. стр.—56-57.

4 Гродековъ—стр. 162.

воромъ. Если отвѣтчикъ не можетъ указать, откуда получилъ украденное, или путается въ показанія, то онъ считается также воромъ»¹⁾. Если у незавѣдомо купившаго краденое имущество отбираютъ таковое, то онъ имѣетъ право обратиться къ продавцу его за удовлетвореніемъ. Если продавецъ заявить, что не продавалъ, и при этомъ не было свидѣтелей, то ему даютъ очиститься присягою²⁾.

О недобросовѣстномъ владѣльцѣ говорятъ два параграфа обычаевъ сибирскихъ киргизовъ: § 139. «Кто купитъ или продастъ краденое зазнамо, тотъ причитается къ ворамъ и по состоянію вещи платитъ таковую же». § 150. «Если дочь или сынъ, обворовавшіе родителей, покажутъ, что украденное они передали кому-нибудь въ постороннія руки, а тотъ въ полученіи не признается, то долженъ очиститься присягою или заплатить проданное; болѣе же этого съ него штрафа не полагается. Упоминаніе: «болѣе же этого штрафа не полагается», свидѣтельствуешь о томъ, что киргизскій адатъ, въ противоположность русскому гражданскому праву, съ недобросовѣстнаго владѣльца не требуетъ взысканія вознагражденія за пользу, извлеченную изъ вещи во время недобросовѣстнаго владѣнія³⁾.

Исключеніе изъ высказанныхъ положеній составляетъ владѣлецъ арыка, который занялъ старый арыкъ и провелъ новый по его руслу. Когда явится хозяинъ стараго, то ему отказываютъ въ удовлетвореніи, говоря: «Почему ты раньше не заявилъ, мы тогда провели бы арыкъ по другому мѣсту»⁴⁾.

Подробности о неправомъ владѣніи будутъ разсмотрѣны ниже⁵⁾.

¹⁾ Гродековъ—стр. 162.

²⁾ Н.—стр. 194.

³⁾ Т. х, ст. 610.

⁴⁾ Гродековъ—стр. 104.

⁵⁾ См. стр. 246.

Б) Право на чужую вещь.

«Право на чужую вещь, обыкновенно называемое у нас правомъ угодья, составляетъ господство сторонняго лица надъ вещью независимо отъ личности ея собственника»¹⁾. Институтъ этотъ въ киргизскомъ быту не извѣстенъ.

Маковецкій склоненъ относить къ праву на чужую вещь право пользованія нуждающимся отцомъ имуществомъ выдѣленнаго сына и право родственника брать безъ спроса лошадей для ѣзды или барановъ для доенія²⁾. Однако съ этимъ нельзя согласиться: право на чужую вещь состоитъ въ господствѣ лица надъ предметомъ независимо отъ личности собственника его, а въ указанныхъ Маковецкимъ примѣрахъ отношенія къ вещамъ основаны исключительно на родственныхъ связяхъ; затѣмъ, при отчужденіи имущества его владѣльцами въ постороннія руки, право пользованія этимъ имуществомъ отцомъ и родственникомъ утрачивается, а этого не должно быть при правѣ на чужую вещь.

Профессоръ А. Х. Гольмстенъ къ изучаемому отдѣлу относитъ еще право залога, но оно будетъ разсмотрѣно въ обязательственномъ правѣ.

1 | Мейеръ—стр. 337.

2 | Маковецкій—стр. 55.

Обязательственное право.

Юридическіе факты дѣлятся на два разряда: на юридическія событія и на юридическія дѣянія. Юридическія событія—это факты случайные, не зависящіе непосредственно отъ воли лица; юридическія дѣянія—факты, происходящіе отъ воли лица¹⁾). Въ данной работѣ вниманіе будетъ обращено на юридическія дѣянія, какъ на факты, созданные волею отдѣльнаго лица, а изъ нихъ, главнымъ образомъ, на юридическія сдѣлки, въ которыхъ наиболѣе господствуетъ частное распоряженіе. Другой видъ юридическихъ дѣяній—юридическія дѣйствія²⁾); они будутъ рассмотрѣны кратко, преимущественно въ формѣ

¹⁾ А. Гольмстенъ—стр. 75.

²⁾ Подъ юридическими дѣйствіями разумѣются такія волеизъявленія лицъ, съ которыми законъ связываетъ извѣстныя юридическія послѣдствія.

правонарушеній, такъ какъ начала, свойственныя сдѣлкамъ, большею частью распространяются и на послѣднія.

Въ конкретныхъ случаяхъ частныхъ правоотношеній сдѣлка сливается чаще всего въ неразрывное понятіе съ обязательствомъ, исключая обязательствъ, возникающихъ независимо отъ соглашенія. Но при юридическомъ изслѣдованіи тѣхъ и другія необходимо разсмотрѣть особо. При этомъ нужно пояснить, что сдѣлка здѣсь понимается въ смыслѣ основанія тѣхъ или другихъ правоотношеній, а обязательство — въ смыслѣ особой формы послѣднихъ, отличающейся отъ другихъ имущественныхъ правъ¹⁾.

Прежде чѣмъ, однако, приступить къ выполнению указанной задачи, слѣдуетъ сдѣлать предварительное замѣчаніе. Благодаря слабому развитію потребности въ оборотѣ цѣнностей, сдѣлки и обязательства въ киргизскомъ быту находятся въ зачаточномъ состояніи и основаны на неустойчивыхъ началахъ, но, тѣмъ не менѣе, и здѣсь встрѣчаются почти всѣ формы гражданскихъ сдѣлокъ и обязательствъ.

А) Сдѣлки.

Подъ юридическою сдѣлкою разумѣется такое юридическое дѣяніе, при которомъ воля частнаго лица устанавливаетъ рядъ нормъ (*lex privata*), опредѣляющихъ то или другое юридическое отношеніе²⁾. Сдѣлки играютъ большую роль въ юридическомъ оборотѣ; стоитъ хотя бы только вспомнить, что передача права собственности всегда исходитъ изъ какой-либо сдѣлки.

Общее ученіе о сдѣлкахъ у киргизовъ, по скудости матеріала, можно изобразить только краткими чертами. Онѣ будутъ касаться трехъ вопросовъ: 1) о личныхъ условіяхъ сдѣлокъ, 2) о предметѣ и содержаніи сдѣлокъ и 3) о формѣ совершенія сдѣлокъ³⁾.

¹⁾ Пахманъ—стр. 54.

²⁾ А. Гольмстенъ—стр. 79.

³⁾ Система Пахмана и Якушкина. Пахманъ—стр. 55. Якушкинъ, вып. 2, стр. 484.

а) Личныя условія сдѣлокъ.

Къ этой рубрикѣ относятся правоспособность и дѣеспособность.

1. ПРАВОСПОСОБНОСТЬ.

Полноправными субъектами сдѣлокъ у киргизовъ считаются глава семьи, выдѣленные изъ семьи члены и затѣмъ владѣльцы частнаго, индивидуальнаго имущества. Здѣсь киргизскій адатъ расходится съ обычаями другихъ народовъ, живущихъ кровными союзами. У осетинъ, на примѣръ, правоспособною, исключая владѣльцевъ отдѣльныхъ имуществъ, считается только совокупность лицъ, составляющихъ семейную общину, которая одна только имѣетъ право располагать принадлежащей ей собственностью¹⁾. Такого явленія въ киргизскомъ быту нѣтъ. Затѣмъ у киргизовъ имѣется еще другая особенность: субъектомъ сдѣлокъ признается совершеннолѣтній неотдѣленный сынъ въ отношеніи семейнаго имущества. Но подробно объ этомъ будетъ изложено въ главѣ о необходимости присутствія въ сдѣлкахъ сознательной воли²⁾.

Наибольшимъ ограниченіемъ въ правахъ подвергаются въ киргизскомъ быту лица женскаго пола. Женщины у киргизовъ, какъ и у осетинъ³⁾, не признаются субъектами сдѣлокъ. По объясненію бія Сагындыкова, киргизка, покупаемая за калымъ, безправна, какъ рабыня, какъ скоть или земельная собственность⁴⁾. Договоры женщинъ недѣйствительны безъ согласія тѣхъ лицъ, во власти которыхъ онѣ состоятъ. Гродековъ по этому предмету говоритъ: «Если жена живетъ съ мужемъ, то она вмѣстѣ съ нимъ участвуетъ въ пользованіи имуществомъ; но она не можетъ распоряжаться имуществомъ по своему усмотрѣнію. Въ отсутствіи мужа она управляетъ имуществомъ, на примѣръ: даетъ по требованію мужнина друга, если онъ

¹⁾ Ковалевскій—стр. 178.

²⁾ См. стр.—97—98.

³⁾ Ковалевскій—стр. 180.

⁴⁾ Гродековъ—стр. 95.

благонадежный, вещи на поддержаніе или дарить ему их. Вернувшійся мужъ можетъ заявить несогласіе, и тогда подарокъ отбирается. Съ предметомъ, проданнымъ женою въ отсутствіе мужа, дѣлается то же, согласно тому мнѣнію, что «у женщинъ умъ половинный», и по пословицѣ: «женщина безъ ума, лягушка безъ хвоста»¹⁾). Въ брачныхъ договорахъ, какъ извѣстно, женщина у киргизовъ, вообще говоря, не принимаетъ участія. Торговать жена можетъ только съ согласія мужа²⁾).

Болѣе самостоятельности, сравнительно съ другими женщинами, имѣютъ киргизскія вдовы, равно какъ это встрѣчается и въ осетинскомъ быту³⁾). Такъ, вдовѣ не возбраняется торговать⁴⁾). Иногда до совершеннолѣтія сыновей имуществомъ управляетъ вдова⁵⁾); несомнѣнно, что въ это время ей для успѣшнаго выполненія своей задачи приходится входить во многія сдѣлки; затѣмъ и послѣ совершеннолѣтія нерѣдко она, какъ говоритъ Гродековъ, «полновластно распоряжается имуществомъ» дѣтей⁶⁾). Вдова по смерти мужа хотя и обязана вступить въ бракъ безъ калыма съ роднымъ братомъ покойнаго или съ ближайшимъ его родственникомъ, но выборъ мужа зивиситъ отъ нея; можетъ она остаться и вдовою, если пожелаетъ, и тогда ее ко вторичному браку не принуждаютъ; наконецъ, если бы она вышла замужъ за посторонняго человѣка безъ позволенія родни мужа, то бракъ все равно считается дѣйствительнымъ⁷⁾).

II. ДѢСПОСОБНОСТЬ.

Здѣсь надо разсмотрѣть вліяніе возраста и присутствіе сознательной воли на дѣйствительность актовъ.

¹⁾ Гродековъ—стр. 93.

²⁾ Н.—стр. 94.

³⁾ Ковалевскій—стр. 108.

⁴⁾ Гродековъ—стр. 94.

⁵⁾ Н.—стр. 95 и 39.

⁶⁾ Н.—стр. 86.

⁷⁾ Гродековъ—стр. 86—87.

аа) Возрастъ.

По киргизскому возрѣнію, какъ и у другихъ народовъ, лицо, не достигшее извѣстнаго возраста, не пользуется свободою вступленія въ сдѣлки, такъ какъ считается не обладающимъ совершеннымъ сознаниемъ. Поэтому сдѣлки такихъ лицъ считаются ничтожными. Доказательства изложенному: а) «купленное у несовершеннолѣтнихъ, по требованію отца, возвращается безъ штрафа»¹⁾; б) за несовершеннолѣтнихъ сиротъ ходатайствуютъ и безконтрольно управляютъ имуществомъ опекуны²⁾; в) продажа, купля, заемъ и другія распоряженія несовершеннолѣтнихъ недѣйствительны³⁾.

Совершеннолѣтіе, по киргизскому адату, достигается приблизительно въ пятнадцать лѣтъ. По наступленіи этого возраста, опекуны складываютъ съ себя свои обязанности⁴⁾. Выдѣлъ сына бываетъ не ранѣе того, какъ сыну минуетъ пятнадцать лѣтъ: «въ пятнадцать лѣтъ—хозяинъ кибитки», говоритъ киргизская пословица⁵⁾. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершеннолѣтіе считается нѣсколько ранѣе: а) въ ауліатинскомъ уѣздѣ человекъ до тринадцати лѣтъ называется несовершеннолѣтнимъ, съ пятнадцати или шестнадцати лѣтъ—совершеннолѣтнимъ; юноша четырнадцати лѣтъ, смотря по уму, можетъ считаться и совершеннолѣтнимъ⁶⁾; б) у каракиргизовъ совершеннолѣтіе начинается съ тринадцати лѣтъ⁷⁾; в) въ чимкентскомъ уѣздѣ совершеннолѣтіе у мальчиковъ начинается съ двѣнадцати лѣтъ, а у дѣвушекъ съ девяти⁸⁾.

Съ наступленіемъ совершеннолѣтія мужчина можетъ отлучаться, наниматься и заниматься дѣломъ самъ, безъ спроса старшихъ⁹⁾. Въ этомъ разница съ русскимъ обыч-

¹⁾ Н.—стр. 127.

²⁾ Н.—стр. 40.

³⁾ Гродековъ—стр. 34.

⁴⁾ Н.—стр. 40.

⁵⁾ Н.—стр. 43.

⁶⁾ Н.—стр. 36.

⁷⁾ Н.—стр. 36.

⁸⁾ Н.—стр. 36.

⁹⁾ Н.—стр. 36.

нымъ правомъ. У нашихъ крестьянъ трудъ совершеннолѣтнихъ членовъ семьи не свободенъ: нерѣдко отецъ ставитъ въ наймы своего совершеннолѣтняго сына или взрослую дочь, братъ ставитъ брата и т. п.; слѣдовательно, одного совершеннолѣтія по возрасту въ отношеніи права располагать своимъ трудомъ недостаточно, чтобы имѣть право самостоятельнаго вступленія въ сдѣлки¹⁾.

бб) Присутствіе сознательной воли.

Присутствіе у контрагентовъ сдѣлки сознательной воли совершенно необходимо; этого требуетъ самое существо сдѣлки. Въ противномъ случаѣ онѣ признаются недѣйствительными. На этомъ основаніи сдѣлки умалишенныхъ, сдѣлки, заключенныя въ состояніи временнаго помраченія ума, по принужденію и съ обманомъ, считаются повсюду ничтожными.

Впрочемъ, есть исключеніе изъ этого правила: осетинское право считаетъ вполне обязательнымъ и такой договоръ, первоначальнымъ виновникомъ котораго является несовершеннолѣтній или слабоумный, разъ онъ не вызываетъ протеста со стороны заинтересованныхъ въ немъ²⁾. Происходитъ это оттого, что осетины живутъ сообща большими союзами, составляющими семейную общину, которая одна, какъ сказано было выше, вправе располагать принадлежащей ей собственностью. Въ данномъ случаѣ осетинскіе обычаи совершенно сходны съ обычаями древнихъ ирландцевъ и индусовъ. Семейная община, не признавая договора, тѣмъ самымъ расторгаетъ его. Обратно, если договоръ утвержденъ всей семьей или главой семьи, дѣйствующимъ отъ ея имени, онъ получаетъ обязательную силу, при чемъ за согласіе принимается отсутствіе протеста³⁾.

Въ киргизскомъ быту изслѣдователи не отмѣтили такой особенности. Да и трудно предположить возможность существованія ея. Прежде всего извѣстно, что надъ ума-

1) Пахманъ—стр. 56.

2) Ковалевскій—стр. 180.

3) Ковалевскій—стр. 178—179.

лишенными у киргизовъ учреждается опека, а теорія договоровъ требуетъ, чтобы заключающіе ихъ лица не состояли подъ опекой. Затѣмъ, киргизы не живутъ такими большими сплоченными общинами, какъ осетины; только что сынъ взойдетъ въ совершенный возрастъ, всякій киргизъ-отецъ старается его выдѣлить. Къ этому надо добавить, что у киргизовъ почти совсѣмъ нѣтъ недвижимой собственности, а потому нѣтъ привязанности къ семейнымъ имуществу и очагу, нѣтъ той солидарности между членами семейства, какъ характеризуетъ общину у другихъ народовъ, живущихъ кровными союзами. Относительно купли и продажи, учиненныхъ противъ воли главы семейства совершеннолѣтнимъ невыдѣленнымъ сыномъ, у Гродекова прямо сказано: «таковыя не расторгаются»¹⁾. Утвержденія такой сдѣлки со стороны другихъ членовъ семейства или главы ея совершенно не требуется.

Изложенное подтверждается также и слѣдующимъ рѣшеніемъ киргизскаго суда: «Киргизъ № 5 аула, Каракульской волости, Палванъ Биктургановъ, заявилъ, что сынъ его Айтмамбетъ отдалъ его собственнаго верблюда киргизу № 6 аула, той же волости, Исыму Сансысбаеву, за одну лошадь. При разборѣ оказалось, что Сансысбаевъ купилъ этого верблюда, отдавъ за него хорошую лошадь. Біемъ Достаномъ Амановымъ постановлено: жалобу Биктурганова оставить безъ послѣдствій, потому что на основаніи киргизскаго адата, купленное не возвращается (Казалин. уѣзд. 1870 г.»²⁾).

Отдаленный намекъ на необходимость согласія со стороны родовичей при сдѣлкахъ находится, вѣроятно, какъ пережитокъ старины, въ слѣдующемъ разсказѣ киргиза Торгая. Если киргизъ укралъ подаренное имъ другому, то бій говоритъ ему: «Зачѣмъ ты дарилъ! теперь это уже его собственность». Отвѣтчикъ говоритъ: «Моя родня не согласилась на сдѣланный мною подарокъ»;

¹⁾ Гродековъ— стр. 34.

²⁾ Гродековъ— приложение № 8, стр. 144.

мнѣ было стыдно требовать его назадъ, поэтому я укралъ»¹⁾

Пахманъ въ отношеніи быта русскихъ крестьянъ упоминаетъ о сдѣлкахъ съ пьяными, какъ признающихся, по обычаю, въ большинствѣ случаевъ недѣйствительными²⁾. У киргизовъ о такихъ сдѣлкахъ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ они вовсе не употребляютъ вина.

Сдѣлки подъ вліяніемъ обмана, по киргизскому ада-ту, ничтожны. «Если кто въ торгу обманъ сдѣлаетъ», постановляетъ § 182 у Самоквасова, «то претендатель долженъ удостовѣрить сіе присягою, и буде таковое удостовѣреніе представить, то искъ свой получаетъ сполна; въ случаѣ же обвѣса, обмѣра и общитыванія, учинитель онаго обязанъ дать присягу въ своей невинности, но когда присяги той на срокъ не доставитъ, то долженъ удовлетворить въ искѣ обиженнаго». Тамъ же § 159 гласитъ: «Кто поддѣланную вещь продастъ за настоящую, тотъ, по изысканію, извергается изъ общества и взыскивается съ него вещь настоящая». У Гродекова находятся подтвержденія тому же: а) «Продажа низкаго качества товара подъ видомъ лучшаго сорта составляетъ обманъ, и сдѣлка расторгается»³⁾ б) «Въ случаѣ открытія обмана, торговецъ обязанъ возвратитъ полученную за товаръ плату. Если же онъ не желаетъ добровольно учинить возвратъ и откажется отъ перенесенія дѣла на судъ, то обиженный въ правѣ взять плату обратно»⁴⁾. в) «Если одна и та же вещь продана двумъ разнымъ лицамъ, то она присуждается тому изъ нихъ, кто раньше заплатилъ деньги и совершилъ обрядъ подачи руки со словами: «на счастье»! Другому возвращаются деньги безъ штрафа»⁵⁾. г) «Если въ недѣльный приблизительно срокъ (послѣ продажи) у животного окажутся недостатки, не объявленные при продажѣ, но о существованіи которыхъ знаютъ посторонніе люди, то купившій можетъ отказатся или потребовать возврата переплаченныхъ денегъ»⁶⁾.

¹⁾ Гродековъ—стр. 124.

²⁾ Пахманъ—стр. 57.

³⁾ Гродековъ—стр. 158.

⁴⁾ Гродековъ—стр. 159

⁵⁾ Н.—стр. 159.

⁶⁾ Н.—стр. 127.

б) Предметъ и содержаніе сдѣлокъ.

Весьма затруднительно въ этомъ отношеніи указать общіе принципы, кромѣ тѣхъ, которые будутъ изложены при разсмотрѣніи отдѣльных видовъ сдѣлокъ.

Что касается собственно предмета сдѣлокъ, то какихъ-либо ограниченій на этотъ случай въ киргизскомъ быту не имѣется. Въ степи, проникнутой насквозь духомъ неприкосновенности личной свободы, тѣмъ не мѣнѣе существуютъ даже такіе сдѣлки, которыя совершенно недопустимы въ культурныхъ странахъ. Такъ, родители нерѣдко сватаютъ для своихъ сыновей невѣсть тогда, когда и женихъ и невѣста еще въ пеленкахъ. Бываетъ даже такъ, что, не будучи отцами, друзья сговариваются между собой породниться посредствомъ союза будущихъ своихъ дѣтей, и этотъ сговоръ будущаго потомства выполняется ими непременно, если только у одного изъ нихъ родится сынъ, а у другого дочь¹⁾. Для поясненія сказаннаго необходимо добавить, что сговоръ въ киргизскомъ бракѣ есть не что иное, какъ торговая сдѣлка, выражающаяся въ такъ называемомъ «калымѣ»²⁾. Или, далѣе, дѣвицы служатъ платной единицей при взысканіи «куна»³⁾. Напримѣръ, въ ауліатинскомъ уѣздѣ за убійство почетнаго лица бѣлой кости былъ выданъ кунъ на сумму 1300 тиллей и одна дѣвица⁴⁾. Въ прежнее время существовало въ степи рабство, и тогда рабы были объектомъ сдѣлокъ, но со времени русскаго владычества рабство пало, и торговля людьми прекратилась. Только при существованіи рабства возможенъ былъ обычай, по которому за убійство чужой охотничьей собаки или беркута платили калмычку⁵⁾.

1) Оренб. отд. геогр. общ. — стр. 68.

2) «Калымъ» — извѣстное количество подвижности: скота или денегъ, платимаго родителямъ невѣсты, по условію.

3) «Кунъ» — цѣна крови за убитаго.

4) Гродековъ — стр. 237 и Словохотовъ — стр. 128.

5) Самоквасовъ — стр. 192.

в) Формальные условія заключенія сдѣлокъ.

1. Формы заключенія сдѣлокъ.

Въ писанномъ правѣ имѣются различныя формы сдѣлокъ, при чемъ несоблюденіе ихъ иногда влечетъ или ничтожность сдѣлки, или же нѣкоторыя невыгодныя послѣдствія при сохраненіи ея силы. Въ киргизскомъ адатѣ на этотъ предметъ нѣтъ строго-опредѣленныхъ нормъ, но нѣкоторыя указанія имѣются.

Въ большинствѣ случаевъ сдѣлки въ степи по малограмотности киргизовъ совершаются словесно. Нѣкоторыя сдѣлки даже исключительно заключаются словесно. Къ такимъ сдѣлкамъ надо отнести «акымаръ»: это—имущество, назначаемое въ пользу жены на случай развода. «Женихъ», сообщает Гродековъ, «опредѣляетъ акымаръ невѣстѣ при народѣ, но безъ расписки. При разводѣ жена, ея ближайшій родственникъ или ея родъ требуютъ и получаютъ по суду обѣщанный акымаръ»¹⁾.

Иногда словесныя сдѣлки облакаются въ болѣе торжественную форму посредствомъ присяги или совершаются при свидѣтеляхъ²⁾.

Письменные сдѣлки въ киргизскомъ быту развиты въ достаточной степени. Словохотовъ приписываетъ это русскому влиянію³⁾. Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться, но необходимо замѣтить, что письменные документы имѣлись у киргизовъ съ давнихъ поръ, о чемъ упоминалось уже выше. Личная подпись въ актахъ замѣняется, по обычаю, тамгою. Но такъ какъ это ведетъ къ злоупотребленіямъ, то, напримѣръ, общее присутствіе тургайскаго областного правленія протоколомъ 1894 года потребовало, чтобы «въ дѣловыхъ бумагахъ, кромѣ тамги имѣлись и надписи»⁴⁾.

1) Гродековъ—стр. 91.

2) Маковецкій—стр. 47.

3) Словохотовъ—стр. 40.

4) Н.—стр. 59.

Въ большомъ употребленіи среди киргизовъ письменныя долговыя обязательства; въ нихъ обозначается годъ, мѣсяцъ и число выдачи ея; срокъ уплаты; сумма долга съ имѣющими нарости къ сроку уплаты процентами. Здѣсь—отличіе адата киргизскаго отъ осетинскаго, такъ какъ послѣдній не знаетъ срочныхъ договоровъ, и у нихъ нѣтъ исковой давности¹⁾. При уплатѣ части долга помѣчаютъ объ этомъ въ письменномъ долговомъ обязательствѣ²⁾. Если давшій такое обязательство и упомянутые въ немъ поручители откажутся отъ него, но истецъ и бій³⁾ признають его, то оно остается въ силѣ безъ назначенія присяги. Такъ же точно, если изъ трехъ, давшихъ письменное долговое обязательство, одинъ признаетъ его, то оно остается въ силѣ⁴⁾.

Письменные документы употребляются въ сдѣлкахъ по перевозкѣ товаровъ. Передъ отправкой клади купцы и возчики обмѣниваются письменными обязательствами о количествѣ клади, провозной платѣ и срокѣ доставки. По древнему адату, возчики должны были платить убытки даже безъ предварительнаго условія; теперь же не обязавшіеся подпискою, приложеніемъ печати и тамги не платятъ⁵⁾. При отправленіи въ путь караванбаши (люди, поставленные во главѣ каравановъ) получаютъ особыя накладныя⁶⁾.

Въ настоящее время рѣшенія биевъ приводятся въ исполненіе волостными управителями. По уплатѣ всей суммы взысканія истцу, управитель на оборотной сторонѣ копій рѣшенія дѣлаетъ о томъ отмѣтку съ распискою получателя и отдаетъ ее уплатившему лицу⁷⁾.

Изъ дѣла баиркульскихъ киргизовъ 1881 года видно, что въ этени употребляются даже векселя⁸⁾.

¹⁾ Ковалевскій—стр. 138.

²⁾ Гродековъ—стр. 130 и 183.

³⁾ „Бій“—суля.

⁴⁾ Гродековъ—стр. 183.

⁵⁾ Гродековъ—стр. 138.

⁶⁾ Н.—стр. 138.

⁷⁾ Н.—стр. 199.

⁸⁾ Гродековъ, прил. № 3, стр. 169, рѣш. № 3.

У киргизовъ практикуется также отобраніе подписки, въ случаѣ отказа отъ правъ. Напримѣръ, если какой—нибудь родъ занялъ готовый арыкъ или колодезь, поправилъ и расчистилъ его, но не успѣлъ воспользоваться водою, а между тѣмъ явился на старое мѣсто родъ—хозяинъ арыка или колодца, то первому дозволяютъ вмѣстѣ съять подѣ условіемъ совмѣстнаго участія въ платежѣ податей и повинностей и съ тѣмъ, чтобы онъ подпискою отказался отъ правъ на арыкъ или колодезь¹⁾. Письменное долговое обязательство часто берутъ съ пойманнаго вора, который проситъ не вчинять иска о взысканіи подлежащаго штрафа²⁾. Нерѣдко одинъ родъ выдаетъ другому документъ въ томъ, что уступается въ пользованіе извѣстная мѣстность или извѣстное количество кошей³⁾ земли, или, если роды имѣли общую землю, а потомъ рѣшили раздѣлиться, — въ томъ, что такому-то роду принадлежитъ извѣстная мѣстность или извѣстное количество кошей земли⁴⁾.

Дѣла, подеудныя народному суду, могутъ подлежать разбору мирового судьи или областного суда только въ томъ случаѣ, если обѣ стороны заявятъ суду о томъ желаніе письменно или словесно со внесеніемъ въ протоколъ. По положенію 1867 года, киргизы могли обращаться къ русскому суду при взаимномъ согласіи тяжущихся сторонъ, выраженномъ непремѣнно въ подпискѣ⁵⁾.

Всякаго рода письменные акты и договоры свидѣлствуются народными судьями, за исключеніемъ сдѣлокъ о недвижимыхъ имуществѣхъ, когда право собственности на нихъ утверждается на актахъ, совершенныхъ по силѣ общихъ законовъ имперіи. Выдаваемые народными судьями акты должны быть подписаны сторонами собственноручно, а за неграмотныхъ—довѣренными лицами и свидѣтелями, не менѣе двухъ; они скрѣп-

¹⁾ Гродековъ, стр. 104.

²⁾ Н.—стр. 166.

³⁾ „Кошь“—количество вспахиваемой земли парой воловъ.

⁴⁾ Гродековъ—стр. 107.

⁵⁾ Н.—стр. 178 и 203.

ляются подписью и должностною печатью свидѣтельствующаго ихъ народнаго осуды и дословно записываются въ шнуровую книгу подъ очереднымъ номеромъ по порядку¹⁾.

Какъ было выше замѣчено, у киргизовъ съ древнихъ временъ встрѣчаются письменные акты, напримѣръ: ханскіе, казійскіе и бекскіе документы. Здѣсь—противоположность киргизскаго быта съ осетинскимъ. У послѣднихъ, по свидѣтельству М. Ковалевскаго, письменныя записи появились только въ послѣднее время, подъ прямымъ вліяніемъ писаннаго закона махумеданъ, такъ называемаго шаріата, и русской юридической практики²⁾.

Нѣкоторыя сдѣлки у киргизовъ совершаются въ формѣ «бирокъ». Бирка—это палочка или дощечка, на которой, посредствомъ разныхъ нарѣзокъ, отмѣчается счетъ, и которая служитъ для установленія обязательственныхъ правъ. Бирка разрѣзается продольно на двѣ части. Одна половина находится въ рукахъ должника, а другая у кредитора; при провѣркѣ онѣ складываются, и тогда смотреть, сойдутся ли нарѣзки или нѣтъ. Бирки весьма употребительны при долговыхъ обязательствахъ, при порученіи пасти скотъ съ одной стороны и при обязательствахъ его пасти и окарауливать съ другой. Бирки распространены въ средѣ русскихъ крестьянъ³⁾, встрѣчаются и у осетинъ⁴⁾.

Въ степи еще извѣстенъ особый видъ бирокъ—«жеребейки». Они употребляются въ качествѣ счетныхъ знаковъ, особенно при стрижкѣ барановъ. Жеребейки—это мелко нарѣзанные кусочки древеснаго прутика, чаще всего таволоженнаго⁵⁾. Они выдаются исполнившему какую-нибудь работу для полученія по нимъ въ послѣдствіи разчета, или какъ обязательство совершить извѣстную работу. Этотъ видъ бирокъ находится въ обращеніи

1) Ст. 235 и ст. 236 Положенія объ управленіи степныхъ областей изд. 1892 г.

2) Ковалевскій—стр. 177.

3) Пахманъ—стр. 63.

4) Ковалевскій—стр. 177.

5) „Таволожникъ“—особая порода степного кустарника.

и среди русских крестьянъ; такъ, въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ овчинники, собирая овчины для выдѣлки, и рабочіе, берущіе холстъ для набойки, выдаютъ жеребейки¹⁾.

II. Обряды при заключеніи сдѣлокъ.

Изъ обрядовъ, употребляемыхъ при заключеніи сдѣлокъ, какъ-то: богомелъе, рукобитъе, могарычъ (литки) и другіе, извѣстны въ киргизской средѣ: протягиваніе руки, рукобитъе²⁾ и клятва.

Протягиваніе руки, видимо, удержано отъ древней эпохи, когда оно являлось условіемъ передачи фанта, или задатка, отъ одного изъ контрагентовъ другому.³⁾ Протягиванье руки и рукобитъе, какъ послѣдующая форма этого института, встрѣчаются на западѣ въ средніе вѣка, равно какъ и въ русскомъ обычномъ правѣ. У осетинъ рукобитъе является почти единственнымъ формальнымъ способомъ заключенія договоровъ.

Клятва при договорахъ киргизами совершается различно: произносятъ договоръ, положивъ себѣ на голову камень, или ѣдятъ хлѣбъ съ солью, или произносятъ какую-нибудь клятвенную формулу⁴⁾.

На степныхъ базарахъ всегда имѣются особые для каждаго товара маклеры, которые всячески стараются привести стороны къ соглашенію, вкладывая насильно руку продавца въ руку покупателя. Актъ продажи, кроме подачи руки, закрѣпляется со стороны продавца словами: «Пользуйся на счастье» и прочее, а со стороны покупателя: «Пусть одно у тебя превратится въ тысячу; ты также будь въ прибыли.» Но тѣмъ не менѣе до уплаты денегъ обѣ стороны еще могутъ отказаться; послѣ же уплаты не могутъ⁵⁾. Если одна и та же вещь продана двумъ разнымъ лицамъ, то она присуждается тому

1) Пахманъ—стр. 64.

2) Маковецкій—стр. 49.

3) Ковалевскій—стр. 172.

4) Маковецкій—стр. 49.

5) Гродековъ—стр. 127.

изъ нихъ, кто раньше заплатилъ деньги и совершилъ обрядъ подачи руки со словами: «На счастье». Другому возвращаются деньги безъ штрафа¹⁾.

Б). Обязательства.

Не взирая на слабое развитіе гражданского юридическаго быта въ киргизскомъ адатѣ, въ немъ существуетъ понятіе о томъ правоотношеніи, въ которомъ является право не на вещь непосредственно, а на извѣстное чужое дѣйствіе. Слѣдовательно, киргизамъ извѣстно существо обязательства. Это усматривается хотя бы уже изъ того, что купившій какой-нибудь предметъ не считается его собственникомъ тотчасъ послѣ заключенія договора купли—продажи, а только послѣ передачи его. Кроме того, изъ разсмотрѣнія отдѣльных видовъ обязательствъ видно, что они довольно разнообразны и во многомъ, по своимъ принципамъ, сходны съ соответствующими видами развитой системы права.

Общій очеркъ объ обязательствахъ будетъ изложенъ по слѣдующему плану, по возможности полно, насколько допустить это сдѣлать скудный наличный матеріалъ, однако не повторяя того, что извѣстно уже изъ теоріи гражданского права:

а) Источники обязательствъ.

б) Исполненіе обязательствъ и послѣдствія неисполненія ихъ.

в) Отсрочки по обязательствамъ.

г) Прекращеніе обязательствъ.

а) Источники обязательствъ.

Самое обыкновенное основаніе обязательствъ—соглашеніе, но о сдѣлкахъ уже рѣчь шла выше. Къ сдѣлкамъ, какъ извѣстно, примыкаютъ «quasi—contractus» (полудоговоры); это—такія отношенія, которыя разсматриваются какъ сдѣлки, хотя они не опираются на соглашеніе. Напримѣръ, бездовѣренная услуга и бездоговор-

1) Гродековъ—стр. 159

но—сохранное обязательство. О quasi—contractus будетъ изложено ниже, при изученіи договоровъ довѣренности¹⁾ и поклажи²⁾.

Другой источникъ обязательствъ—правонарушеніе. Сюда прежде всего относится самое неисполненіе обязательствъ; но этотъ вопросъ будетъ разсмотрѣнъ особо. Потомъ—причиненіе кому-нибудь ущерба независимо отъ существованія между сторонами договорныхъ отношеній, какъ-то: потрава чужихъ угодій, неправо владѣніе, различные случаи поврежденія чужого имущества и т. п. Къ послѣднему разряду необходимо причислить такъ называемые полупроступки (quasi—delicta); на примѣръ, ущербъ, причиненный животными, принадлежащими постороннему лицу.

Чтобы причиненіе ущерба могло повести къ личной гражданской отвѣтственности, конечно, необходима дѣеспособность. У нашихъ крестьянъ за малолѣтнихъ отвѣчаютъ ихъ родители³⁾. Въ киргизскомъ быту существуетъ то же правило; точныхъ указаній на этотъ предметъ, впрочемъ, найти не удалось, но о безотвѣтственности малолѣтнихъ въ § 105 киргизскихъ обычаевъ у Самокурасова сказано опредѣленно: «Вообще же съ малолѣтнихъ никакихъ исковъ не взыскивается.» Не несутъ отвѣтственности и умалишенные. Такъ, если какой-либо умалишенный киргизъ въ припадкѣ болѣзни изувѣчитъ или убьетъ человѣка, то случай предается волѣ Божіей, а родные его подлежатъ взысканію; въ частности, если отъ дѣйствій умалишенныхъ послѣдовала смерть, взыскивается «асъ-атау-коръ-кебывъ»,—это издержки по похоронамъ и поминкамъ по умершимъ⁴⁾. Наиболѣе опредѣленное указаніе о взглядѣ адата на правонарушенія, совершенныя безъ участія воли, находится у г. Словохотова: «Народный судъ киргизовъ призналъ справедливымъ отвѣтственность въ подобныхъ случаяхъ тѣхъ род-

¹⁾ См. стр.—214.

²⁾ См. стр.—219—220.

³⁾ Пахманъ—стр. 66.

⁴⁾ Оренб. огл. геогр. общ. стр.—144.

ственниковъ, которые въ силу узъ крови должны были наблюдать за дѣйствіями своихъ больныхъ сочленовъ и охранять потерпѣвшихъ отъ опасности хотя бы и случайныхъ правонарушеній. Отвѣтственность эта простиралась до седьмого колѣна родства преступниковъ казуса²⁾.

Послѣдствіемъ правонарушения является обязанность виновнаго лица вознаградить за вредъ и убытокъ. Правило это такъ формулировано въ § 179 сборника обычнаго права Самоквасова въ отдѣлѣ о киргизахъ: «По всѣмъ дѣламъ, сверхъ платежа иска или куна, проторы и убытки долженъ платить виновный.»

Здѣсь кстати сказать, что по киргизскому адату принципиально уголовной отвѣтственности нѣтъ, потому что почти всѣ дѣла, не исключая убійствъ, оканчиваются гражданскимъ удовлетвореніемъ²⁾. Это дало возможность Тургайскому правленію циркуляромъ 10 сентября 1894 года категорически заявить, что «обычному праву киргизовъ различіе уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ и относящіяся сюда юридическіе термины совершенно чужды»³⁾. Изложенное позволяетъ преступныя дѣянія, случающіяся въ киргизскомъ быту, относить къ правонарушеніямъ.

б) Исполненіе обязательствъ и послѣдствія неисполненія ихъ.

Всякое обязательство, какъ по развитымъ законодательствамъ, такъ и по обычному праву разныхъ народовъ, налагаетъ обязанность его исполнить; это вытекаетъ изъ самаго существа обязательства. Возможны случаи неисполненія обязательствъ, но это будетъ дѣло факта, а не права. Киргизскій адатъ въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. Въ немъ, благодаря родовому укладу, даже больше гарантій исполненія обязательства. Въ са-

¹⁾ Словохотовъ—стр. 108.

²⁾ Н.—стр. 60.

³⁾ Н.—стр. 86.

момъ дѣлѣ, въ случаѣ несостоятельности отвѣтчика къ уплатѣ или отсутствіи его, взысканіе распространяется на его десятокъ, а по истощеніи средствъ десятка, на пятидесятокъ, потомъ на аулъ. Если сумма велика, то судъ опредѣляетъ прямо, при несостоятельности отвѣтчика, взысканіе съ его пятидесятка и аула, обойдя десятокъ. Взысканіе съ общины въ указанномъ судьями порядкѣ производится на основаніи раскладки, дѣлаемой самой общиною между кибитками. Однако, надо замѣтить, что взысканіе не простирается дальше того круга, на которой наложена была присяга. Общество можетъ отказаться отъ платежа взысканія за своего члена, заставляя его идти въ работники ¹⁾. Мало того, если отвѣтчикъ пріѣзжій, то взысканіе распространяется на его попутчиковъ, соторговцевъ и домашнихъ; если же таковыхъ нѣтъ или они неимущи, то отвѣтчикъ можетъ быть отданъ въ работники ²⁾.

Примѣромъ, подтверждающимъ изложенное, можетъ служить рѣшеніе біевъ 1883 года по дѣлу киргизовъ Киставбаева, Кунусова и другихъ. Эти киргизы заявили, что поручились за чіянскаго управителя и заняли для кибиточнаго сбора у чимкентскаго еврея Боруха Гадаева 1166 рублей. Изъ этихъ денегъ имъ заплачено только 166 рублей. Истцы просили взыскать эту сумму съ чіянскаго управителя Тикара Саккизбаева. Такъ какъ отвѣтчикъ не имѣлъ возможности уплатить, то бій постановили: 500 рублей собрать съ отвѣтчика и его близкихъ родственниковъ отдѣленій Гюль--Мамбетъ и Тубетъ, остальные 500 рублей взыскать съ его родственниковъ отдѣленія Джульманъ; всего собрать съ 307 кибитокъ 1000 рублей ³⁾.

Наконецъ, въ крайности для погашенія не исполненнаго обязательства, при извѣстныхъ условіяхъ, допустима баранта. Между тѣмъ по русскому обычному праву, кромѣ случаевъ задержанія чужого имущества, самоуправ-

¹⁾ Гродековъ—стр. 198.

²⁾ Н.—стр. 199.

³⁾ Гродековъ, прилож. № 8, стр. 171, рѣш. № 9.

ство недопустимо ¹⁾. Но отдача неисправныхъ должниковъ въ работники, равно какъ назначеніе на общественныя работы, встрѣчается и у нашихъ крестьянъ ²⁾. Кроме послѣдствій гражданскихъ, въ русскомъ обычномъ правѣ съ неисполненіемъ обязательствъ иногда связывается и уголовная отвѣтственность³⁾; киргизскій же адатъ этого не знаетъ ⁴⁾. Въ настоящее время наложеніе имущественной отвѣтственности на общину является отжившимъ началомъ ⁵⁾.

У сибирскихъ киргизовъ оно, вѣроятно, болѣе всего утратило значеніе, такъ какъ § 177 у Самоквасова опредѣляетъ: «Если отвѣтчикъ, въ какомъ-нибудь искѣ бывъ обвиненъ и не раздѣлавшись съ просителемъ, умереть, то за него искъ платить сынъ и совмѣстно жителствующій съ нимъ братъ, также и тѣ, кои въ семь дѣлѣ были участниками; не имѣвшіе же участія и въ раздѣлѣ состоящіе ничего не платятъ; если же ни дѣтей, ни брата, ни участвовавшихъ послѣ умершаго не будетъ, и имѣнія у него не найдется, то предають суду Божію искъ сей».

в) Отсрочки по обязательствамъ.

Часто случается, что при полномъ желаніи исполнить обязательство должникъ сдѣлать этого не въ состояніи, не разоряя семью и хозяйство. Между тѣмъ для общества важно, чтобы члены ея, за которыхъ оно отвѣчаетъ, не впадали въ бѣдность и не становились бы для него бременемъ. Въ виду этого существуетъ отсрочка и разсрочка исполненія обязательства.

Волостные суды русскихъ крестьянъ въ широкихъ размѣрахъ даютъ отсрочки и разсрочки ⁶⁾.

По данному вопросу Гродековъ говоритъ немного: «Срокъ уплаты штрафа записывается въ протоколѣ рѣ-

¹⁾ Пахманъ—стр. 72.

²⁾ Н.—стр. 73.

³⁾ Н.—стр. 72.

⁴⁾ Гродековъ—стр. 244—246.

⁵⁾ Гродековъ стр. 199.

⁶⁾ Пахманъ—стр. 73.

шенія; но эта мѣра оказывается зачастую недѣйствительною. Адасть не полагаетъ срока»¹⁾. Въ силу этого взглядъ на отсрочки и разсрочки въ киргизскомъ юридическомъ быту не можетъ быть опредѣленнымъ. Только въ отношеніи долговыхъ обязательствъ въ § 175 у Самоквасова имѣется опредѣленное постановленіе: «Кто долга въ срокъ не заплатитъ и платитъ будетъ нечѣмъ, таковому даютъ отсрочку; если же и по отсрочкѣ не заплатитъ, то обязанъ долгъ сей зарабатывать». Но и въ этомъ случаѣ остается не выясненнымъ, кто и какъ дѣлаетъ отсрочку: самостоятельно ли судъ, или съ согласія кредитора. Всѣ эти вопросы не выясняются даже изъ рассмотрѣнія рѣшеній киргизскихъ судовъ, приложенныхъ къ первому тому сочиненія Гродекова: «Киргизы и каракиргизы», такъ какъ они не содержатъ постановленій объ отсрочкѣ, равно какъ и о разсрочкѣ.

Отсрочка допускается киргизскимъ адатомъ также при залогѣ, подробнѣе о чемъ будетъ сказано ниже²⁾.

г) Прекращеніе обязательствъ.

Общимъ способомъ прекращенія обязательствъ служить самое исполненіе ихъ. Далѣе, прекращеніе возможно обоюднымъ согласіемъ контрагентовъ и прощеніемъ долга; затѣмъ—посредствомъ зачетовъ (compensatio).

Нечего говорить, что прекращеніе обязательствъ посредствомъ исполненія, по согласію сторонъ и прощеніемъ долга имѣетъ мѣсто и въ обычномъ правѣ киргизовъ. Что касается компенсаціи, то и она встрѣчается въ киргизскомъ адатѣ. Такъ, въ 1877 году бія чардаринской волости рассмотрѣли жалобу Юсуфа Исабаева о взысканіи съ Джубая Саніязова 53-хъ тиллей, одного верблюда и одной лошади. Они пригласили стороны и, «разсчитавъ переданныя ими другъ другу вещи, нашли, что истецъ имѣетъ за отвѣтчикомъ 13 тиллей»³⁾. Въ 1885 году бію тойтубинской волости, при помощи почетныхъ лицъ, при-

1) Гродековъ—стр. 198.

2) См. стр. 130.

3) Гродековъ, прилож. № 8, стр. 172, рѣш. № 11.

шлось рѣшать тяжбу между Сеидь-бекомъ и Хаджа-Куломъ Бухаровымъ. Сеидь-бекъ жаловался, что онъ далъ одноаульцу своему Бухарову деньги и вещи, всего на сумму семь тиллей. Отвѣтчикъ на судѣ заявилъ, что за нимъ долга нѣтъ и предъявить со своей стороны встрѣчный искъ истцу. Судьи «сосчитали взаимно переданное ими (тяжущимися) другъ другу имущество и присудили съ Ходжа-Кула два батмана риса»¹⁾. Точно также въ 1877 году бій аула Акъ-Чаганакъ, прежде чѣмъ постановить приговоръ по жалобѣ киргиза Алтыева о взысканіи съ Калыбекова 9 тиллей и одной тенги, «привелъ въ извѣстность переданныя ими (сторонами) другъ другу вещи»²⁾.

Смерть одного изъ участниковъ обязательства, если у контрагентовъ или обязанныхъ лицъ остались наслѣдники, не оказываетъ вліянія на прекращеніе обязательства. Преемственность обязательствъ признается и въ киргизскомъ быту. Доказательствомъ, во-первыхъ, можетъ служить § 177 изъ Самоквасова, приведенный цѣликомъ выше³⁾. а, во вторыхъ, рѣшеніе чардаринскихъ волостныхъ биевъ 1878 года по дѣлу Чалданбая Бай Магометова. Дѣло это состояло въ слѣдующемъ. Чалданбай жаловался суду, что покойный братъ киргиза Бабай Нура, по имени Дусть, долженъ былъ ему 14¹/₂ тиллей съ процентами, что «послѣ смерти брата Бабай владѣетъ имуществомъ покойнаго, а долговъ его не хочетъ платить». Бии постановили «взыскать съ Бабая изъ имущества покойнаго брата его Луста въ пользу истца 22 тилли»⁴⁾. Въ третьихъ, Гродековъ, говоря о казалинскомъ уѣздѣ, сообщаетъ, что иски въ немъ «подлежатъ разбору до смерти отвѣтчиковъ, а равно до смерти просителей; если останутся наслѣдники, знающіе о претензіи, то они могутъ возбудить дѣло»⁵⁾.

¹⁾ Н.—стр. 173, рѣшеніе № 14.

²⁾ Гродековъ, прилож. № 8, стр. 174, рѣш. № 17.

³⁾ См. стр.—115

⁴⁾ Гродековъ, прил. № 8, стр. 176, рѣш. № 23.

⁵⁾ Гродековъ—стр. 172.

Такимъ образомъ, отвѣтственность по гражданскому иску у киргизовъ, равно какъ и у осетинъ въ настоящее время, падаетъ на имущество должника и съ его смертью переходитъ на наслѣдниковъ. Правило это нельзя считать за древнее. При той личной отвѣтственности, какую на первыхъ порахъ несетъ контрагентъ, не могло быть и рѣчи о переходѣ обязательства по наслѣдству. Поэтому нѣкоторые законодательства, напримѣръ валлійское, открыто провозглашаютъ: «Договоръ дѣйствителенъ лишь до тѣхъ поръ, пока сторона остается въ живыхъ»¹⁾.

Русскій законъ для личныхъ договоровъ выставляетъ, какъ извѣстно, то начало, что они для наслѣдниковъ не обязательны. Указаній, подтверждающихъ существованіе этого начала въ киргизскомъ быту, не удалось найти.

Наконецъ, способомъ прекращенія обязательствъ въ современныхъ законодательствахъ служить исковая давность. Обычное право нѣкоторыхъ народовъ не знаетъ этого способа. Такъ, напримѣръ, осетинамъ неизвѣстна исковая давность, а это обстоятельство повлекло за собой безсрочность договоровъ, немыслимую въ наше время²⁾. М. Ковалевскій приводитъ примѣръ, по которому шестьдесятъ четыре года занятый предметъ не возвращался, а договоръ, благодаря отсутствію исковой давности, оставался въ силѣ³⁾.

У киргизовъ исковая давность, хотя и въ неопредѣленномъ образѣ, существуетъ, только по брачнымъ дѣламъ давности нѣтъ. Впрочемъ, Торгай сообщаетъ, что иски о калымѣ и о невѣстѣ принимаются къ разбирательству до третьяго колѣна, т. е. до внуковъ. Другіе иски принимаются только до истеченія 5—6 лѣтъ. Иски, основанные на письменныхъ долговыхъ обязательствахъ, принимаются, если отвѣтчикъ не могъ быть найденъ раньше, до 10 лѣтъ. Послѣ 10 лѣтъ даже кунъ подлежитъ давности («салавату»). Въ настоящее время салаватъ куна

¹⁾ Ковалевскій—стр. 192.

²⁾ Н—стр. 138.

³⁾ Н—стр. 210.

налагается только черезъ 5 — 6 лѣтъ, если объ убійствѣ не было извѣстно въ теченіе этого срока; если же о немъ было извѣстно, но убійца скрылся, то до 10 лѣтъ.

Въ Чимкентскомъ и Туркестанскомъ уѣздахъ давность представляетъ особенность. Тамъ дѣла по сватовству не имѣютъ давности, а всѣ остальные дѣла имѣютъ десятилѣтнюю давность, исключая лишь дѣлъ по куну, которыя разбираются и по истеченіи десяти лѣтъ со дня убійства, если только суду будутъ представлены фактическія доказательства. Вышеизложенное бии съѣзда Чимкентскаго и Туркестанскаго уѣздовъ въ 1887 году формулировали такъ: «дѣла за давностью 10 лѣтъ не принимаются во вниманіе, за исключеніемъ дѣлъ о невѣстахъ и кунѣ»¹⁾.

Любопытную черту киргизскаго адата составляетъ слѣдующее положеніе: «все происшедшее при другомъ владычествѣ, кремѣ иска о невѣстѣ, предается салавату»²⁾ Такъ, занятіе края русскими создало такой салаватъ и даже, какъ исключеніе, полный салаватъ, потому что было запрещено разбирательство дѣлъ даже о сватовствѣ³⁾. Этого не знаютъ обычаи и законы другихъ народовъ.

При оставленіи иска или части его безъ послѣдствій по давности у киргизовъ «бійлыка»⁴⁾ не берутъ.

Въ русскомъ обычномъ правѣ положеніе вопроса объ исковой давности неопредѣленно, но въ общемъ можно сказать, что въ основаніи исковой давности лежитъ предположеніе о невозможности или затруднительности для отвѣтчика, за истеченіемъ долгаго времени, представить необходимыя средства защиты противъ притязаній истца. Сама по себѣ давность не всегда служитъ, по народнымъ воззрѣніямъ, основаніемъ для отказа въ искѣ, именно тогда, когда истецъ можетъ доказать свое право⁵⁾.

¹⁾ Гродековъ—стр. 172 173.

²⁾ Гродековъ.—стр. 173.

³⁾ Н.—стр. 172.

⁴⁾ „Бійлыкъ“—вознагражденіе судей.

⁵⁾ Шахманъ—стр. 77 и 443.

в) Средства обезпеченія обязательствъ.

Обязательства нуждаются въ средствахъ, гарантирующихъ ихъ исполненіе. Въ виду этого вездѣ, даже въ обществахъ, имѣющихъ невысокій юридическій бытъ, встрѣчаются различныя средства противъ неисправности по обязательствамъ,—средства, которыя побуждаютъ къ исполненію ихъ или даже вполне гарантируютъ исполненіе. Къ такимъ средствамъ относятся: 1) неустойка, 2) поручительство, 3) задатокъ, 4) залогъ и 5) задержаніе чужого имущества. Въ киргизскомъ быту встрѣчаются нѣкоторыя изъ этихъ средствъ, но и то въ зачаточномъ, крайне неопредѣленномъ состояніи.

а) Неустойка.

Киргизскому обычному праву она не извѣстна, такъ же какъ и осетины о ней не имѣютъ никакого понятія¹⁾.

б) Поручительство.

Въ большей части долговыхъ обязательствъ у киргизовъ бываетъ «кефиль», поручитель. Онъ встрѣчается также при куплѣ—продажѣ²⁾ и при наймѣ возчиковъ³⁾.

Поручители бываютъ двухъ родовъ. Если поручитель беретъ на себя ручательство за своевременную уплату долга, то считается «заркефилемъ» (иначе «малкефилемъ»), т. е. такимъ, который обязанъ платить долгъ самъ изъ собственности, если должникъ по какимъ бы то ни было причинамъ не заплатитъ его къ условленному сроку. А если онъ, не ручаясь за своевременную уплату, обяжется только разысканіемъ и доставленіемъ должника къ сроку, то таковой называется «эркефилемъ» (или «танкефилемъ»); эркефиль платитъ за должника изъ собственности лишь тогда, когда не представитъ его къ сроку⁴⁾.

¹⁾ Ковалевскій—стр. 193 и Маковецкій—стр. 50.

²⁾ Гродековъ—стр. 126.

³⁾ Н.—стр. 138.

⁴⁾ Оренбургск. отд. геогр. общ.—стр. 139 и Гродековъ—стр. 193.

Смерть должника не избавляет заркефиля от имущественной ответственности за покойнаго, но эркефиль за смерть должника не отвѣчаетъ. Эркефиль отвѣчаетъ только за побѣгъ должника, при чемъ подвергается тому самому взысканію, которое было положено скрывшемуся, или по условію¹⁾. Эркефиль по отвѣтственности и обязанностямъ напоминаетъ въ русскомъ законодательствѣ людей, берущихъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ на поруки.

Маковецкій различаетъ еще два вида поручителей: поручителей за человѣка, т. е. за дѣйствія его, и поручителей за имущество. Въ первомъ случаѣ поручитель обязанъ исполнить самъ тѣ дѣйствія, отъ исполненія которыхъ уклонился первоначально обязавшійся. Во второмъ случаѣ поручитель, при уклоненіи должника, обязанъ удовлетворить кредитора своимъ имуществомъ²⁾.

По киргизскому адату одинъ и тотъ же субъектъ можетъ быть поручителемъ съ обѣихъ сторонъ³⁾. Нерѣдко поручителемъ — заркефилемъ становится маклеръ, устраивающій сдѣлку, и въ этомъ случаѣ обѣ стороны платятъ ему «кафиляне»⁴⁾. За устройство продажи завѣдомо краденаго маклеръ считается поручителемъ «ex officio» передъ тѣмъ, кто потерпѣлъ убытки, если онъ не отыщетъ продавца; если же онъ представитъ продавца, стѣтственность съ маклера снимается⁵⁾.

Другого рода поручателями по должности является особый видъ «караванбашей», отъ которыхъ зависятъ возчики. Надо замѣтить, что караванбаши бываютъ двухъ видовъ: 1) люди менѣе значительные, начальствующие караванами и 2) извѣстные вліятельные осѣдлые люди. Вотъ эти-то вторые являются посредниками между купцами и возчиками и представляютъ первымъ ручательство въ добросовѣстности вторыхъ. Впрочемъ, купцы мо-

¹⁾ Гродековъ—стр. 194.

²⁾ Маковецкій—стр. 50.

³⁾ Гродековъ—стр. 194.

⁴⁾ Н.—стр. 194.

⁵⁾ Н.—стр. 159.

гутъ отправлять свою кладь безъ помощи караванбашей съ возчиками, имѣющими поручителей¹⁾.

Заключеніе договора-поручительства можетъ быть доказываемо существованіемъ письменнаго обязательства²⁾, свидѣтельскими показаніями и, наконецъ, присягой³⁾. Нѣкогда хозяинъ отданной въ домъ вещи прикасался къ рукѣ поручителя; если фактъ прикосновенія былъ внѣ сомнѣнія, то на этомъ основаніи судья присуждалъ поручителя, при несостоятельности должника, къ уплатѣ долга⁴⁾.

Въ § 178 обычаявъ сибирскихъ киргизовъ⁵⁾ объ отвѣтственности поручителя трактуется такъ: «Буде кто по кому ручается въ платежѣ, а послѣ будетъ не въ состояніи платить, или же въ срокъ не заплатитъ, оный обязанъ непремѣнно тотъ искъ заплатить; въ случаѣ же несостоянія, буде истецъ не отсрочить, то поступаетъ къ нему въ работники; а если кто, поручаясь по комъ въ платежѣ иска, послѣ будетъ отъ того отрекаться, то долженъ выставить изъ аула своего одного достойнаго принять за него присягу, на которой и рѣшеніе потомъ основывается».

Но у киргизовъ, кромѣ договорнаго поручительства, есть поручительство другого рода, основанное на родовомъ началѣ. За несостоятельнаго должника обязаны платить, если есть, ближайшіе родственники. Киргизы при этомъ разсуждаютъ такъ. Отъ несостоятельности должника неизбѣжно происходитъ страданіе чьего—либо интереса; поэтому всего справедливѣе, чтобы этотъ интересъ касался людей, близкихъ съ нимъ по родству, чѣмъ совершенно посторонняго заимодавца. Если имущество, оставшееся послѣ смерти кого-нибудь, переходитъ въ собственность къ его родственникамъ, хотя въ накопленіи его не положено ими ни малѣйшаго труда, то почему не признать справедливымъ разложеніе на нихъ

¹⁾ Н.—стр. 138.

²⁾ Гродековъ—стр. 183 (примѣч.).

³⁾ Н.—стр. 194 и прилож. 8-ое, стр. 175, рѣш. № 20.

⁴⁾ Н.—стр. 194.

⁵⁾ Самоквасовъ—стр. 275.

или принятіе ими на себя и долговъ родича¹⁾?. М. Ковалевскій утверждаетъ, что именно по типу поручительства родственниковъ сложился впоследствии институтъ поручительства постороннихъ²⁾.

Поручитель, уплатившій по обязательству за неисправнаго или умершаго должника, имѣетъ право начать искъ о взысканіи убытковъ изъ имущества должника⁴⁾ или съ родичей его³⁾. По обычному праву русскихъ крестьянъ, отвѣтственность поручителя также наступаетъ не только въ случаѣ неисправности, но и въ случаѣ смерти должника, если, конечно, послѣ умершаго не осталось имущества, достаточнаго на удовлетвореніе долга⁵⁾. По древнему праву Индіи и Ирландіи, поручитель, уплатившій долгъ въ виду настоянній кредитора, въ правѣ былъ требовать съ должника въ два раза больше противъ сдѣланнаго имъ платежа. У киргизовъ поручитель можетъ себѣ требовать только простого вознагражденія⁶⁾. Древній поручитель вполне замѣнялъ собою должника и, подобно ему, несъ не только имущественную, но и личную отвѣтственность передъ кредиторомъ. Современные осетинскіе и киргизскіе обычаи не знаютъ такого поручительства⁷⁾.

По договору поручительства у киргизовъ допустимо, что съ той или другой стороны будетъ нѣсколько членовъ, при чемъ, любопытно отмѣтить, что отвѣтственность можетъ быть солидарной. Такъ, изъ рѣшенія 1884 года съѣзда биевъ по дѣлу киргиза чиликской волости Шарифа Чуманова видно, что «всякій изъ нанявшихся (возчиковъ), безъ различія, обязался удовлетворить его (ихъ поручителя) за убытки»⁸⁾. Изъ другого дѣла, разобраннаго чрезвычайнымъ съѣздомъ биевъ въ 1882 го-

¹⁾ Оренбургск. отд. геогр. общ.—стр. 138.

²⁾ Ковалевскій—стр. 227.

³⁾ Гродековъ, прилож. № 8, стр. 170, рѣш. 5.

⁴⁾ Гродековъ—стр. 194.

⁵⁾ Пахманъ—стр. 86.

⁶⁾ Ковалевскій—стр. 228 и 230.

⁷⁾ Н.—стр. 192—193.

⁸⁾ Гродековъ—прил. № 8, стр. 170, рѣш. № 5.

ду¹⁾, усматривается, что два киргиза, Уркунбаевъ и Яманъ Куль, «были поручителями за «хумданъ»²⁾ на сумму 65 тиллей, вмѣсто Джанибека и Мурзабека, которые послѣ отстранились». Сумму въ 65 тиллей пришлось внести одному Яманъ-Кулю, безъ участія другого поручителя, Уркунбаева. Въ виду этого, Яманъ-Кулю пришлось искать 32¹/₂ тилли съ Уркунбаева. Къ сожалѣнію, послѣдній примѣръ не даетъ точныхъ указаній, почему обязательство получилось солидарное: на томъ ли основаніи, что между Яманъ-Кулемъ и Уркунбаевымъ было специальное условіе, или оттого, что, по киргизскому адату, солидарная отвѣтственность предполагается, разъ противнаго не было оговорено.

Высказанныя въ данной главѣ положенія подтверждаются приведенными судебными рѣшеніями бievъ, а также и нижеслѣдующимъ рѣшеніемъ.

Въ 1883 году Токаръ Сагизбаевъ, будучи чіянскимъ управителемъ, при посредствѣ трехъ поручителей занялъ у чимкентскаго еврея Боруха Гадаева 1166 рублей для кибиточнаго сбора. Отвѣтчикъ Сагизбаевъ внесъ 166 рублей, а остальную часть долга не могъ уплатить, имущество же его оказалось проданнымъ по казеннымъ взысканіямъ. Поручители принуждены были уплатить тысячу рублей своихъ денегъ, и просили судъ восполнить понесенный ими ущербъ. Съѣздъ бievъ постановилъ: пятьсотъ рублей собрать съ отвѣтчика и его близкихъ родственниковъ отдѣленій Гюль-Мамбетъ и Тубетъ, остальные пятьсотъ рублей взыскать съ его родственниковъ отдѣленія Джульманъ, а всего собрать съ 307 кибитокъ тысячу рублей³⁾.

в) Задатокъ.

Въ сочиненіи Н. И. Гродекова «Киргизы и кара-киргизы Сыръ-Дарьинской области» по ланному вопросу имѣется одна только категорическая фраза: «Задатокъ

1) Н.—стр. 182, рѣш. № 42.

2) „Хумданъ“—печь, гдѣ выжигаютъ кирпичъ и глиняную посуду.

3) Гродековъ, прилож. 9ое, стр. 171, рѣш. № 9.

не извѣстенъ киргизамъ»¹⁾. То же подтверждаетъ и Маковецкій²⁾.

У осетинъ задатокъ не болѣе, какъ нововведеніе; объ уплатѣ его рѣчь заходитъ только при сговорѣ. Отецъ жениха даетъ обыкновенно отцу невѣсты вола или его стоимость. Но такой платежъ не обязателенъ и недавняго происхожденія³⁾. У киргизовъ также имѣется задатокъ при сватовствѣ, называемой «каргыбау». Если кто-нибудь, сдѣлавъ предложеніе о выдачѣ за своего сына чьей-либо дочери, откажется отъ него, пока оно не сдѣлалось официальнымъ, но въ дѣйствительности предложенія, однако, былъ данъ каргыбау, то таковой лишается задатка. Если же нарушеніе условія послѣдовало отъ того, кто получилъ задатокъ, то тотъ, сверхъ возвращенія каргыбау, подлежитъ взысканію еще «атъ тунъ-аипа»⁴⁾. Если со стороны жениха или его родителей будетъ нарушено предложеніе, когда оно приняло уже официальный видъ, тогда нарушитель, сверхъ аипа въ атъ-тунъ, обязывается вознаградить родителей невѣсты за всѣ подарки и издержки по приему пословъ, «равно лишается и задатка, если таковой былъ при первоначальномъ предложеніи»⁵⁾. Послѣдняя фраза: «равно лишается и задатка, если таковой былъ при первоначальномъ предложеніи», взятая изъ труда А. Баллюзекъ, показываетъ, что и въ киргизскомъ сговорѣ задатокъ не обязателенъ.

г) Залогъ.

Про залогъ у киргизовъ Гродековъ говоритъ: «Залогъ («гереу», «шаргы») вещей не извѣстенъ въ степи». Однако, сказавъ эту фразу, далѣе продолжаетъ: «Но закладываютъ зимовыя стойбища съ находящимися на нихъ постройками. Это дѣлаютъ тѣ, которые должны деньги, а между тѣмъ скота не имѣютъ. Зимовку, стоящую

1) Гродековъ—стр. 127.

2) Маковецкій—стр. 50.

3) Ковалевскій—стр. 193.

4) «Атъ-тунъ-аипъ»—штрафъ въ одну лошадь и халатъ.

5) Оренбург. отд. геогр. общ.—стр. 84.

15—20 тиллѣй, закладываютъ за 8—10 тиллей, смотря по условію, на 1 или на 1½ года. Если заложили на 1½ года, то ждутъ выкупа въ продолженіе года. Если заложили на 1 годъ, то ждутъ 2 года. Потомъ требуютъ, чтобы заложенное имущество было продано или уступлено лицу, взявшему его въ залогъ; производить оцѣнку и возвращаютъ лишнюю сумму. Въ городахъ залогъ между киргизами считается за одинъ изъ видовъ «аманата» (поклажи)¹⁾.

По Маковецкому, въ случаѣ неисполненія контрагентомъ условія, заложенная зимовка переходитъ во владѣніе кредитора, который пользуется ею до выкупа должникомъ; если, однако, должникъ въ теченіе 10 лѣтъ не выкупить зимовки, то она переходитъ въ собственность кредитора²⁾.

Существованіе въ киргизскомъ языкѣ особыхъ словъ для наименованія залога «гереу», «шаргы» и закладъ зимовыхъ стойбищъ находятся въ полномъ противорѣчій съ первой фразой Гродекова, что залогъ вещей не ивъстенъ въ степи. И, дѣйствительно, въ изданіи Самоквасова имѣется матеріалъ, который свидѣтельствуетъ, что между сибирскими киргизами еще въ началѣ XIX вѣка залогъ былъ довольно распространенъ.

Такъ, относительно залога у Самоквасова помѣщены слѣдующія постановленія:

§ 161. «Если кто кому что заложитъ на время, а у него закладную вещь украдутъ, собственное же имѣніе залогопринимателя останется все въ цѣлости, то залогоприниматель долженъ дать присягу, а когда оной не доставить, то платить за всю поклажу безъ штрафа».

§ 162. «Если во взятіи въ залогъ вещей или скота кто запрется, то претендатель обязанъ тоже дать присягу, и по доставленіи оной, получить весь свой искъ; буде же присяжныхъ не доставить, тогда отказывается судомъ ему отъ иска».

¹⁾ Гродековъ—стр. 130.

²⁾ Маковецкій—стр. 50.

§ 163. «Если заложенное сгорить отъ небреженія, то приниматель залога повиненъ оный заплатить; буде же сгорить неумышленно, и при заложеніи было условіе между залогодателемъ и принимателемъ при свидѣтеляхъ, чтобъ болѣе сего съ перваго послѣднему не взыскивать, тогда полагатель вещи отъ платежа долга остается свободнымъ и убытокъ обращается на счетъ принимателя залога; буде же при сгорѣніи вещей свидѣтелей не было и между тѣмъ и другимъ произойдетъ споръ, тогда залогодатель долженъ утвердить показаніе свое присяжными».

§ 164. «О сдохшемъ заложенномъ скотѣ отъ болѣзни если приниматель дастъ знать въ то же время постороннимъ, то оный виновнымъ не причитается».

§ 165. «Если залогъ въ срокъ не выкупленъ и превышаетъ полученную въ одолженіе сумму, то приниматель удовлетворяется изъ того залога только на сумму одолженія; остальное же возвращается залогодателю; буде же залогъ стоилъ менѣе того одолженія, то должникъ обязанъ остальнымъ удовлетворить залогопринимателя».

§ 166. «Если залогоприниматель небреженіемъ своимъ залогъ испортитъ, то долженъ возвратитъ оный должнику по настоящей цѣнѣ, а сей заплатить долгъ свой».

Слова § 161: «а когда оной (присяги) не доставитъ, то платить за всю *поклажу* безъ штрафа», подтверждають вторую мысль Гродекова, что «залогъ между киргизами считается за одинъ изъ видовъ *аманата*»¹⁾. Затѣмъ § 165, равно какъ и выдержка изъ сочиненія Гродекова, показываютъ, что, по киргизскому адату, неисполненіе залогодателемъ своей обязанности влечетъ то же самое послѣдствіе, какъ и по теоріи современнаго гражданскаго права. Гражданское право учить, что обезпеченіе, представляемое залогомъ, «состоитъ въ томъ, что вѣритель, при неисправности должника по договору, въ правѣ получить удовлетвореніе изъ выручки за продажу извѣстной какой-либо вещи, которая и служить такимъ образомъ обезпеченіемъ исполненія договора»²⁾.

¹⁾ „Аманатъ“—поклажа, отдача на сохраненіе.

²⁾ Мейеръ—стр. 433.

Слѣдовательно, залогоприниматель можетъ получить удовлетвореніе, при невыполненіи договора, не оставленіемъ за собой всегда заложенной вещи полностью, а только изъ части стоимости ея, смотря по тому, за какую сумму вещь заложена.

Что касается залога въ осетинскомъ обычномъ правѣ, то онъ съ тѣмъ характеромъ, съ какимъ этотъ институтъ является въ русскомъ законодательствѣ, осетинамъ не извѣстенъ. У нихъ встрѣчается только такъ называемый «баветау». Лицо, въ интересахъ котораго онъ учреждается, имѣетъ право пользоваться заложеннымъ ему имуществомъ, какъ своимъ, до момента выполненія договора, но при условіи отказа отъ процентовъ. Эта послѣдняя черта встрѣчается также въ индусскомъ правѣ и, по мнѣнію М. Ковалевскаго, указываетъ на то, что пользованіе кредитора является своего рода ростомъ и что, слѣдовательно, передъ нами не что иное, какъ особый видъ «возмездной ссуды»¹⁾. Происходитъ это оттого, что осетинское право, какъ и другія древнія права, не знаетъ отличія собственности отъ владѣнія и допускаетъ отчужденіе или права собственности, или права пользованія. Поэтому при установленіи залога, въ отличіе отъ современнаго права, на должника переходитъ не право простого владѣнія, а право собственности, связанное съ пользованіемъ и ограниченное въ отношеніи распоряженія²⁾.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать, что въ данной главѣ слово «залогъ» упоминалось въ широкомъ смыслѣ, охватывающемъ оба вида залога: залогъ движимыхъ вещей, собственно «закладъ», и залогъ недвижимаго имущества; сдѣлать это представилось возможнымъ потому, что институтъ этотъ у киргизовъ слабо развитъ, и въ силу этого не очерчены виды его ясными гранями.

д) Задержаніе чужого имущества.

Задержаніе чужого имущества (*jus retentionis*) можетъ быть отнесено къ средствамъ обезпеченія обязательствъ.

1) Ковалевскій стр. 193.

2) Н.—стр. 139.

Законодательство допускаетъ это средство лишь въ видѣ изъятія и только въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Въ обычномъ правѣ задержаніе чужого имущества встрѣчается довольно часто и въ трехъ видахъ: во-первыхъ, въ смыслѣ пріостановленія исполненія какого-либо обязательства впредь до исполненія со стороны кредитора другого по отношенію къ должнику обязательства; во-вторыхъ, въ видѣ удержанія вещей должника впредь до исполненія послѣднимъ обязательства; въ-третьихъ, въ формѣ отобранія вещей у должника или у третьяго лица¹⁾).

1) Что касается задержанія имущества въ первомъ значеніи, то не удалось найти примѣра въ подтвержденіе существованія его въ киргизскомъ быту, но нѣтъ никакихъ основаній къ увѣренію противнаго. Наоборотъ, надо думать, что таковое, по естественному ходу вещей, встрѣчается и у киргизовъ при столкновеніи, въ лицѣ двухъ субъектовъ нерарныхъ между собой, взаимныхъ обязательствъ.

2) Удержаніе вещей должника возможно только въ тѣхъ случаяхъ, когда задерживаемыя вещи находятся уже въ рукахъ кредитора, или, вообще, когда завладѣніе вещами должника происходитъ безъ насильственныхъ дѣйствій со стороны кредитора²⁾). Этотъ случай извѣстенъ киргизскому алату. Напримѣръ, въ 1883 году киргизъ Джандибай Джонгабаевъ заявилъ біямъ, что у едноаульца его находится его лошадь, которую тотъ взялъ у него подъ однимъ предлогомъ и теперь не возвращаетъ. Отвѣтчикъ Куй Вугаровъ показалъ, что, дѣйствительно, у него находится лошадь жалобщика, но прибавилъ, что за покойнымъ отцомъ истца онъ имѣетъ одинъ «чапанъ»³⁾ и пять рублей, о чемъ извѣстно самому истцу, и если истецъ заплатитъ ему долгъ своего отца, то онъ вернетъ ему коня. Истецъ подтвердилъ показаніе отвѣтчика. На основаніи этого біи постановили: коня Джонгабаева отчитать въ 20 рублей; изъ нихъ 10 рублей взыскать съ Куя

1) Пахманъ—стр. 96.

2) Пахманъ стр. 97.

3) „Чапанъ“—верхняя одежда.

Бугарова и передать истцу, а остальные 10 рублей оставить въ пользу отвѣтчика за слѣдующій ему съ покойнаго отца истца долгъ¹⁾.

3) Третій случай—отобрание вещей встрѣчается въ киргизскомъ быту въ формѣ одного изъ видовъ баранты, о которой рѣчь шла въ своемъ мѣстѣ. Извѣстенъ онъ осетинскому праву, знаютъ его законы XII таблицъ, «Правды» германцевъ и славянъ, однако съ той разницей, что по нимъ жертвою насилія прежде всего становится имущество, а, при недостаточности его, могъ послѣдовать захватъ и самой личности неустоявшаго въ соглашеніи договора. «Русская Правда» лаконически говоритъ о двухъ послѣдствіяхъ неуплаты должникомъ сдѣланнаго имъ займа: «Насилити и продати»²⁾.

Обычное право русскихъ крестьянъ признаетъ отобрание вещей, впрочемъ, не считая его за нормальный способъ. Профессоръ Пахманъ въ доказательство приводитъ такой примѣръ изъ рѣшеній волостныхъ судовъ: «Сельскій староста увезъ у двухъ крестьянъ со двора четыре суягныхъ овцы за поручительство ихъ умершаго отца въ исправности платежа повинностей однимъ изъ этихъ крестьянъ. Судъ призналъ поступокъ старосты правильнымъ, а истцамъ предоставилъ право, если пожелаютъ, взятыхъ съ ихъ двора четырехъ овецъ выкупить»³⁾.

Причина, по которой самопомощь сторонъ признается за способъ обезпеченія обязательства, а затѣмъ и исполненія его, лежитъ въ отсутствіи въ древнѣйшемъ строѣ поддерживаемыхъ государствомъ судовъ⁴⁾. Въ настоящее время изучаемая форма, вообще говоря, не допустима и можетъ встрѣчаться только въ исключительныхъ случаяхъ.

1) Гродековъ—прилож. № 8, стр. 148, рѣш. № 13.

2) Ковалевскій—стр. 191.

3) Пахманъ—стр. 99.

4) Ковалевскій—стр. 190.

г) Сдѣлки отчужденія и временнаго предоставленія имуществъ.

а) Дареніе.

Подъ дареніемъ разумѣется договорное правоотношеніе, въ силу котораго одно лицо обязывается передать другому безмездно какое-либо имущественное право. Особенная форма даренія, не безызвѣстная киргизамъ, — это пожертвованіе, подъ которымъ понимается добровольное приношеніе имущества въ пользу общую¹⁾.

Институтъ даренія сильно распространенъ въ киргизской степи. Подарки вещами преподносятся друзьямъ, сватѣямъ, вдохновеннымъ пѣвцамъ народной были и высокопочтеннымъ и уважаемымъ особамъ, разыгрываются въ видѣ призовъ на конскихъ скачкахъ («байга»)²⁾, даются поздравляющимъ пріѣхавшаго съ базара («базарлыкъ»), бія съ успѣшнымъ окончаніемъ дѣла («саталъ»), купившаго что-нибудь съ обновой («байгазы»), друга съ рожденіемъ ребенка, съ новосельемъ («эруликъ»); подарки шлются дѣвицѣ передъ сватовствомъ («карбыгау»); родители подарками встрѣчаютъ молодую, когда она послѣ первыхъ родовъ въ первый разъ посѣщаетъ домъ своего отца, и т. д.³⁾. Объектомъ даренія у киргизовъ иногда бываютъ дочери. Такъ, дарятъ дочерей ишанамъ, мулламъ и побратимамъ⁴⁾.

Какъ общее правило, послѣдствіемъ даренія является безповоротность этого договора. «Подаренное или пожертвованные съ богоугодною («назръ») или благотворительною («кудаи») цѣлью не возвращается, какъ и подарокъ съ цѣлью чествованія высшаго («иззатъ») или низшаго («инамъ») ⁵⁾.

Но нѣкоторые подарки, при извѣстныхъ условіяхъ, подлежатъ возврату. Такъ, нерѣдко подлежатъ возвраще-

¹⁾ Записки по гражданскому праву А. Х. Гольмстенъ.

²⁾ Оренбург. отд. геогр. общ. — 62.

³⁾ Гродековъ — стр. 99, 125-126.

⁴⁾ Н. — стр. 35.

⁵⁾ Н. — стр. 124.

нію подарки по «тамырству». Тамырством¹⁾ называется у киргизовъ дружба двухъ лицъ, основанная на взаимныхъ подаркахъ ихъ другъ къ другу по очереди и держащаяся исключительно этими подарками, безъ особенныхъ внутреннихъ влеченій другъ къ другу. Вслѣдствіе этого, если какая-нибудь сторона не получила слѣдующаго ей подарка, дружба разрывается, и является возможность у одной стороны требовать судомъ возвращенія излишка, переполученнаго другой. Оригинальность тамырства еще заключается въ томъ, что подарки дѣлаются не по усмотрѣнію дарителя, а по выбору и усмотрѣнію одаряемаго. Послѣднее ведетъ къ тому, что уравниваются взаимные подарки не по качеству, а по количеству подарковъ, потому что отдать другу болѣе цѣнный подарокъ и выбрать себѣ менѣе цѣнный совершенно зависить отъ личнаго произвола каждаго²⁾. Особенностью института даренія у киргизовъ служить также то, что у нихъ имѣются обязательные подарки. Къ таковымъ примыкаютъ, во-первыхъ, вышеуказанное дареніе по тамырству и сходный съ нимъ обычай «бата оку-аза-салу». Послѣдній обычай есть тоже взаимная обязанность друзей и сватьевъ, состоящая въ явкѣ каждаго изъ нихъ, въ случаѣ смерти родственниковъ того или другого, для прочтенія заупокойной молитвы, съ приводомъ на поименованіе нѣсколькихъ головъ скота. Если одинъ изъ друзей или сватьевъ исполнилъ свой долгъ, то и другой обязанъ, въ свою очередь, выполнить этотъ долгъ и вести скотъ въ случаѣ смерти кого-либо изъ родныхъ перваго. Въ противномъ случаѣ, онъ принуждается или отправиться къ другу или свату съ должными подарками, или возвратить то количество скота, которое получилъ самъ раньше³⁾.

Кромѣ того, есть много другихъ обязательныхъ подарковъ. Напримѣръ. Если хозяинъ капкана или охотникъ съ собакою изловятъ первую лису, и если случайно

1) „Тамырство“—побратимство.

2) Оренбургс. отд. геогр. общ. стр. 139—140 и Гродековъ—стр. 124 и стр. 40.

3) Оренбургс. отд. геогр. общ.—стр. 140.

проѣзжавшій киргизъ, даже незнакомый, предъявить требованіе на нее въ видѣ подарка и для успѣха будущей охоты, то охотникъ отдаетъ ее, при отказѣ онъ платитъ штрафъ¹⁾. Если охотникъ застрѣлилъ кулана²⁾ при другихъ, то онъ отдаетъ спину его старшему изъ нихъ; если всѣ одинакаго возраста, то получаетъ лицо бѣлой кости; если нѣтъ лица бѣлой кости, то дается гостю; если нѣтъ гостя, то-муллы; если муллы нѣтъ, то тому, кто женатъ; если всѣ женаты, то тому кто раньше женился. По другимъ извѣстіямъ, добыча сначала дается дѣвицѣ, а за отсутствіемъ таковой—по старшинству лѣтъ³⁾. Отдача части добычи называется «сыралыга» или «чиралыга»⁴⁾.

Въ работѣ г. Баллюзека объясняются эти обычаи требованіемъ правилъ приличія, такъ какъ охота у киргизовъ не составляетъ народнаго промысла, а служить всего только забавою⁵⁾. Возможно, что это, дѣйствительно, требованіе приличія, такъ какъ не встрѣчается указаній на судебную защиту, но отдачу первой лисы необходимо признать обязанностью, а требованіе ея—правомъ, потому что за отказъ взыскивается штрафъ. Когда пріѣзжій, знакомый или незнакомый, остановится передъ закатомъ солнца у чьей—нибудь кибитки, то хозяинъ или колетъ барана для его угощенія, или удовлетворяетъ пріѣзжаго привѣтливыми словами. Если послѣднимъ гость не удовольствуется, то самъ колетъ барана изъ стада владѣльца кибитки и ѣстъ его. Если бы по этому случаю возникъ споръ, то гостя оправдаютъ, а хозяинъ будетъ признанъ виновнымъ⁶⁾. Такое положеніе дѣла покоится на древнемъ обычаѣ «кунаксы-беру». «Кунаксы-беру»—это безвозмездная подача пищи гостю и его лошади и пріюта для ночлега или полдневнаго отдыха. Обычай этотъ основывается на общности иму-

¹⁾ Гродековъ—стр. 121.

²⁾ Куланъ—животное изъ породы дикихъ ословъ.

³⁾ Оренбургск. отд. геогр. общ.—стр. 152.

⁴⁾ Гродековъ—стр. 122 и 126.

⁵⁾ Оренбург. отд. геогр. общ., вып. 2,—стр. 152.

⁶⁾ Гродековъ—стр. 114.

щества и на опасеніи, что, если гость или его лошадь умрут съ голода, то за гостя потребуютъ кунъ, а за павшую лошадь другую лошадь. Вслѣдствіе сказаннаго, какъ только станетъ извѣстно о пріѣздѣ гостя, ближайшія кибитки, по собственному почину, приносятъ свою лепту «кунаксы». Городскіе киргизы отводятъ своимъ гостямъ только помѣщеніе¹⁾. Обычай кунаксы настолько обязательнъ, что отказъ въ немъ наказывается «аъ-тунъ аипомъ»²⁾ и влечетъ за собой общественное презрѣніе къ отказавшему³⁾.

Къ обязательнымъ подаркамъ еще относится «сауга»⁴⁾. Если кто-нибудь гонитъ военную добычу, то встрѣчные говорятъ: «Эй, богатыри, дайте сауга!». Тогда обязательно уступаютъ лошадь, овцу или какую-либо вещь⁵⁾. Сюда же подойдетъ «немуринъ», который заключается въ слѣдующемъ. Если отецъ высваталъ невѣсту для сына, то послѣдній проситъ сверстника о поздравительномъ подаркѣ, который называется «немуринъ». Тотъ даетъ что-нибудь, получая чрезъ это право требовать подобный подарокъ, когда онъ будетъ въ томъ же положеніи⁶⁾.

Уже упомянутый выше обычай «кунаксы-беру» носитъ характеръ пожертвованія, такъ какъ производится на пользу общую. Но это не единственный примѣръ: случаевъ пожертвованія среди киргизовъ множество; нѣкоторые изъ нихъ принимаютъ форму обязательныхъ пожертвованій, а нѣкоторые — даже принудительныхъ сборовъ. Особенно вкорененъ въ киргизахъ благотворительный обычай «жлуу» — вспомошествованіе въ видѣ складчины погорѣвшимъ, разореннымъ отъ непріятельскаго набега, пострадавшимъ отъ суровой зимы, отъ уплаты кунъ или голода родовичамъ. Если кто либо не пожелаетъ участвовать въ складчинѣ въ пользу бѣднаго родовича, противъ того возстаетъ общественное мнѣніе, требующее

¹⁾ Гродековъ—стр. 112—113.

²⁾ «Аъ-тунъ-аипъ»,—штрафъ въ одну лошадь и халатъ.

³⁾ Оренбург. отд. геогр. общ.—стр. 146.

⁴⁾ «Сауга» — подарокъ, просимый у возвращающихся съ войны.

⁵⁾ Гродековъ—стр. 124.

⁶⁾ Н—стр. 125.

непремѣннаго участія въ пособіи; если это не помогаетъ, то такой субъектъ исключается изъ рода¹⁾. Между двоюродными братьями, по совѣту аксакаловъ, бываетъ поддержка скотомъ не въ долгъ. Въ болѣе дальнемъ родствѣ, если не даютъ скота, то дарятъ что-нибудь дешевое или пищу²⁾. По сообщенію султана Канаева пособія просятъ у родни въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) кто сильно задолжалъ, 2) кто разорился по ложному противъ него иску, 3) кто присужденъ къ куну³⁾. Когда земледѣльцы убираютъ хлѣбъ, бѣдняки ходятъ по гумнамъ своего рода или общества и собираютъ подаваніе зерномъ «кеусень»⁴⁾. Если богачъ далъ сыну небольшой выдѣлъ «инчи», то послѣдній обращается къ сестрамъ, сватамъ и чужимъ уважаемымъ людямъ съ просьбою объ «инчибасы». Тогда дарятъ что-нибудь, напримѣръ, самку овецъ⁵⁾. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что всѣ эти щедрыя пожертвованія опираются на родовое начало.

Какъ было выше сказано, иногда пожертвованія получаютъ характеръ сбора съ народа. Таковъ обычай «юртчиликъ»; это сборъ въ пользу бѣдныхъ, дѣлаемый подъ руководствомъ аксакала даже противъ воли лица. Такой же принудительный сборъ дѣлается въ пользу вліятельныхъ и почтенныхъ лицъ для уплаты ихъ частныхъ долговъ. Къ уплатѣ принуждаютъ, говоря, что при отцахъ и дѣдахъ были случаи взаимнаго юртчилика⁶⁾.

Различаютъ еще особый видъ даренія: это—пожалованіе, подъ которымъ разумѣется дареніе кому-либо отъ верховной власти недвижимаго имущества въ полную или ограниченную собственность⁷⁾. Этого вида у киргизовъ нѣтъ, потому что въ сущности у нихъ не имѣется недвижимой собственности, и верховная власть не прибѣгаетъ къ этому способу награжденія.

1) Оренбургск. отд. геогр. общ.—стр. 148 и Гродековъ—стр. 116.

2) Гродековъ—стр. 114.

3) Н.—стр. 115.

4) Н.—стр. 124.

5) Гродековъ—стр. 125.

6) Н.—стр. 115—116.

7) Записки профес. А. Х. Гольмстенъ.

б) М ѣ н а.

«Мѣна, какъ договоръ, есть такое правоотношеніе, въ силу котораго каждая изъ сторонъ обязуется передать въ собственность данное имущество другой¹⁾. Сдѣлки этого рода извѣстны обычному праву киргизовъ. По свидѣтельству Гродекова и Колмогорова, въ степи сарты, киргизы и татары мѣняютъ мануфактурные и мелочные товары, сухіе плоды и лѣкарства на шерсть шкуры и другіе продукты скотоводства²⁾. Въ былое время институтъ этотъ особенно былъ распространенъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ нарочно для этой цѣли построенные въ Оренбургѣ и Троицкѣ «мѣновые дворы». Въ настоящее время, съ усложненіемъ и развитіемъ имущественнаго оборота и формъ общежитія, мѣна вытѣсняется, какъ сдѣлка, неудобная по практическимъ соображеніямъ. Такую же сначала замѣтную, а потомъ ничтожную роль играетъ мѣна въ осетинскомъ адатѣ «айевунъ»³⁾ и въ русскомъ обычномъ правѣ⁴⁾.

Довольно часто между киргизами, какъ и среди русскихъ крестьянъ⁵⁾, встрѣчается мѣна лошадей. Изъ рѣшенія съѣзда біевъ въ 1878 году по дѣлу киргиза Ніязбекской волости Гезданбая Сирилбаева усматривается, что Молла Джумбай приобрѣлъ лошадь у киргиза Ирисбая за двухъ лошадей и одинъ адрасовый халатъ⁶⁾. Дѣло это въ дальнѣйшемъ указываетъ, что киргизы не проводятъ рѣзкой грани между мѣной и куплей — продажей, потому что судъ, узнавъ, какая произошла сдѣлка, задаетъ Моллѣ Джумбаю такой вопросъ: «Есть ли у него свидѣтели, что онъ приобрѣлъ ту лошадь *покупкою*?». На это получился отвѣтъ, что онъ спорнаго коня *купилъ* въ присутствіи біевъ, старшины и другихъ надежныхъ лицъ.

¹⁾ Записки профес. А. Х. Гольмстенъ.

²⁾ Гродековъ—стр. 126 и Колмогоровъ—стр. 7 и 17.

³⁾ Ковалевскій—стр. 194.

⁴⁾ Пахманъ—стр. 105.

⁵⁾ Н.—стр. 106.

⁶⁾ Гродековъ—стр. 144 приложение.

Въ степи бываютъ случаи мѣны дѣвушекъ и мальчиковъ. Такъ извѣстны случаи, когда, подѣ давленіемъ бѣдности, мѣняли мальчиковъ за 20 барановъ и дѣвушекъ за 1—2 головы крупнаго скота¹⁾.

Мѣновой и счетной единицей у киргизовъ обыкновенно служитъ баранъ. Киргизы, подѣ вліяніемъ непреклоннаго закона мѣны, пришли къ опредѣленію всѣхъ цѣнностей баранами по первому году. Это же животное служить и для уплаты за труды²⁾. На барановъ большею частью ведется и торгъ.

Торгъ этотъ, однако же, нельзя назвать торгомъ; для него невозможно подыскать русскаго выраженія, да и по киргизски торговля эта, называясь «сатынь-кой» — торгъ или мѣна на барановъ, не выражаетъ еще всего процесса такой торговли. Это какая-то раздача товаровъ въ кредитъ на одинъ, два, три, четыре года и даже болѣе. При этомъ за товаръ получаютъ не деньги, а бараны, или другой скотъ, или даже вещи, но оцѣненные на барановъ, которые, какъ замѣчено выше, составляютъ счетную единицу. Такъ, напримѣръ, ситецъ самыхъ низкихъ сортовъ, покупаемый въ Ирбитѣ отъ 5 до 6 копѣекъ за аршинъ и цѣнимый въ степи уже по 15 копѣекъ, отдается въ количествѣ 5 аршинъ за барана съ тѣмъ, чтобы этого барана получить черезъ годъ, т. е. напримѣръ, въ слѣдующемъ маѣ мѣсяцѣ, и съ тѣмъ, что, если взявшій этотъ ситецъ не захочетъ или не въ состояніи будетъ заплатить въ срокъ, то уже въ слѣдующемъ маѣ, т. е. черезъ 2 года, обязанъ заплатить два барана, еще черезъ годъ 4 барана и такъ далѣе. Точно такъ же опредѣляются цѣны и на прочіе товары, т. е. на 1 рубль почти до 2 рублей барыша³⁾.

Должникъ можетъ платить не собственно баранами, а, напримѣръ, верблюдомъ, лошадыю, быками, овчинами-кожами, мерлушками, кошмами⁴⁾, шкурами лисьими, волчьими, словомъ—всѣмъ, что есть у киргиза. Разу-

¹⁾ Продековъ—стр. 35.

²⁾ Колмогоровъ—стр. 2-4.

³⁾ Колмогоровъ—стр. 18.

⁴⁾ Кошма—войлокъ.

мѣется, все оцѣнивается на барановъ—или баранами въ натурѣ¹⁾).

Киргизы въ прежнее время не продавали скота на деньги, даже не любили ихъ, какъ приносящихъ ущербъ ихъ хозяйству и благосостоянію. «Полудикарь очень серьезно смѣется надъ жадностью къ деньгамъ и справедливо. Киргизы, можетъ быть, единственный народъ въ мірѣ, покупающій товары въ долгъ, не платя за нихъ ничего, а, напротивъ, «получая барышъ», говоритъ Колмогоровъ.

«Вопреки ожиданію и не смотря на столь прогрессивное возрастаніе долгового обязательства»,—продолжаетъ тотъ же изслѣдователь,—«обѣ стороны остаются въ огромнѣйшемъ выигрышѣ отъ отсрочки долга. Если купецъ назначить низкую цѣну на вещь или скотъ, то должникъ, по принятымъ правиламъ, просто отказывается платить до слѣдующаго года и даже до 4-хъ лѣтъ. Предположимъ, что киргизъ задолжалъ на 20 барановъ весною 1850 года, а весною 1851 года заплатилъ бы долгъ. Если бы, при его состояніи, долгъ этотъ равнялся годовому приплоду отъ скота, то такой киргизъ на самомъ дѣлѣ не уменьшилъ бы нисколько своего богатства, сохранивъ себѣ приплодъ отъ барановъ и другого скота. Отсрочивая же платежъ до мая 1852 года, киргизъ, напротивъ, въ чистомъ выигрышѣ: онъ оставляетъ у себя 20 барановъ, которые къ тому времени, разумѣется при благополучіи и счастіи, дадутъ приплода по два, всего 40 барановъ, да старыхъ 20, итого 60, заплатить же онъ обязанъ только 40; вотъ уже 20 барановъ у него въ барышахъ. Купецъ тоже, вмѣсто 20 барановъ, получаетъ 40, т. е. рубль за рубль. Киргизъ отсрочиваетъ еще платежъ долга до мая 1853 года: тогда 60 барановъ дадутъ приплода по два, всего 120 барановъ, да старыхъ 60, итого 180, а заплатить долженъ только 80; черезъ это киргизъ выигрываетъ 100 барановъ. При отсрочкѣ платежа долга до мая 1854 года, 180 барановъ

¹⁾ Колмогоровъ—стр. 19.

дадутъ приплода по два, всего 360, да старыхъ 180, а всѣхъ 540 барановъ, платить же слѣдуетъ только 160 барановъ; слѣдственно, 380 барановъ остаются прибылью киргиза, и онъ считаетъ, что ровно ничего не заплатилъ за товаръ купцу, который, между тѣмъ, въ каждый изъ 4-хъ годовъ приобрѣталъ рубль на рубль и, вмѣсто 20 рублей, получилъ 160 рублей серебромъ на мѣстѣ. При этомъ на ущербъ киргиза полагается 100 барановъ, такъ какъ нѣкоторыя матки дадутъ по одному, а также на оставленіе изъ нихъ барановъ—самцовъ и на упадокъ ягнятъ въ первый мѣсяцъ; затѣмъ ему приходится чистаго барыша 280 барановъ. При этомъ не нужно упускать изъ вида, что киргизъ въ означенные 4 года пользуется отъ барановъ шерстью, молокомъ и мерлушками съ павшихъ ягнятъ, полагаемыхъ ему на ущербъ,— что даетъ ему по меньшей мѣрѣ до 50 рублей серебромъ, на деньги, а равно—что упадокъ барановъ и другого скота естественною смертію для киргиза не составляетъ ущерба, потому что онъ кушаетъ падалъ себѣ на здоровье. Кромѣ того, въ эти 4 года у киргиза найдется еще нѣсколько способовъ обогатиться: или выбѣгаетъ на «байгѣ»¹⁾ нѣсколько барановъ, потамырится съ кѣмънибудь, получить калымъ за дочь или подарки при свадьбахъ, поминкахъ и при многихъ другихъ случаяхъ.²⁾

в) Купля-продажа.

Купля-продажа, это—договоръ, въ силу котораго одна сторона, продавецъ, обязывается передать въ собственность опредѣленное имущество, а другая, покупатель, уплатить за него условленную цѣну³⁾.

І. Предметъ купли — продажи.

Предметомъ купли—продажи у киргизовъ могутъ быть движимыя и недвижимыя вещи.

1) „Байга“—Вѣгъ.

2) Колмогоровъ—стр. 20—21.

3) Нахманъ—стр. 113.

Называть движимыя вещи, которыя могутъ быть объектомъ разсматриваемой сдѣлки, нѣтъ надобности: онѣ чрезвычайно разнообразны. Особенность у киргизовъ въ этомъ отношеніи, сравнительно съ современной теоріей гражданскаго права, та, что брачный договоръ въ сущности есть купля—продажа дѣвицы за выговоренную плату калыма¹⁾. Такимъ образомъ, въ киргизскомъ быту является новый предметъ купли-продажи—женщина. Недаромъ бій Сагындыковъ такъ выразился про женщинъ: «Киргизка, покупаемая за калымъ, безправна, какъ рабыня, какъ скоть или земельная собственность»²⁾. У киргизовъ нѣтъ даже препятствій къ тому, чтобы мужъ, уѣзжая надолго, переуступилъ жену другому³⁾. Но, кромѣ этого, въ степи встрѣчались случаи продажи дѣтей подъ давленіемъ крайней нужды⁴⁾.

Гораздо важнѣе указать недвижимыя вещи, могущія быть предметомъ купли-продажи, такъ какъ таковыхъ у киргизовъ очень немного, и появились онѣ въ недавнее время. Каракиргизы продаютъ земельные участки, но только тѣ, на которыхъ есть насажденія и постройки⁵⁾. Продають ли такіе же участки киргизы, на это прямого указанія не встрѣчается, но надо полагать, что продаются. Заключить это можно изъ фразы, имѣющейся у Гродекова: «Мѣста болотистыя («тугай»), поросшія камышомъ и т. и. еще не продаются, такъ какъ простору много»⁶⁾. Слѣдовательно, мѣста другого рода продаются. Какія же? Очевидно, тѣ участки, которые или орошены, или на которыхъ возведены постройки и заведены насажденія, или на которые имѣются документы. Впрочемъ, надо оговориться, что, строго говоря, купли—продажи недвижимости у киргизовъ нѣтъ. Русское законодательство⁷⁾ и теорія гражданскаго права устано-

¹⁾ Оренбургск. отд. геогр. общ.—стр. 79.

²⁾ Гродековъ—стр. 95.

³⁾ Н.—стр. 93.

⁴⁾ Н.—стр. 35.

⁵⁾ Н.—стр. 102.

⁶⁾ Гродековъ—стр. 103.

⁷⁾ Т. X, ч. I, ст. 1384 и Пахманъ стр. 114.

вляеть общимъ правиломъ, что продавать возможно только то имущество, коимъ владѣлецъ можетъ распоряжаться по праву собственности. Киргизами же, какъ извѣстно, участки земли занимаются на правахъ безсрочнаго пользованія; право распоряженія участками, на которыхъ возведены постройки, сдѣланы насажденія или искусственное орошеніе, хотя и имѣется, но ограниченное, потому что отчуждены они могутъ быть только киргизу по происхожденію, а не любому человѣку. Вслѣдствіе этого полнаго права собственности на нихъ нѣтъ.

По киргизскому адату, какъ и въ русскомъ законодательствѣ, ничтожной признается купля-продажа чужой вещи. Это усматривается, напримѣръ, изъ § 189 у Самоквасова: «Кто опознаетъ у кого лошадь или другое что-нибудь, а тотъ скажетъ, что оное купилъ у неизвѣстныхъ людей, то опознанное отъ него отбирается безъ всякихъ изслѣдованій; болѣе же штрафу не полагается». Исключеніе изъ упомянутаго положенія составляетъ купля и продажа, совершенныя противъ воли отца совершеннолѣтнимъ невыдѣленнымъ сыномъ; такая сдѣлка не расторгается. Вытекаетъ это изъ общности семейнаго имущества. Если такой сынъ нѣсколько разъ принесетъ ущербъ, и если отецъ пожелаетъ освободиться отъ него, то ему представляется къ тому единственный выходъ — выдѣлъ; при этомъ холостому сыну онъ обязанъ, хотя бы небольшой, дать надѣлъ¹⁾. Въ частности, всегда считается недѣйствительною продажа краденой вещи. Такая вещь отбирается отъ покупателя и возвращается настоящему хозяину; покупатель же получаетъ право исать свои убытки съ продавца. При этомъ купившій за вѣдомо краденое считается самъ воромъ²⁾.

1) Гродековъ — стр. 34.

2) Н. — стр. 128.

II. Лица, могущія вступать въ договоръ купли-продажи.

По этому вопросу прежде всего надо отмѣтить, что сдѣлки, совершенныя лицами, у которыхъ не было въ то время сознательной воли считаются недѣйствительными. Напримѣръ, купленное у несовершеннолѣтнихъ, по требованію отца, возвращается безъ штрафа¹⁾. Тутъ необходимо обратить вниманіе на выводъ, самъ собою напрашивающійся на умъ: если требованія отъ отца неопредѣляло, сдѣлка считается дѣйствительной, потому что, не предъявляя требованія, отецъ молчаливо даетъ на нее свое согласіе. Подобное правило о необходимости согласія опекуна для дѣйствительности сдѣлокъ, совершенныхъ несовершеннолѣтними, встрѣчается въ русскомъ законодательствѣ²⁾. Подробно по этому вопросу рѣчь шла въ общемъ очеркѣ.

Имущество можетъ быть продано только самимъ собственникомъ. Въ отсутствіи хозяина продажа возможна лишь въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) по близкому родству, о чемъ будетъ сказано непосредственно ниже, 2) по довѣренности, что разсмотрѣно будетъ въ особой главѣ, и 3) по распоряженію начальства³⁾.

Жена можетъ торговать только съ согласія мужа⁴⁾. Если жена въ отсутствіи мужа продала что-нибудь, то вернувшійся мужъ можетъ заявить несогласіе, и тогда проданный предметъ отбирается. Основано это на безправномъ положеніи замужней женщины у киргизовъ—съ одной стороны и на мнѣніи, что «у женщины умъ половинный,»—съ другой. Такимъ образомъ, замужняя женщина находится какъ бы все время подъ опекой, и къ ней примѣняется правило, только что разсмотрѣнное выше, о продажѣ несовершеннолѣтнимъ. Такого положенія замужняя женщина не занимаетъ въ культурномъ обществѣ.

¹⁾ Гродековъ—стр. 127.

²⁾ Т. X, ч. I, ст. 222.

³⁾ Гродековъ—стр. 126.

⁴⁾ Н—стр. 94.

Вдовъ у киргизовъ не возбраняется торговать¹⁾.

Не выдѣленные дѣти своего отдѣльнаго имущества не могутъ имѣть. Но тѣмъ не менѣе купля и продажа, учиненныя даже противъ воли отца совершеннолѣтнимъ не выдѣленнымъ сыномъ, какъ объ этомъ говорилось раньше, не расторгаются. Если бы отецъ захотѣлъ отдѣлаться отъ неисправимаго сына, то онъ долженъ его выдворить изъ семьи, при чемъ холостому обязанъ дать небольшой надѣлъ, а женатому, за котораго уже уплаченъ калымъ, онъ можетъ надѣла не давать²⁾. Въ крайности отецъ отрекается отъ сына при свидѣтелях³⁾.

Такимъ образомъ, у киргизовъ полнымъ правомъ участія въ куплѣ-продажѣ обладаютъ: 1) глава семьи, 2) выдѣленные сыновья, 3) совершеннолѣтніе не выдѣленные сыновья, при чемъ для дѣйствительности сдѣлки не нужно согласія другихъ членовъ семьи, какъ это требуется, напримѣръ, у осетинъ, 4) вдовы. Ограниченное право имѣютъ: 1) несовершеннолѣтніе—при согласіи на сдѣлку отца и 2) замужнія женщины—при согласіи мужей.

У нѣкоторыхъ народовъ существуетъ «шафи», т. е. право сосѣда, какъ наиболѣе благопріятствуемаго покупателя. Киргизамъ шафи неизвѣстно⁴⁾.

III. Совершеніе купли-продажи.

Законченное соглашеніе о куплѣ-продажѣ знамѣнуется у киргизовъ подачей рукъ и закрѣпляется со стороны продавца словами: «Пользуйся на счастье,» а со стороны покупателя: „Пусть одно у тебя превратится въ тысячу; ты такъ же будь въ прибыли“⁵⁾. Последними словами устанавливается у киргизовъ моментъ соглашенія сторонъ относительно имущества и цѣны и не означаетъ еще переходъ самаго права собственности къ по-

1) Гродековъ—стр. 94.

2) Н.—стр. 34.

3) Н.—стр. 35.

4) Гродековъ—стр. 104.

5) Н.—стр. 127.

купателю. До уплаты денегъ обѣ стороны еще могутъ отказаться отъ принятыхъ на себя обязанностей, а послѣ уплаты не могутъ. Такимъ образомъ, требованіе киргизскаго обычнаго права не совпадаетъ съ рѣшеніемъ гражданскаго кассационнаго департамента русскаго Сената № 1201 ¹⁾ 1370 г.), въ которомъ моментомъ перехода права собственности на купленную движимую вещь признается моментъ соглашенія сторонъ. Тутъ же—отличіе киргизскаго адата отъ воззрѣній русскаго народа и римскихъ юристовъ и отъ законодательствъ австрійскаго и прусскаго²⁾, которыми моментомъ перехода права собственности считается самая передача вещи. За такой моментъ у киргизовъ надѣ признавать полную уплату покупателемъ денегъ. Впрочемъ, по особому условію покупателя съ продавцемъ, за извѣстную сумму «отступного» проданное можетъ быть возвращено обратно. Возможно, что выводъ этотъ ошибоченъ, но въ такомъ случаѣ онъ произошелъ оттого, что изслѣдователю приходится оперировать надъ весьма скуднымъ матеріаломъ.

Необходимо обратить вниманіе, что въ киргизскомъ адатѣ нѣтъ рукобיתья³⁾, какъ это встрѣчается у русскихъ крестьянъ⁴⁾ и у осетинъ⁵⁾; у киргизовъ только одна подача рукъ. Соотвѣтственно этому у поименованныхъ народностей встрѣчается выдача задатка, или фанта: у осетинъ—иногда⁶⁾, а у русскихъ крестьянъ—всегда, такъ какъ безъ задатка самый договоръ не считается заключеннымъ⁷⁾; у киргизовъ же задатокъ не извѣстенъ⁸⁾.

Простое протягиваніе руки, по изслѣдованію Эсмина въ этюдахъ о древнѣйшемъ договорномъ правѣ Франціи, замѣнило съ теченіемъ времени фактическую передачу предмета⁹⁾. Это подтверждаетъ выводъ, что у кир-

¹⁾ Пахманъ—стр. 122.

²⁾ Пахманъ—стр. 123.

³⁾ Маковецкій упоминаетъ о рукобיתьи, но оно есть явленіе позднѣйшее и заимствовано отъ русскихъ торговцевъ.

⁴⁾ Пахманъ—стр. 124.

⁵⁾ Ковалевскій—стр. 173.

⁶⁾ Н.—стр. 175.

⁷⁾ Пахманъ—стр. 125.

⁸⁾ Гродековъ—стр. 127.

⁹⁾ Ковалевскій—стр. 172.

гизовъ для установленія права собственности на проданную вещь не нужно передачи, такъ какъ у нихъ передача замѣнена протягиваніемъ руки. Далѣе Эминъ поясняетъ, что передача фанга, или задатка, замѣняется простымъ рукобитьемъ¹⁾. Рукобитье въ киргизскомъ адатѣ не установилось, очевидно, потому, что передачи задатка у нихъ нѣтъ. Впрочемъ, необходимо оговориться, что при сватовствѣ выдается задатокъ («каргыбау»)²⁾; но брачная сдѣлка, даже по понятіямъ киргизовъ, не вполне тождественна съ куплей-продажей. Это видно хотя бы изъ слѣдующаго. «Подъ давленіемъ бѣдности въ Перовскомъ уѣздѣ «продаютъ иногда мальчиковъ», говоритъ Гродековъ³⁾, «за 20 барановъ, на примѣръ. Дочь не продается, ибо есть возможность выдать ее за небольшой калымъ. Бій султанъ Канаевъ помнитъ, что во время голода дочерей продавали за 1—2 головы скота или за 20—30 тиллей, а по минованіи голода требовали передъ нимъ, біемъ султаномъ, доплаты до полного калыма. Бій присуждалъ къ доплатѣ до полного калыма.» Хотя здѣсь Гродековъ смѣшиваетъ продажу съ мѣной, за исключеніемъ случая продажи дочерей за 20—30 тиллей, но все-таки приведенный примѣръ даетъ возможность заключить, что полученіе калыма не то же самое, что полученіе цѣны или вещи, эквивалентной переданному предмету.

Письменная форма при куплѣ-продажѣ хотя и встрѣчается изрѣдка, но обязательной, какъ корпусъ сдѣлки, не бываетъ.

Свидѣтели при торгѣ не обязательны, но, если контрагенты не знаютъ другъ друга, то бываютъ поручители⁴⁾. На базарахъ имѣются особые маклеры, какъ объ этомъ уже упоминалось, которые всевозможными способами стараются привести стороны къ соглашенію⁵⁾. Иногда

¹⁾ Н.—стр. 172.

²⁾ Оренбургск. отд. геогр. общ.—стр. 84.

³⁾ Гродековъ—стр. 35.

⁴⁾ Гродековъ—стр. 126.

⁵⁾ Н.—стр. 127.

да покупка и продажа совершаются кочевниками въ долгъ съ разными условіями уплаты¹⁾.

Заявленіе о томъ, что какой-нибудь предметъ купленъ дорого, у киргизовъ и каракиргизовъ въ расчетъ не принимается²⁾.

IV. Юридическія отношенія, возникающія изъ договора купли-продажи.

По заключеніи договора для покупателя возникаетъ обязанность уплаты условленной цѣны. До уплаты полной цѣны при продажѣ въ долгъ или части ея покупатель не имѣетъ права требовать отъ продавца передачи вещи. Съ другой стороны, продавецъ обязанъ передать проданную покупателемъ вещь.

Тутъ возникаетъ вопросъ: съ какого момента страхъ за гибель и порчу вещи переходитъ на покупателя? По воззрѣніямъ русскаго народа, съ передачею вещи право собственности на нее считается перешедшимъ къ покупателю, который съ этого времени, какъ хозяинъ, несетъ страхъ за гибель и порчу вещи³⁾. Къ сожалѣнію, имѣющійся матеріалъ по киргизскому адату не даетъ прямого отвѣта на заданный вопросъ. Однако надо предполагать, что за такой моментъ должно считать время уплаты, если покупка произведена на наличныя деньги, такъ какъ право собственности на проданную вещь, видимо, у киргизовъ возникаетъ въ этотъ моментъ, и передачи вещи въ томъ случаѣ, когда вещь продана въ долгъ. Последнее основывается на томъ соображеніи, что было бы странно продавцу нести отвѣтственность за проданную и переданную уже покупателю вещь, за которую при томъ еще и денегъ не получено.

Проданная вещь непременно должна соответствовать тѣмъ качествамъ, какія были обусловлены договоромъ. Если о качествахъ предмета не было особаго усло-

¹⁾ Н.—стр. 126.

²⁾ Н.—стр. 129.

³⁾ Пахманъ—стр. 130.

вія, то предполагается, что онъ не долженъ имѣть по крайней мѣрѣ существенныхъ недостатковъ. Поэтому, если такіе недостатки обнаружатся впоследствии, то, по требованію покупателя, продажная цѣна можетъ быть уменьшена, или сдѣлка совершенно уничтожается. Первое положеніе дѣла, т. е. уменьшеніе покупной цѣны, встрѣчается въ римскомъ правѣ, почти во всѣхъ иностранныхъ законодательствахъ и въ обычаѣ русскихъ крестьянъ¹⁾. Уничтоженіе сдѣлки по русскому обычному праву извѣстно только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ²⁾. У киргизовъ данный вопросъ чаще всего возникаетъ при куплѣ-продажѣ скотины. Такъ, если въ недѣльный, приблизительно, срокъ у животного окажутся недостатки, не объявленные при продажѣ, но о существованіи которыхъ знаютъ посторонніе люди, то купившій можетъ отказаться отъ него или потребовать возврата переплаченныхъ денегъ³⁾. Въ Аулеатинскомъ уѣздѣ продажа скотины, безъ объявленія хозяиномъ извѣстныхъ ему недостатковъ ея, расторгается безъ штрафа, но не позже 2—3 дней.

Квалифицируя приведенные два примѣра по указаніямъ цогмы гражданского права, слѣдуетъ ихъ подвести подъ понятіе обмана, произведеннаго дѣйствіями пассивнаго свойства (умолчаніе). Вообще отсутствіе обмана необходимое условіе для дѣйствительности сдѣлки. § 182 обычаявъ киргизовъ у Самоквасова объ этомъ говоритъ: «Если кто въ торгу обманъ сдѣлаетъ, то претендатель долженъ удостовѣрить сіе присягою, и буде таковое удостовѣреніе представить, то искъ свой получаетъ сполна; въ случаѣ же обвѣса, обмѣра и обсчитыванія, учинитель онаго обязанъ дать присягу въ своей невинности, но, когда присяги той на срокъ не доставитъ, то долженъ удовлетворить въ искѣ обиженнаго». Такъ же вопросъ объ обманѣ рѣшается и у осетинъ¹⁾.

¹⁾ Пахманъ—стр. 135.

²⁾ Н.—стр. 136.

³⁾ Гродековъ—стр. 127.

¹⁾ Ковалевскій—стр. 181.

Если проданное животное околѣетъ, то деньги не возвращаются купившему, потому что онъ долженъ былъ раньше смерти заявить претензію¹⁾. Нередко при продажѣ назначаютъ срокъ въ 3—4 дня, въ который можно возвратить животное за уплаченную за него сумму, если у него обнаружатся недостатки. Последнее условіе о срокѣ особенно распространено среди каракиргизовъ; при чемъ если такого условія не было заключено, то возвращать скотину не полагается²⁾. Когда киргизъ-продавецъ, скрывая недостатки скотины, говорилъ: «Посмотри самъ, хочешь бери, хочешь не бери! если ты перейдешь эту черту (проводимую имъ при этихъ словахъ по землѣ), то скотина твоя», и тѣмъ не менѣе покупатель нашелъ возможность купить животное, тогда весь рискъ падаетъ на покупателя, и животное ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ возврату³⁾. То же самое послѣдствіе влекутъ за собою слова маклера, если онъ при самой продажѣ говорилъ покупателю: «Посмотри самъ, совершенно ли здорова скотина; но разъ ты купилъ ее, она будетъ твоя, хотя бы околѣла сегодня же»⁴⁾. Иногда продавецъ заявляетъ: „Если у нея есть законный недостатокъ (кайби шары)⁵⁾, то я ее возьму обратно; если же она больная, то останется за тобой“. Если потомъ открывается такой недостатокъ, то на другой день должно быть заявлено объ этомъ⁶⁾.

Прежде можно было отказываться отъ совершенной уже купли или продажи на томъ основаніи, что куплено слишкомъ дорого или продано слишкомъ дешево. Даже по этому поводу имѣется пословица: «продажу лошади можно расторгнуть въ продолженіе мѣсяца, продажу верблюда — въ продолженіе года». Но въ настоящее время это не можетъ служить причиной уничтоженія сдѣлки.

¹⁾ Гродековъ—стр. 128.

²⁾ Н.—стр. 128—129.

³⁾ Гродековъ—стр. 128.

⁴⁾ Н.—стр. 127.

⁵⁾ За „кайби шары“ считаются, напримѣръ, хромота, саль.

⁶⁾ Гродековъ—стр. 129.

Подобныя заявленія не принимаются во вниманіе и у каракиргизовъ¹⁾.

Прежняя постановка данного вопроса соответствует римскому взгляду. Какъ извѣстно, римское право требовало, чтобы цѣна при куплѣ-продажѣ была справедливая (*pretium justum*). Это условіе—*pretium justum* означаетъ, что при куплѣ-продажѣ долженъ получиться за проданный предметъ не только опредѣленный и дѣйствительный эквивалентъ, но что и цѣнность эквивалента должна до нѣкоторой степени подходить къ цѣнности продаваемой вещи. При этомъ римляне разсуждали такъ: входя въ сдѣлку купли -- продажи контрагенты не имѣютъ въ виду оказаніе щедрости и великодушія, а намѣрены обмѣняться равными по значенію своему дѣйствіями, и потому цѣнность эквивалента должна быть равна цѣнности продаваемого предмета. На основаніи этого римское право допускало опороженіе купли-продажи по несоразмѣрности цѣны ея со стоимостью предмета, когда заплачено за него слишкомъ дешево или слишкомъ дорого.

Отечественное законодательство не требуетъ *pretium justum* потому что главное вниманіе сосредоточено на соглашеніи: вещи имѣетъ ту цѣну, какую придаютъ ей контрагенты, только бы цѣна эта не становилась мнимою. Киргизскій адатъ въ настоящее время сталъ на эту же точку зрѣнія. Необходимо, впрочемъ, упомянуть объ одномъ исключеніи изъ общаго правила, имѣющагося въ русскомъ законодательствѣ, когда по несоразмѣрности цѣны покупатель долженъ доплатить продавцу недоданную сумму: это—покупка у крестьянъ хлѣба на корню, снопами или зерномъ лицами, специально «занимающимися» скупкою хлѣба, когда они знали о крайне тяжеломъ положеніи продавца (Выз. ут. мн. I. С. 18 іюня 1892 г.). Очевидно, законъ этотъ направленъ противъ „кулаковъ“, пользующихся бѣдственнымъ положеніемъ крестьян²⁾. Русское обычное право, въ соответствіи съ отечественнымъ законодательствомъ, высказывается, что

¹⁾ Н. — стр. 129.

²⁾ Мейеръ — стр. 466—467.

убыточность сдѣлки не даетъ права на ея уничтоженіе, если была заключена добровольно; «торговля зарисить отъ торгующихъ и покупающихъ лицъ», посвящаетъ въ въ своемъ рѣшеніи одинъ волостной судъ¹⁾.

V. Условная продажа.

Это такая продажа, которая обставлена какими-либо условіями. Случаи такой продажи у киргизовъ рѣдки.

Сюда надо отнести уже приведенные примѣры продажи скота съ условіемъ возратить его, если обнаружатся недостатки. Условія подобнаго рода бываютъ, какъ извѣстно, двойкаго характера. Во-первыхъ, условливаются о возможности возратить купленную скотину въ теченіе опредѣленнаго небольшого срока при обнаруженіи какихъ бы то ни было недостатковъ; другой случай — при обнаруженіи недостатковъ высшаго порядка, такъ называемыхъ «законныхъ недостатковъ», по — киргизски «айби — шары»²⁾. Если бы такихъ условій у киргизовъ сдѣлано не было, а между тѣмъ у проданнаго животнаго въ недѣльный, приблизительно, срокъ оказались недостатки, не объявленные при продажѣ, но о существованіи которыхъ знали посторонніе люди, то покупатель можетъ или отказаться отъ него, или потребовать возврата переплаченныхъ денегъ³⁾. И по русскому обычному праву незаявленіе о недостаткахъ или высказанное покупателю увѣреніе, что продаваемый предметъ не имѣетъ существенныхъ недостатковъ, считается также обманомъ, который, по просьбѣ покупателя, влечетъ уничтоженіе сдѣлки⁴⁾. Не то у каракиргизовъ. У нихъ заключается условіе о срокѣ, въ который возможно вернуть скотину, въ случаѣ, если будутъ найдены у нея недостатки. Если такого условія заключено не было, то возвращать скотину нельзя⁵⁾.

1) Пахманъ — стр. 139.

2) Гродековъ — стр. 128.

3) Н — стр. 127.

4) Пахманъ — стр. 137 и 149.

5) Гродековъ — стр. 129.

Купля и продажа между кочевниками нерѣдко совершается въ разсрочку, съ разными условіями уплаты¹⁾. Нерѣдко, если продавецъ и покупатель не знаютъ другъ друга, сдѣлки совершаются при условіи поручительства за принадлежность вещи продавцу, за исправность должника и т. п. выставленными стороной благонадежными лицами²⁾. Маклеръ, содѣйствовавшій заключенію сдѣлки и получившій за это вознагражденіе («ширинками»), eo ipso является поручителемъ за то, что скотина не краденая, но за ея качества не отвѣчаетъ; условіе это всегда подразумѣвается при заключеніи сдѣлки³⁾. Впрочемъ, отвѣтственность снимается съ маклера за устройство продажи завѣдомо краденаго, если онъ представить продавца; если же такого не найдетъ, то отвѣчаетъ передъ потерпѣвшимъ убытки и платитъ штрафъ. Надо добавить, что и продавецъ краденаго тоже обязанъ представить продавца⁴⁾.

Наконецъ, въ Перовскомъ уѣздѣ при покупкѣ заглазно всегда разумѣется условіе, что лошадь должна быть, если жеребецъ, то пяти лѣтъ, если кобыла, то трехъ; при покупкѣ верблюда — то же самое: самецъ — пятилѣтній, самка — трехлѣтняя⁵⁾.

VI. Двойная продажа одной и той же вещи.

Вопросъ этотъ по киргизскому адату рѣшается просто. Если одна и та же вещь запродаана двумъ разнымъ лицамъ, то она присуждается тому изъ нихъ, кто раньше заплатилъ деньги и совершилъ обрядъ подачи руки со словами: «На счастье»! Другому возвращаются деньги безъ штрафа. Не такъ обстоитъ дѣло по русскому обычному праву. Въ практикѣ волостныхъ судовъ встрѣчаются въ этомъ отношеніи разнообразныя рѣшенія. Въ од-

¹⁾ Н.—стр. 126.

²⁾ Гродековъ—стр. 126.

³⁾ Н.—стр. 128—129.

⁴⁾ Н.—стр. 159.

⁵⁾ Н.—стр. 127.

нихъ мѣстностяхъ, если вещь, проданная одному лицу, будетъ продана въ другія руки. признается недѣйствительною вторая сдѣлка. Въ другихъ, наоборотъ, признается въ силѣ первый договоръ, а вторая сдѣлка можетъ получить силу только въ томъ случаѣ, когда первый покупатель выразить согласіе на уничтоженіе договора и получить обратно плату за вещь¹⁾. Пахманъ, изучая практику волостныхъ судовъ, пришелъ къ заключенію, что примѣненіе того или другого начала зависитъ отъ того обстоятельства, передана ли вещь въ чужое владѣніе, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ сдѣлка остается въ пользу того, кому вещь уже передана; при чемъ, когда признается въ силѣ вторая сдѣлка, первый покупатель можетъ отыскивать съ продавца вознагражденіе за убытки. Если проданное имущество еще не передано ни одному изъ покупателей, то иногда обѣ сдѣлки признаются судомъ въ силѣ, и каждый покупатель получаетъ половину проданнаго имущества²⁾. Итакъ, передача играетъ огромную роль въ разсматриваемомъ вопросѣ. Да оно такъ и должно быть, если принять во вниманіе, что въ моментъ передачи возникаетъ право собственности для покупателя. Въ киргизскомъ юридическомъ быту при куплѣ-продажѣ за моментъ перехода права собственности, какъ видѣли, слѣдуетъ считать время уплаты денегъ. Отсюда и другая конструкція при рѣшеніи изучаемаго вопроса: кто первый уплатилъ деньги и совершилъ заключительный обрядъ подачи руки, тому и принадлежитъ вещь.

VII. Прекращеніе договора купли-продажи.

Договоръ купли-продажи прекращается исполненіемъ обязанностей со стороны обоихъ контрагентовъ и обоюднымъ согласіемъ на прекращеніе сдѣлки. Относительно послѣдняго способа прекращенія договора слѣдуетъ упомянуть объ обычаѣ, извѣстномъ и у русскихъ крестьянъ, давать отступное («пшайманъ»). Когда договоръ о куплѣ-

¹⁾ Пахманъ — стр. 151.

²⁾ Пахманъ — стр. 151—153.

продажѣ совершенъ и произошла уплата денегъ, ни одна сторона не можетъ отказаться отъ исполненія сдѣлки. Только съ согласія покупателя, продавецъ за извѣстную сумму отступного можетъ взять проданное обратно. Покупатель тоже можетъ просить, но не требовать, у продавца расторженія купли, если вещь, обыкновенно скотина, въ томъ еще видѣ, какъ при покупкѣ¹⁾. Все это основано на томъ, что, по киргизскому адату, «купленное не возвращается»²⁾.

г) Наемъ имущества.

Подъ наймомъ имущества разумѣется договоръ, по которому одна изъ сторонъ, наймодавецъ, предоставляет другой сторонѣ, наемщику, въ пользованіе какое-либо имущество на опредѣленный срокъ за опредѣленное вознагражденіе³⁾.

Такой договоръ существуетъ у киргизовъ. Предметомъ его бываютъ движимыя и недвижимыя вещи. Если киргизъ, приписанный къ другому уѣзду, пожелаетъ заняться хлѣбопашествомъ на чужомъ пастбищѣ или чужой лѣтовкѣ, то съ него берутъ въ пользу общества, которому принадлежитъ земля, арендную плату, размѣръ которой зависитъ отъ условія. Путешественникъ Потанинъ въ видѣ примѣра сообщаетъ, что «киргизъ Чакчай (егинчи, т. е. земледѣлецъ) кортомилъ землю у поколѣнія Таукэ на р. Чаргъ и за пространство подъ посѣвъ двухъ мѣшковъ платилъ по барану⁴⁾.

Особенность киргизской аренды заключается въ томъ, что какъ только арендаторъ перепишется въ ту волость или уѣздъ, гдѣ его пашня, онъ становится «собственникомъ» земли въ смыслѣ киргизскаго адата, т. е. у него появляются права потомственного владѣнія и пользованія, и платитъ только обыкновенныя подати и повинности⁵⁾.

¹⁾ Гродековъ—стр. 127.

²⁾ Гродековъ, прилож. № 8, стр. 144, рѣш. № 2.

³⁾ Пахманъ—стр. 155 и записки проф. А. Х. Гольмстенъ.

⁴⁾ Потанинъ—стр. 493.

⁵⁾ Гродековъ—стр. 103.

Основаніе такого положенія вещей покоится въ принадлежности полнаго права собственности на землю всему киргизскому народу¹⁾. Участки съ клеверомъ и орошенныя земли тоже сдаются въ аренду, но уже не обществами, а ихъ хозяевами²⁾.

Еще примѣръ найма недвижимаго имущества. Кто прикочуетъ къ чужой зимовкѣ, тотъ проситъ хозяевъ дать ему мѣсто для установкѣ жилища и для пастбы скота. Сначала въ просьбѣ отказываютъ. Прикочевавшій общаетъ заплатить. Тогда, отчасти ради добраго дѣла, отчасти ради выгоды, даютъ ему мѣсто, но не больше, какъ на одинъ годъ³⁾.

Киргизскій наемъ недвижимости отличается отъ такого же у осетинъ. Тотъ видъ имущественнаго найма, который извѣстенъ подъ названіемъ аренды, до послѣдняго времени былъ не извѣстенъ осетинамъ. Въ настоящее время онъ зарождается подъ русскимъ вліяніемъ⁴⁾. Въ Осетіи имущественный наемъ имѣетъ, по словамъ М. Ковалевскаго, характеръ займа, дѣлаемаго нанимателемъ у наемщика. Въмѣсто процентовъ, которые бывають при займахъ, при наймѣ является исполненіе наемщикомъ извѣстныхъ работъ въ пользу наймодавца⁵⁾. Въ такомъ видѣ наемъ встрѣчается въ средніе вѣка во Франціи, Германіи, Англіи и на Скандинавскомъ полуостровѣ. Ампира приравниваетъ такой наемъ къ ссудѣ недвижимости⁶⁾. Трудно согласиться съ мнѣніями обоихъ изслѣдователей. Предметомъ займа могутъ быть только деньги. Это выраженіе противъ мнѣнія перваго. Что касается до мысли второго, то ссуда, не говоря уже о томъ, что она относится только до движимыхъ вещей, есть договоръ безмездный. Казалось бы вѣрнѣе считать это за особый родъ найма, подобный найму земли подъ посѣвъ за

¹⁾ Здѣсь не имѣется въ виду настоящаго положенія вещей, такъ какъ теперѣ собственникомъ киргизской степи является государство.

²⁾ Гродековъ— стр. 104.

³⁾ Н.—стр. 123.

⁴⁾ Ковалевскій—стр. 216.

⁵⁾ Н.—стр. 215.

⁶⁾ Н.—стр. 216.

извѣстную долю произведеній отъ земли или найму изъ выстройки¹⁾). Изучаемое различіе въ номенклатурѣ происходитъ оттого, что явленія слабо развитаго юридическаго строя трудно передаются терминами, заимствованными изъ римской юриспруденціи²⁾).

Распространенное (какъ говорить М. Ковалевскій) на протяженіи цѣлаго міра половничество извѣстно киргизамъ. Существуетъ оно и въ Осетіи, особенно въ горахъ, подъ названіемъ «хайцонъ»³⁾. Половничество среди киргизовъ встрѣчается у земледѣльцевъ въ такомъ видѣ: зажиточные даютъ рабочему человѣку во время полевыхъ работъ пропитаніе, сѣмена, одоужаютъ скоть, землю и земледѣльческія орудія. Наимодавецъ получаетъ вознагражденіе отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ урожая, смотря по условію. Если нѣтъ урожая, нѣтъ и вознагражденія⁴⁾. По сообщенію Потанина, наблюдавшаго киргизскій бытъ въ окрестностяхъ озера Зайсана, земледѣліемъ занимается самый бѣдный классъ киргизскаго народа и не на правахъ собственниковъ, а кортомщиковъ—егинчей; егинчи, если принадлежать къ чужому поколѣнію, снимаютъ участки за арендную плату, если къ своему, то вступаютъ съ богатыми скотоводами въ союзъ исполу⁵⁾).

У осетинъ сдача земли половникамъ происходитъ на слѣдующихъ условіяхъ: собственникъ земли получаетъ половину урожая съ пашень и одну треть съ сѣнокосовъ. Такое различіе обусловливается затратою сѣмянъ и предоставленіемъ хозяйственнаго инвентаря со стороны землевладѣльца. Договоръ половничества повсюду, гдѣ онъ существуетъ, характеризуется долгосрочностью⁶⁾. Въ частности о срокѣ, на который заключается договоръ половничества у киргизовъ, указаній не встрѣчается, но надо полагать, что и у нихъ онъ долгосроченъ. Это видно изъ сообщенія Потанина, что егинчи общими силами

¹⁾ Мейеръ—стр. 498.

²⁾ Ковалевскій—стр. 194.

³⁾ Н. — стр. 217.

⁴⁾ Гродековъ—стр. 118 и Мейеръ—стр. 498.

⁵⁾ Якушкинъ, вып. II, стр. 282.

⁶⁾ Ковалевскій—стр. 218.

проводятъ ирригаціонные каналы и корчуютъ поля; подобныя обширныя работы, очевидно, могутъ производиться только при долгосрочномъ договорѣ.

Изъ двухъ примѣровъ киргизскаго половничества (одинъ изъ Гродекова, другой изъ Потанина) первый схожъ съ половничествомъ осетинъ, второй отличенъ отъ перваго и представляетъ особый видъ. Видъ этотъ имѣетъ ту особенность, что егинчи, вступающіе въ договоръ, являются сами хозяевами земли. Землевладѣльцемъ во второмъ случаѣ считается поколѣніе или родъ, но одни лица изъ поколѣнія, болѣе богатые, занимаются скотоводствомъ, другіе, бѣднѣе, принуждены обратиться къ земледѣлію, но у нихъ нѣтъ необходимыхъ для этого средствъ. Поэтому бѣднѣе вступаютъ въ договоръ половничества съ богатыми, которые приходятъ къ нимъ на помощь своими капиталами. Въ первомъ же примѣрѣ, равно какъ и у осетинъ, землевладѣльцы отдають свою землю исполу. Слѣдовательно, въ примѣрѣ Потанина центръ тяжести переходитъ съ земли на личныя отношенія егинчей съ богатыми скотоводами, и отношенія эти даже можно разсматривать, какъ личный наемъ; однако данный примѣръ приводится въ настоящемъ отдѣлѣ, съ одной стороны, для полноты картины, съ другой — потому, что имущественный наемъ, хотя и движимыхъ вещей, въ немъ все-таки имѣетъ мѣсто: егинчамъ, за извѣстныя условія, предоставляются сѣмена, рабочій скотъ и земледѣльческія орудія.

У осетинъ встрѣчается еще особая форма найма — «амдзаринъ»; въ переводѣ на русскій языкъ это означаетъ «сожителство». Договоръ такого найма состоитъ въ слѣдующемъ: безземельный человѣкъ получаетъ въ пользованіе извѣстный участокъ земли отъ собственника подъ условіемъ, что, пока будетъ пользоваться землею, взаимнъ процентовъ, онъ обязанъ исполнять безвозмездно на земляхъ наемщика всѣ хозяйственныя работы¹⁾. Такого договора киргизскій адатъ не знаетъ.

¹⁾ Ковалевскій — стр. 216.

Наемъ движимаго имущества у киргизовъ бываетъ, но, видимо, какъ и вообще, впрочемъ, весь институтъ имущественнаго найма, не часто.

Въ киргизскомъ быту, какъ и слѣдовало ожидать, чаще всего встрѣчается наемъ скота: верблюдовъ и лошадей¹⁾. Какъ на примѣръ, можно указать на слѣдующее рѣшеніе суда бievъ. «Въ 1882 году Карга Бекмирзаевъ заявилъ съѣзду бievъ, что Алда Бергинъ Умуровъ нанялъ у него семь верблюдовъ для перевозки зернового хлѣба изъ № 4 аула чебендинской волости въ крѣпость Казалинскъ по одному рублю съ верблюда. Умуровъ заплатилъ ему наемную плату, а верблюдовъ обѣщалъ отослать черезъ три дня, но обѣщанія своего не выполнилъ и вмѣстѣ съ верблюдами убѣжалъ въ Хиву. Бекмирзаевъ просилъ съѣздъ бievъ отобрать отъ Умурова верблюдовъ, такъ какъ онъ вернулся изъ Хивы и встрѣтился ему въ чебендинской волости»²⁾. Сюда же надо отнести наемъ рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій егинчами-кортомщиками, который разсмотрѣнъ выше.

По русскому законодательству, существенную принадлежность найма составляетъ срокъ³⁾. Съ научной точки зрѣнія договоръ найма безъ обозначенія срока не считается недѣйствительнымъ, при чемъ это вовсе не означаетъ, что договоръ заключенъ безсрочно (этого быть не можетъ, такъ какъ тогда пользованіе фактически перейдетъ въ право собственности), а изъ этого дѣлается тотъ выводъ, что срокъ договора оканчивается тогда, когда одинъ изъ контрагентовъ потребуетъ его прекращенія⁴⁾. Въ Осетіи при договорѣ имущественнаго найма не требуется обязательнаго обозначенія срока. Подтвержденіе сказанному находится въ двухъ замѣчаніяхъ М. Ковалевскаго: 1) говоря о заключеніи договора «амдзаринъ» («сожителство»), онъ пишетъ: «человѣкъ безземельный получаетъ въ пользованіе, болѣе или менѣе про-

¹⁾ Гродековъ, прилож. № 8, стр. 152, рѣш. № 6 и № 7.

²⁾ Гродековъ—прилож. № 8, стр. 147, рѣш. № 11.

³⁾ Т. X. ч. 1 ст. 1691.

⁴⁾ Мейеръ—стр. 495.

должительное, нерѣдко даже пожизненное, опредѣленный участокъ земли отъ собственника» и т. д.¹⁾; 2) упомянутый авторъ приводитъ слова Пфафа для характеристики осетинскаго половничества; «Если какой-нибудь родъ вздумаетъ выселиться, принадлежащая ему земля обыкновенно сдается имъ въ наемъ на столь продолжительные и неопредѣленные сроки, что временное пользование землею нерѣдко становится потомственнымъ арендой»²⁾. Такой наемъ безъ обозначенія срока совершается относительно недвижимаго имущества; что касается найма движимаго, то таковое, само собою разумѣется, по состоянію осетинскаго быта, бываетъ только на короткий срокъ.

Такое же положеніе дѣла относительно срока является въ договорахъ о наймѣ по киргизскому обычному праву. По крайней мѣрѣ, указаніе о срокѣ въ отношеніи недвижимаго имущества встрѣтилось всего только разъ: это—въ примѣрѣ о томъ, когда отводится за условленную плату мѣсто для зимовки чужеродцу; относительно срока тутъ такъ сказано: «отчасти ради добраго дѣла, отчасти изъ-за барыша, даютъ ему мѣсто, но не больше, какъ на одинъ годъ»³⁾. Установленіе такого срока обусловливается тѣмъ, что отводъ мѣста въ данномъ случаѣ производится по нуждѣ, снисходя къ горю человѣка, застигнутаго со своими стадами зимой вдали отъ собственной зимовки и зимовокъ своего рода. Въ примѣрѣ, касающемся движимыхъ предметовъ, о наймѣ верблюдовъ, срокъ былъ опредѣленно условленъ, именно: верблюды нанимались на время, потребное для перевозки при посредствѣ ихъ зернового хлѣба изъ № 4 аула чебендинской волости въ Казалинскъ, затѣмъ черезъ три дня по доставленіи груза они должны были быть отосланы обратно⁴⁾.

Совершенно съ тѣмъ же характеромъ срокъ встрѣчается въ русскомъ обычномъ правѣ. Договоры относительно недвижимаго имущества обыкновенно не заклю-

¹⁾ Ковалевскій—стр. 216.

²⁾ Н.—стр. 217.

³⁾ Гродековъ—стр. 123.

⁴⁾ Гродековъ—стр. 147 (приложеніе).

чаютъ указаній на maximum срока. Бываютъ, какъ у осетинъ, такіе случаи, что недвижимое имущество отдается въ пожизненное пользованіе. Наше законодательство¹⁾ отдѣляетъ пожизненное владѣніе отъ договора найма и не указываетъ, какой возмездной сдѣлкой оно можетъ быть установлено, такъ какъ упоминаетъ только безвозмездные способы: дареніе и завѣщаніе. По большей части договоръ найма имущества опредѣляетъ срокъ самымъ существомъ дѣла; напримѣръ, земля отдается подъ посѣвъ, подъ сѣнокосъ,—что означаетъ: срокъ договора оканчивается уборкою хлѣба или сѣнокоса въ томъ году, въ которомъ заключенъ договоръ, если онъ совершается весною, или въ слѣдующемъ, если осенью. Срокъ найма движимыхъ имуществъ, какъ у киргизовъ, опредѣляется тѣмъ же способомъ: лошадь отдается для проѣзда изъ одного пункта въ другой, или скоть для вспаханія земли, корова изъ опредѣленнаго числа телятъ²⁾.

Прекращается договоръ найма, какъ это слѣдуетъ отчасти изъ предыдущаго изложенія, отчасти изъ общихъ разсужденій, 1) истеченіемъ срока пользованія, 2) гибелью предмета, 3) при неопредѣленномъ срокѣ по желанію одной изъ сторонъ, 4) наймодавецъ можетъ взять предметъ при неплатежѣ условленной цѣны, 5) по обоюдному соглашенію. По русскому обычному праву, наемщикъ можетъ еще отказаться отъ договора по негодности предмета пользованія³⁾, но вопросъ этотъ относительно киргизскаго адата, за недостаткомъ матеріала, остается открытымъ.

Оканчивая настоящій отдѣлъ, необходимо упомянуть, что имущественный наемъ у киргизовъ, равно какъ и у осетинъ, является институтомъ мало развитымъ.

д) Ссуда.

Подъ ссудою разумѣется договоръ, въ силу котораго одна сторона обязывается доставить другой для опредѣ-

1) Ст. 514. т. х, ч. 1.

2) Пахманъ—стр. 156-158.

3) Н—стр. 170.

ленного безвозмездного пользо-владѣнія какую-либо движимую вещь на опредѣленный срокъ или чаще на неопредѣленный подь условіемъ возврата той же вещи¹⁾.

Ссуда обыкновенно совершается словесно, что объясняется кратковременностью этой сдѣлки.

Предметомъ ссуды въ киргизскомъ быту чаще всего служить скоть. Ссуда бываетъ безвозмездной, но съ обязанностью возвратить вещи въ цѣлости. Вотъ конкретные примѣры въ подтвержденіе сказаннаго.

Для воздѣлыванія земли на паяхъ ссужаютъ воловъ, лошадей и верблюдовъ²⁾. Подобное явленіе существуетъ у осетинъ подь названіемъ «ангустъ», или «ангосина». Это особый видъ ссуды, состоящій въ томъ, что во время пахоты сосѣдніе дворы взаимно ссужаютъ другъ друга скотомъ. Это не даровая сдѣлка, потому что одолжившій въ правѣ ожидать такой же услуги отъ сотоварищей. М. Ковалевскій эту особенную сдѣлку считаетъ возможнымъ назвать «общественною помощью»³⁾.

Маковецкій говоритъ, что киргизы ссужаютъ за деньги дойный скоть; но киргизъ Торгай опровергаетъ это сообщеніе и утверждаетъ, что за деньги дойный скоть въ ссуду не дается. Возраженіе Торгая цѣнно, такъ какъ оно показываетъ, что подь ссудой у киргизовъ подразумѣвается безмездная сдѣлка, какъ того требуетъ и теорія гражданского права. Тутъ отличіе киргизской ссуды отъ осетинской. Въ Осетіи ссуда бываетъ безвозмездной только для близкихъ родственниковъ, а для другихъ она совершается на весьма тяжкихъ условіяхъ⁴⁾ и въ этомъ случаѣ, значить, является уже въ формѣ найма.

Киргизы другъ друга поддерживаютъ услугами случайныхъ самцовъ. Такая поддержка, какъ ссуда, бываетъ безвозмездна. Впрочемъ, бѣдняки просятъ вознагражденіе, и имъ даютъ платокъ или другую какую-ни-

¹⁾ Пахманъ стр. 171 и записки профес. А. Х. Гольмстенъ.

²⁾ Гродековъ—стр. 123.

³⁾ Ковалевскій—стр. 205-206.

⁴⁾ Н.—стр. 205.

будь вещь, или же одоужаютъ рабочую скотину¹⁾). Но это, какъ кажется, не должно лишать сдѣлку характера ссуды, такъ какъ соглашеніе о вознагражденіи просится по бѣдности, а не требуется, и въ условіе сдѣлки не входитъ; кромѣ того, вознагражденіе бываетъ незначительное, а потому не должно оказывать вліянія на квалификацію сдѣлки подобно тому, какъ ничтожный имущественный эквивалентъ или ничтожная услуга не измѣняетъ характера даренія.

Объектомъ ссуды у киргизовъ еще бываютъ верблюды. Это усматривается изъ слѣдующаго показанія Торгая и Умбурека: «За верблюда, нанятаго возчикомъ за деньги у посторонняго лица и павшаго не по причинѣ наложенія чрезмѣрной тяжести, возчикъ не отвѣчаетъ передъ хозяиномъ верблюда; за верблюда же, взятаго въ пользованіе безъ платы, отвѣчаетъ. Впрочемъ, рѣдко платятъ сполна, ибо бѣи принимаютъ во вниманіе, что верблюдъ былъ данъ по знакомству и устраиваютъ сдѣлку на $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ стоимости животнаго. Требованіе по суду полной стоимости верблюда означало бы явный разрывъ упомянутыхъ отношеній»²⁾).

Приведенная выдержка еще разъ подтверждаетъ безмездность киргизской ссуды.

Во-вторыхъ, она показываетъ, что вознагражденіе за гибель ссуженной вещи большею частью бываетъ меньшей стоимости ея, тогда какъ, по русскому гражданскому праву, таковое взыскивается въ полной мѣрѣ³⁾). По обычному праву русскихъ крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей, полная стоимость вещи взыскивается только въ случаѣ злого умысла въ ея гибели или порчи со стороны ссудоприноимателя, въ случаѣ же нерадѣнія и недосмотра взысканіе уменьшается⁴⁾). Въ Римѣ, во время Сцеволы и ранѣе, получившій ссуду не отвѣчалъ за неосторожное поврежденіе вещи, а только въ случаѣ зло-

¹⁾ Гродековъ—стр. 116.

²⁾ Гродековъ—стр. 139.

³⁾ Ст. 2067 и 2068, т. X, ч. 1.

⁴⁾ Пахманъ—стр. 173.

намѣренной ея порчи. Такое же воззрѣніе есть среди русскихъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Ирландское право совсѣмъ освобождаетъ должника отъ отвѣтственности, если гибель вещи произошла отъ несчастнаго случая. Законы Уэльса поддерживаютъ этотъ же принципъ, но требуютъ для безотвѣтственности доказательствъ того, что обращеніе съ вещью было, какъ съ собственной, и ей не давалось другого назначенія, кромѣ условленнаго¹⁾.

Разбираемый примѣръ изъ киргизской жизни говоритъ, что при ссудѣ отвѣтственность за гибель вещи имѣетъ мѣсто, не взирая, произошла ли эта гибель по винѣ ссудо-брателя, или нѣтъ. По русскому обычному праву, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, ссудоприниматель отвѣчаетъ только за гибель или порчу въ случаяхъ злого умысла, нерадѣнія и недосмотра. Слѣдовательно, здѣсь отличіе киргизскаго обычнаго права отъ русскаго. Другое дѣло, если вещь была нанята: тутъ, по киргизскимъ воззрѣніямъ, отвѣтственность за гибель предмета возлагается на нанимателя только при злоупотребленіи: напримѣръ, за павшаго въ пути верблюда наниматель отвѣтствененъ въ томъ случаѣ, если тяжесть на него была возложена чрезмѣрная.

Взысканіе за издохшаго при такихъ условіяхъ верблюда опредѣляется слѣдующимъ образомъ. Каждый верблюдъ имѣетъ свою подъемную силу: нѣкоторые 12 пудовъ, другіе 18, наиболѣе сильные до 20 пудовъ. Хозяинъ, давая своего верблюда въ наемъ указываетъ предѣльный вѣсъ, свыше котораго нагружать нельзя. Если возчикъ наложить больше, и верблюдъ падетъ, то расчетъ вознагражденія за убытокъ производится такъ: стоимость верблюда раздѣляется на число пудовъ всего поднятаго груза, и частное умножается на число пудовъ груза, наложеннаго сверхъ нормы; возчикъ обязанъ уплатить столько частей, сколько было наложено лишнихъ пудовъ²⁾.

¹⁾ Ковалевскій—стр. 200.

²⁾ Гродековъ—стр. 139.

Наконецъ, изучаемая выдержка изъ сочиненія Гродекова свидѣтельствуешь, что при ссудѣ играютъ значительную роль нравственныя отношенія и, слѣдовательно, нѣтъ чисто-юридическихъ отношеній: недаромъ въ разсматриваемомъ примѣрѣ говорится о верблюдѣ, данномъ «по знакомству». На эту нравственную сферу обращаетъ вниманіе Мейеръ и добавляетъ: «Вотъ почему и въ римскомъ правѣ, отличающемся полнотою своихъ опредѣленій, такъ называемый «*gratuitum*», т. е. безвозмездное предоставленіе пользованія вещью до востребованія, остался чуждымъ регламентаціи законодательства»¹⁾.

Любопытно отмѣтить, какъ у киргизовъ производится удовлетвореніе хозяина, если лошадь, взятая въ ссуду, похудѣетъ отъ усиленной работы. Въ этомъ случаѣ ссудобратель обязанъ поправить лошадь и представить въ томъ видѣ, въ какомъ была взята; если же онъ по бѣдности не въ состояніи этого сдѣлать, то долженъ придать «майлыкъ», т. е. плату за жиръ или спавшее тѣло²⁾. По законамъ герцогства Уэльскаго, ссудодатель также былъ въ правѣ требовать себѣ вознагражденія, если въ полученной въ ссуду лошади окажется какой либо недостатокъ въ моментъ возвращенія ссуды³⁾.

По индусскому праву, когда ссуда производится скотомъ или рабынями, процентовъ не полагается, такъ какъ приростъ идетъ въ пользу кредитора. То же самое, должно быть, имѣется въ виду Русской Правдой, когда въ постановленіяхъ о ростѣ она включаетъ расчеты о томъ, сколько приросту можетъ быть отъ козъ, овецъ, свиней, кобылъ, коровъ, пчелъ и т. д. въ десяти и двѣнадцатилѣтній срокъ⁴⁾. Подобное, хотя нѣсколько неясное, воззрѣніе киргизскаго народа занесено въ § 180 сборника Самоквасова: «Кобылы, коровы и овцы, бывшія въ чужихъ рукахъ годъ, два или болѣе взыскиваются по добровольной отдачѣ съ приплодомъ, какой

1) Мейеръ—стр. 506.

2) Словохотовъ—стр. 121.

3) Ковалевскій—стр. 201.

4) Ковалевскій—стр. 201.

былъ, кромѣ барантою угнанныхъ; по сей барантѣ скотъ взыскивается только штука за штуку».

По осетинскому праву, когда ссуда скота производится безвозмездно и на долгій срокъ, приростъ поступаетъ въ пользу заемщика, въ противномъ случаѣ — въ пользу кредитора¹⁾).

Въ только что приведенныхъ ссылкахъ на индусское и осетинское право употреблено выраженіе «ссуда» для обозначенія такихъ сдѣлокъ, которыя не обозначаются этимъ именемъ по современному праву: ссуда, какъ извѣстно, безвозмездная сдѣлка, а тутъ говорится о возмездной ссудѣ и о процентахъ. Объясняется это тѣмъ, что М. Ковалевскій, изъ сочиненія котораго взяты цитаты, ссуду и заемъ не различаетъ, а изучаетъ ихъ подъ общимъ названіемъ долгового соглашенія, употребляя слова «ссуда» и «заемъ» въ житейскомъ смыслѣ. Основаніе для этого то, что въ первобытномъ юридическомъ строѣ невозможно обособить другъ отъ друга эти два рода сдѣлокъ²⁾). Поэтому М. Ковалевскій рассматриваетъ ссуду безвозмездную и возмездную. Послѣдняя близко подходитъ къ займу, но только объектомъ ея служатъ не только деньги, а и другія имущества, не исключая недвижимыхъ³⁾).

Въ Осетіи предметомъ ссуды главнымъ образомъ служить скотъ, оружіе, хлѣбное зерно для посѣвовъ съ обязанностью вернуть съ «присыпомъ» и въ былое время женщины-рабыни⁴⁾). По киргизскому адату, какъ было указано, чаще всего скотъ является объектомъ ссуды, но, кромѣ того, и другія вещи первой необходимости берутся въ ссуду. Послѣднее не можетъ не встрѣчаться на той ступени развитія, на какой находятся киргизы; подтвержденіе этому имѣется въ сочиненіи Гродекова: «Въ отсутствіи мужа она (жена) управляетъ имуществомъ, напримѣръ, даетъ по требованію мужнина

1) Н. — стр. 205.

2) Ковалевскій — стр. 194—195.

3) Н. — стр. 197.

4) Н. — стр. 208.

друга, если онъ благонадежный, вещи на подержаніе». Дача вещей на подержаніе и есть ссуда. Маковецкій также сообщаетъ, что изъ вещей отдаются въ пользованіе бесплатно курты, телѣги и тому подобное¹⁾.

е) Заемъ.

Профессоръ А. Х. Гольмстенъ даетъ слѣдующее опредѣленіе займа: «Подъ займомъ разумѣется такое правоотношеніе, въ силу котораго данное лицо обязуется возвратить взятую у другого лица въ займы извѣстную сумму денегъ въ опредѣленный срокъ или по востребованію²⁾). Такимъ образомъ, предметомъ займа могутъ быть только деньги. Дефиниціи другихъ ученыхъ огличаются отъ изложеннаго взгляда. Такъ, профессоръ С. В. Пахманъ займомъ называетъ «такой договоръ, по которому одна сторона въ качествѣ кредитора предоставляет другой въ собственность опредѣленное количество замѣнимыхъ вещей подъ условіемъ возврата впослѣдствіи такихъ же вещей³⁾. Затѣмъ, С. В. Пахманъ поясняетъ, что въ заемъ могутъ быть даваемы не только деньги, но и другія замѣнимыя вещи, напримѣръ—хлѣбъ⁴⁾). Профессоръ Д. И. Мейеръ даетъ опредѣленіе, сходное съ воззрѣніемъ только что поманутаго ученаго: «Заемъ предоставляетъ собою такое соглашеніе воли двухъ лицъ, по которому одно, вѣритель или займодавецъ, обязывается безвозмездно или за извѣстное вознагражденіе предоставить другому въ собственность какой-либо предметъ, опредѣляемый не индивидуально, а мѣрою, вѣсомъ или счетомъ, а другое лицо, должникъ или заемщикъ, въ извѣстный срокъ возвратить ему такой же предметъ, не тотъ же самый, а того же качества и въ томъ же количествѣ»⁵⁾). И далѣе тотъ же профессоръ говоритъ: «Предметомъ займа, такимъ образомъ, могутъ быть не

1) Маковецкій—стр. 53.

2) Записки проф. А. Х. Гольмстенъ

3) Пахманъ—стр. 174.

4) Н.—стр. 175.

5) Мейеръ—стр. 479.

только деньги, но и другія имущества, напримѣръ: хлѣбъ, съѣстные припасы и т. д.»¹⁾

Различіе во взглядахъ между первымъ ученымъ и двумя послѣдними произошло оттого, что русское законодательство понятіе займа ограничиваетъ только деньгами. При принятіи взгляда русскаго закона, займу, объектомъ котораго являются другіе предметы (потребляемые и замѣнимые), присвоивается названіе заимообразной ссуды. Обычное право русскихъ крестьянъ расширяетъ понятіе займа. Уже въ древности встрѣчался заемъ жита (хлѣба), меда и прочаго. Въ настоящее время предметомъ займа, по обычаю, могутъ быть и деньги и другія замѣнимыя вещи, напримѣръ: хлѣбъ, шерсть. Киргизскій адатъ точно такъ же понимаетъ заемъ. Въ виду этого, въ дальнѣйшемъ изложеніи слово «заемъ» будетъ употребляться въ широкомъ смыслѣ.

У киргизовъ объектомъ займа прежде всего являются деньги²⁾, затѣмъ зерно на посѣвъ, чай, сахаръ и другіе товары³⁾, наконецъ скоть. Иногда скоть берутъ въ долгъ съ цѣлью продажи. При уплатѣ отдаютъ животныхъ той же породы⁴⁾. Здѣсь отлічіе киргизскаго обычнаго права отъ такового же права русскихъ крестьянъ: займа скота у послѣднихъ не встрѣчается⁵⁾. Кромѣ того, у нихъ денежныя займы бывають рѣже, чѣмъ займы другого имущества⁶⁾; этого нельзя сказать про киргизовъ.

Займы въ степи совершаются въ словесной и письменной формахъ. Присутствіе свидѣтелей или поручителей при этомъ не обязательно; но вообще стараются имѣть свидѣтелей⁷⁾. Долгъ, по киргизскому адату, можетъ быть доказываемъ свидѣтельскими показаніями. Такъ, въ 1884

¹ Н.—стр. 479.

² Пахманъ—стр. 175

³ Гродековъ—стр. 130.

⁴ Крафтъ—стр. 89.

⁵ Гродековъ—стр. 130.

⁶ Пахманъ—стр. 175 и примѣчаніе 4-е на той же страницѣ.

⁷ Н.—стр. 175.

году ташкентскій сартъ Миръ Сеидъ доказаль свидѣтельскими показаніями свой искъ съ киргиза Кума¹⁾.

Если свидѣтелей и расписки нѣтъ, а отвѣтчикъ отрицаетъ существованіе долга, то налагается присяга на общемъ основаніи, какъ при совершеніи преступленія, однако долгъ взыскивается безъ штрафа²⁾. Если же отвѣтчикъ показываетъ, что онъ дѣйствительно былъ долженъ истцу, но деньги заплатилъ, то присяга дается истцу³⁾. Это же самое подтверждается постановленіемъ въ § 176 у Самоквасова въ отношеніи сибирскихъ киргизовъ: «Кто въ долгу запрется, а порукъ и свидѣтелей не было, претендатель съ отвѣтчикомъ идутъ на судъ къ судѣ, который опредѣляетъ съ претендателя присягу, а если дать оную, тогда получаетъ сполна искъ; въ противномъ случаѣ лишается онаго». По обычаю русскихъ крестьянъ, при совершеніи займа безъ участія свидѣтелей и расписки, у кредитора не остается средствъ доказать долгъ. «Несмотря на это», по замѣчанію Пахмана, «въ крестьянскомъ быту рѣдко случается, чтобы должникъ отпирался»⁴⁾. Что касается отечественнаго законодательства, то по нему словесный заемъ совершенно не пользуется судебной защитой и не можетъ быть под-держиваемъ показаніями свидѣтелей.

Если какой нибудь киргизъ состоитъ должнымъ другому по письменному долговому обязательству, то по нему взыскиваются деньги, хотя бы онъ иска не призналъ дѣйствительнымъ. Такова сила письменнаго долговаго обязательства⁵⁾. Конечно, письменное долговое обязательство имѣетъ силу только тогда, когда оно будетъ признано судомъ дѣйствительнымъ. Въ этомъ отношеніи имѣются любопытные примѣры въ рѣшеніяхъ киргизскихъ судебныхъ органовъ. Въ 1878 году съѣздъ біевъ Кураминскаго уѣзда разсмотрѣлъ дѣло по иску киргиза Ора-

1) Гродековъ, прил. № 8, стр. 180, рѣш. № 34.

2) Гродековъ—стр. 129 и стр. 172 (прил.) № 12.

3) Н.—стр. 130.

4) Пахманъ—стр. 176.

5) Гродековъ—стр. 130.

за съ другого киргиза Аббасъ-Ходжи по «распискѣ» 300 рублей. Ходжа показаль, что онъ былъ долженъ Оразу эти деньги, но заплатилъ ихъ; когда онъ сталъ просить у истца обратно свою «расписку», то тотъ отвѣтилъ, что она утеряна, въ удостовѣреніе чего далъ ему «расписку» въ присутствіи свидѣтеля, приложившаго печать Магомета Юсуфова. «Расписка» эта Ходжей была представлена въ судъ. Истецъ Оразъ опровергалъ возраженіе отвѣтчика, говоря, что у него самого была и есть печать, а «расписку» отвѣтчика призналъ не дѣйствительною. Вслѣдствіе этого, по адату, Оразу было предложено принять присягу. Въ назначенный день истецъ это требованіе выполнилъ. Судъ постановилъ взыскать съ Аббасъ-Ходжи въ пользу Ораза 300 рублей¹⁾. Другой примѣръ. Въ томъ же году и тѣмъ же съѣздомъ рассмотрѣно дѣло по жалобѣ киргиза Чакана Джорунбаева о взысканіи съ Алтибая 84 рублей по «распискѣ». При разборѣ дѣла, отвѣтчикъ Алтибай показаль, что онъ заплатилъ эти деньги и въ полученіи ихъ взялъ «расписку». Такъ какъ послѣдняя не удовлетворяла своему назначенію, а «расписка» истца составлена была какъ слѣдуетъ, то, признавъ ее дѣйствительною, съѣздъ биевъ постановилъ взыскать съ Алтибая въ пользу Джорунбаева 84 рубля²⁾. Еще примѣръ. Съѣздъ биевъ того же Кураминскаго уѣзда и въ томъ же году рассмотрѣлъ дѣло по иску повѣреннаго сироты, дочери покойнаго Сатибалдія, о взысканіи по «распискѣ» съ ташкентскаго киргиза Алтибая 25 рублей съ процентами. Алтибай иска не призналъ. Тогда съѣздъ биевъ сличилъ печати Алтибая и нашель, что на «распискѣ» дѣйствительно его печать. Поэтому судъ, признавъ «расписку» за дѣйствительную, постановилъ взыскать съ отвѣтчика Алтибая 25 рублей съ процентами³⁾. Итакъ «расписка»⁴⁾ признается судомъ дѣйствительною только послѣ тщательнаго раз-

1) Гродековъ, прилож. № 8, стр. 177, рѣш. № 26.

2) Гродековъ, прил. № 8, стр. 177, рѣш. № 27.

3) Н.—стр. 177, рѣш. № 28.

4) Расписка—въ приводимыхъ примѣрахъ подъ „распиской“ надо подразумѣвать „письменное обязательство“.

слѣдованія различными способами: при помощи присяги, послѣ разсмотрѣнія, соблюдены ли при составленіи «расписки» формальныя условія, черезъ сличеніе дѣйствительной печати со снимкомъ и другими средствами. Существованіе утеряннаго письменнаго долгового обязательства можетъ тоже доказываться различными способами.

Въ рѣшеніяхъ біевъ встрѣчается такой случай. Киргизъ Мулла Ишъ Магометъ просилъ о взысканіи съ киргиза Кулбіева 72 рублей за годовичное обученіе его сына. Отвѣтчикъ иска не призналъ, говоря, что онъ истцу со-всѣмъ ничего не долженъ, Истецъ показалъ, что у него была бумага, гдѣ было сказано, что Кулбіевъ долженъ ему 72 рубля за обученіе сына его въ теченіе одного года. Эту бумагу онъ представилъ уѣздному начальнику, но она пропала у него со стола; объ этомъ онъ имѣетъ свидѣтельство уѣзднаго начальника, которое и представилъ. Съѣздъ біевъ постановилъ взыскать съ Кулбіева въ пользу Мулла Ишъ Магомета 72 рублей¹⁾.

Кромѣ этого, киргизы выдаютъ еще векселя, какъ это видно изъ дѣлъ народныхъ судовъ. Векселя эти также подлежатъ судебному разсмотрѣнію со стороны ихъ дѣйствительности²⁾.

Какъ было замѣчено выше, иногда при займѣ бываютъ поручители. Они несутъ извѣстныя обязанности, которыя такъ изложены въ § 178 у Самоквасова: «Буде кто по комъ ручается въ платежѣ иска, а послѣ будетъ не въ состояніи платить, или же въ срокъ не заплатитъ, оный обязанъ непремѣнно тотъ искъ заплатить; въ случаѣ же несостоянія, буде истецъ не отсрочить, то поступаетъ къ нему въ работники; а если кто, поручась по комъ въ платежѣ иска, послѣ будетъ отъ того отрекаться, то долженъ выставить изъ аула своего одного достойнаго принять за него присягу, на которой и рѣшеніе потомъ основывается».

Что касается юридическихъ отношеній по займу, то они сводятся главнымъ образомъ къ обязанностямъ долж-

¹⁾ Гродековъ—прил. № 8, стр. 178, рѣш. № 30.

²⁾ Н.—стр. 169, рѣш. № 3.

ника. Должникъ обязанъ уплатить въ срокъ занятое количество денегъ или представить вещь. Взыскивать проценты не обязательно: даютъ въ долгъ съ процентами и безъ нихъ¹⁾. Если заемъ былъ сдѣланъ съ условіемъ о процентахъ, то, кромѣ занятой суммы, должны быть уплачены кредитору и проценты²⁾. Долгъ необходимо погашать въ срокъ. «Кто долга въ срокъ не заплатитъ и платить будетъ нечѣмъ, таковому даютъ отсрочку; если же и по отсрочкѣ не заплатитъ, то обязанъ долгъ сей зарабатывать»; такъ говоритъ § 175 у Самоквасова.

Въ этомъ отношеніи осетинское право отличается отъ киргизскаго. Осетины при заключеніи займа не договариваютъ никакихъ условій на счетъ срока уплаты. Сдѣлавшій заемъ выполняетъ обязательство тогда, когда будетъ въ состояніи это сдѣлать. Дотолъ съ него требуется только уплата положенныхъ процентовъ³⁾. Такая особенность присуща не одному только осетинскому праву,—она свойственна вообще древнему праву. Въ кодексахъ Индіи не было никакихъ предписаній на счетъ обязательности срока. Закупы «Русской Правды», видимо, тоже были безсрочными заемщиками. Безразличное отношеніе древняго права къ сроку займа объясняется отсутствіемъ исковой давности⁴⁾. Есть различіе въ киргизскомъ адатѣ и отъ русскаго обычнаго права, въ которомъ неуплата займа не влечетъ обязательной отработки. Правда, у крестьянъ, особенно юго-западныхъ губерній, очень часто случается уплата долга трудомъ, но это бываетъ только тогда, когда договоръ былъ заключенъ именно подъ этимъ условіемъ⁵⁾.

Разиѣръ киргизскихъ процентовъ весьма высокъ. По сообщеніямъ туземцевъ, честные киргизы берутъ 20% въ годъ⁶⁾. Это надо считать процентами ниже нормальныхъ. Изъ рѣшенія бѣевъ въ 1884 году по дѣлу

¹⁾ Гродековъ—стр. 129.

²⁾ Н.—стр. 130.

³⁾ Ковалевскій—стр. 210.

⁴⁾ Н.—стр. 198.

⁵⁾ Пахманъ—стр. 177.

⁶⁾ Гродековъ—стр. 129.

киргиза Молла Тилу видно, что самъ судъ назначилъ взыскать съ должниковъ проценты по расчету четыре рубля со ста въ мѣсяцъ, — слѣдовательно, въ годъ 48⁰/₁). У каракиргизовъ за нормальные проценты считаются 60⁰/₁₀₀ годовых²). Проценты ростовщиковъ, которыхъ такъ много въ степи, достигаютъ ужасающихъ цифръ 200⁰/₁₀₀—500⁰/₁₀₀ годовых³). Въ 1884 году на судъ биевъ фигурировала долговая «расписка» киргиза Джинтаева, по которой онъ обязался платить по одной копѣйкѣ съ рубля въ сутки, т. е. 365⁰/₁₀₀ годовыхъ; такая цифра нисколько не удивила судъ⁴). Такихъ процентовъ не знаетъ русское обычное право; наибольшіе проценты встрѣчаются въ юго-западномъ краѣ по займамъ крестьянъ у евреевъ, гдѣ денежный ростъ иногда доходитъ до 150⁰/₁₀₀ въ годъ, обыкновенно же около 70⁰/₁₀₀⁵). У осетинъ проценты за это же время достигаютъ 30⁰/₁₀₀⁶). Любопытно у М. Ковалевскаго объясненіе, почему такіе проценты взимаются у осетинъ. Въ то время, когда осетины не знали денежныхъ знаковъ, мѣноюю единицей считалась корова. Такъ какъ отъ коровы можно ждать ежегоднаго приплода, то осетинскій обычай въ долговомъ правѣ установилъ такое правило: взявшій въ ссуду корову въ концѣ года долженъ вернуть ее съ теленкомъ, а въ концѣ двухъ лѣтъ — вмѣстѣ съ коровой, такъ какъ въ это время теленокъ способенъ сдѣлаться коровой; такимъ образомъ въ теченіе двухъ лѣтъ капиталъ удвоился. Прилагая этотъ расчетъ къ денежнымъ ссудамъ, осетины пришли къ выводу, что съ должниковъ къ концу года слѣдуетъ взыскивать половину отданной въ заемъ суммы. Индусы нѣкогда тоже знали этотъ расчетъ⁷).

Ростовничество по русскимъ законамъ карается тяжкимъ наказаніемъ, но оно совсѣмъ не извѣстно, какъ

1) Н.—стр. 180 [прил.), рѣш. № 35.

2) Н.—стр. 129 (прил.)

3) Крафтъ—стр. 89.

4) Гродековъ—стр. 179 (прил.) рѣш. № 33.

5) Пахманъ—стр. 177.

6) Ковалевскій—стр. 211.

7) Ковалевскій—стр. 211.

преступленіе, киргизскому народному обычаю, а потому и не наказуемо¹⁾).

Киргизамъ извѣстенъ обычай при отдачѣ займы скота взыскивать, вмѣсто процентовъ, приплодъ. Гродековъ сообщаетъ, что, если были взяты въ долгъ самки, то черезъ годъ отдаютъ ихъ съ приплодомъ; иногда прибавкою, вмѣсто приплода, служатъ другія скотины или деньги, смотря по условію²⁾). Равнымъ образомъ, о возвращеніи скота съ приплодомъ, какъ было говорено выше, имѣются свѣдѣнія у Самоквасова³⁾). Въ индусскомъ правѣ существовало правило, по которому процентовъ не полагалось, когда заемъ совершался скотомъ или рабами, потому что приростъ шелъ въ пользу кредитора⁴⁾). У киргизовъ вполнѣ зависитъ отъ условія, какъ получить вознагражденіе за одолженіе: приплодомъ ли, деньгами, или другимъ скотомъ.

Первобытное право знаетъ обезпеченіе роста съ занятаго капитала тѣмъ, что кредиторъ беретъ у должника въ пользованіе извѣстный земельный участокъ, который остается въ рукахъ кредитора до уплаты долга. Такъ, напримѣръ, было въ Швеціи, по древнему законодательству. Если всмотрѣться въ конструкцію такого займа, то окажется, что тутъ заемъ соединенъ съ залогомъ въ его древнѣйшей формѣ (*nantissement*)⁵⁾). Такого порядка вещей въ киргизскомъ адатѣ нѣтъ.

Та же цѣль, т. е. своевременное полученіе дохода съ капитала, отданнаго займы, въ древнемъ правѣ достигалась своеобразнымъ соединеніемъ должника и наймита: должникъ обязывался производить безвозмездно какія-либо работы въ пользу кредитора до тѣхъ поръ, пока долгъ не будетъ погашенъ полностью. Подобное соединеніе допускалось «Русской Правдой» въ формѣ закупничества: должникъ становился на время работникомъ

¹⁾ Крафтъ—стр. 91.

²⁾ Гродековъ—стр. 130.

³⁾ Самоквасовъ—стр. 275, § 180.

⁴⁾ Ковалевскій—стр. 201.

⁵⁾ Ковалевскій—стр. 202 и 214. Видѣть тутъ залогъ въ современномъ смыслѣ нельзя, потому что кредитору предоставлено право пользованія.

своего кредитора¹⁾. Нѣчто подобное имѣется въ настоящее время въ обычаяхъ русскихъ крестьянъ. Напримѣръ, иногда поставляется условіемъ, какъ бы взаимнъ процентовъ, оказать какую-нибудь услугу: помочь при запашкѣ или въ уборкѣ хлѣба, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ заемъ заключается съ условіемъ весь долгъ покрыть работой²⁾. Послѣдній видъ займа Чубинскій называетъ «займомъ денегъ съ уплатою трудомъ». Пахманъ болѣе склоненъ подводить его подъ сдѣлки личнаго найма, заключаемаго съ выдачею задатка или всей рядной платы впередъ³⁾. Однако то, что приведено въ примѣръ изъ современнаго быта нашихъ крестьянъ, значительно отличается отъ указаннаго выше института соединенія въ одномъ лицѣ должника и наймита. Въ послѣднемъ случаѣ обязанность должника имѣетъ длительный характеръ: онъ вынужденъ работать до тѣхъ поръ, пока весь долгъ будетъ уплаченъ. Не то въ приведенныхъ двухъ примѣрахъ: въ первомъ—услуга (уборка хлѣба, запашка), разъ выполненная, вполне погашаетъ уплату процентовъ, послѣ чего остается только капитальный долгъ; во второмъ—весь долгъ безъ остатка покрывается совершеніемъ условленной работы. У киргизовъ опять не встрѣчается такого рода займа.

Древнее право при займѣ требуетъ возвращенія кредитору занятаго у него предмета, а не его имущественнаго эквивалента; должникъ получаетъ только право пользоваться вещью до наступленія срока уплаты. Такой порядокъ вещей извѣстенъ Салической и Рипуарской Правдамъ. Индусскіе своды требуютъ возвращенія предмета въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ полученъ должникомъ. Рѣзче всего обязанность возвращенія не иного предмета, какъ занятаго, очерчена въ древнемъ римскомъ правѣ, гдѣ не исполнившій ея приравнивался вору⁴⁾. Эта черта до сихъ поръ сохранилась въ осетинскомъ займѣ. Конечно, она не встрѣчается въ тѣхъ слу-

¹⁾ Ковалевскій—стр. 203.

²⁾ Пахманъ—стр. 177.

³⁾ Пахманъ—стр. 178.

⁴⁾ Ковалевскій—стр. 199.

чаяхъ, когда объектомъ займа являются деньги и хлѣбъ¹⁾. Такимъ образомъ осетинскій заемъ—договоръ совершенно не похожъ на тотъ, какой извѣстенъ подъ этимъ именемъ позднѣйшему римскому праву и нашему десятому тому²⁾. Уже по изложенному выше можно судить, что киргизскій заемъ не имѣетъ такой особенности. Современное право исключаетъ изъ объекта займа недвижимыя вещи. Такое исключеніе не извѣстно было первобытному праву. «Русская Правда», видимо, знала заемъ недвижимости: ея ролейныя закупы—не кто другой, какъ заемщики, получавшіе отъ собственника недвижимости вмѣстѣ съ рабочимъ инвентаремъ необходимое количество земли, съ обязательствомъ вмѣсто процентовъ служить безвозмездно³⁾. Киргизскій адатъ не знаетъ займа недвижимости: въ киргизской жизни нѣтъ для него нужныхъ условій, такъ какъ свободной земли еще много.

Взысканіе долга совершается судебнымъ порядкомъ. «Если отвѣтчикъ, въ какомъ-нибудь искѣ бывъ обвиненъ и не раздѣлавшись съ просителемъ, умереть, то за него искъ платить сынъ и совмѣстно жительствующій съ нимъ братъ, такъ же и тѣ, кои въ семь дѣлъ были участниками; не имѣвшіе же участія и въ раздѣлѣ состоящіе ничего не платятъ; если же ни дѣтей, ни брата, ни участвовавшихъ послѣ умершаго не будетъ, и имѣнія у него не найдется, то предають суду Божию искъ сей»⁴⁾. Отвѣтственнымъ за долги является и тотъ братъ, который получилъ наслѣдство. Это можно заключить изъ слѣдующаго дѣла, разобранныго въ 1878 году чардаринскими волостными біями. Чалданбай Бай Магомедовъ жаловался судьямъ, что киргизѣ Бабай послѣ смерти брата Дуства «владѣетъ имуществомъ покойнаго, а долговъ его не хочетъ платить». Разсмотрѣвъ дѣло, біи постановили взыскать съ Бабая изъ имущества его покойнаго брата Дуства въ пользу истца 22 тилли⁵⁾. Ес-

¹⁾ Ковалевскій—стр. 204 и 209.

²⁾ Н.—стр. 210.

³⁾ Н.—стр. 197.

⁴⁾ Самоквасовъ—стр. 274, § 177.

⁵⁾ Гродековъ—стр. 176 (прилож.), рѣш. № 23.

ли отвѣтчикъ окажется несостоятельнымъ къ уплатѣ или скроется, не оставивъ имущества, то взысканіе распространяется на его десятокъ; по истощеніи средствъ десятка — на пятидесятокъ, а потомъ на аулъ¹⁾. Въ древности, при несостоятельности плательщика, за него платилъ не десятокъ, пятидесятокъ, а прямо все колѣно или весь аулъ. Напримѣръ, если несостоятельный отвѣтчикъ былъ изъ другого колѣна, но того же рода, истецъ получалъ взысканіе со всего колѣна, а когда отвѣтчикъ былъ изъ другого рода, то со всего рода²⁾. Въ основѣ такого порядка вещей, безъ сомнѣнія, лежитъ родовое начало. Впрочемъ, въ настоящее время общество можетъ отказаться отъ платежа взысканія за своего члена, принуждая его итти въ работники³⁾. Если отвѣтчикъ пріѣзжій, то взысканіе распространяется на его попутчиковъ, соторговцевъ, домашнихъ. Если таковыхъ нѣтъ или они несостоятельны, то отвѣтчикъ можетъ быть отданъ въ работники⁴⁾. Упомянутая насильственная отдача въ работники, равно какъ покупка за калымъ женъ, — два странныхъ явленія въ киргизской жизни, въ остальномъ насквозь проникнутой индивидуалистическими тенденціями.

Приведенныя указанія о переходѣ имущественной отвѣтственности, при несостоятельности должника или послѣ смерти, на его семейныхъ, на родовичей и, наконецъ, даже на спутниковъ и соторговцевъ, свидѣлствуютъ о достаточныхъ гарантіяхъ въ степи интересовъ кредиторовъ. Этимъ, вѣроятно, объясняется сравнительная невыработанность у киргизовъ института поручительства. Таковую же защиту интересы кредиторовъ встрѣчаютъ въ осетинскомъ быту, если не большую, потому что въ немъ въ сильнѣйшей степени развита общность имущества, и обязательства заключаются не иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ членовъ кровнаго союза⁵⁾.

¹⁾ Гродековъ — стр. 198.

²⁾ Н. — стр. 198.

³⁾ Гродековъ — стр. 198.

⁴⁾ Н. — стр. 199.

⁵⁾ Ковалевскій — стр. 166.

Въ настоящее время наложеніе имущественной отвѣтственности на общину и на случайныхъ людей является въ киргизскомъ быту отжившимъ началомъ, потому что, вслѣдствіе перемѣнившихся условій жизни, имущество все болѣе и болѣе приурочивается къ личности и къ тѣсному кругу семьи, и потому, что личность въ своихъ дѣйствіяхъ стала свободнѣе и не обязана, какъ прежде, просить позволенія передъ приходомъ и уходомъ¹⁾.

Д) Обязательства, относящіеся къ личнымъ услугамъ.

а) Личный наемъ.

Личный наемъ сводится къ сдѣлкѣ, на основаніи которой одна сторона (нанимающійся работникъ) обязывается за извѣстное вознагражденіе и въ теченіе опредѣленнаго времени исполнить извѣстную работу или оказать опредѣленныя услуги матеріальнаго свойства другой сторонѣ (нанимателю, хозяину)²⁾. Подъ это понятіе подойдутъ: а) личный наемъ въ собственномъ смыслѣ, б) заказъ, т. е. всякая единичная работа, и в) договоръ обученія:

Отношенія личнаго найма въ киргизскомъ быту слабо развиты и мало опредѣленны.

Слугъ нанимаютъ: 1) для пастьбы скота, 2) для полевыхъ работъ («эгинчи»), 3) для домашнихъ услугъ («джигить») и 4) для официальныхъ порученій у волостного управителя, бія и т. п.

Стрижка барановъ, посѣвъ, поливка и уборка пшеницы и ячменя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производится хлѣбопашество, и въ послѣдніе годы кошеніе сѣна близъ зимовокъ, приготовленіе кизяка³⁾, мытье бѣлья и всякія другія работы во всѣхъ аулахъ охотно исполняются бѣднѣйшими киргизами за умѣренную плату скотомъ и вещами⁴⁾.

1) Гродековъ—стр. 199.

2) Пахманъ—стр. 182 и записки профес. А. Х. Гольмстенъ.

3) Кизякъ—топливо изъ навоза.

4) Колмогоровъ—стр. 5.

Сибирскіе киргизы нанимаются также въ работу на частные золотые пріиски, находящіеся въ степяхъ по условію съ русскими золотопромышленниками или ихъ управляющими¹⁾.

Что касается формы совершенія договора личнаго найма, то онъ, какъ и у русскихъ крестьянъ, заключается обыкновенно словесно, при чемъ не требуется обязательнаго участія свидѣтелей²⁾.

Обязанности нанимателя сводятся къ слѣдующему. Хозяинъ обязанъ производить рабочему условленную плату, обыкновенно натурой³⁾, Вознагражденіе за трудъ у киргизовъ обыкновенно дается или за весь годъ впередъ, или половину, а остальная часть выплачивается въ извѣстный срокъ. При отказѣ одной стороны, дѣлается расчетъ по днямъ, и работникъ обязанъ возвратить хозяину излишне полученное⁴⁾. Изъ рѣшеній волостныхъ судовъ русскихъ крестьянъ усматривается, что часть рабочей платы въ видѣ задатка или иногда и вся рабочая плата также уплачивается рабочему впередъ. Это объясняется тѣмъ, что крестьяне идутъ въ работники при неотложной нуждѣ въ деньгахъ⁵⁾.

Срокъ найма у киргизовъ обыкновенно годъ, рѣдко помѣсячно или подевно. Договоръ о срокѣ, видимо, имѣетъ только нравственное значеніе. потому что каждая сторона въ любой моментъ можетъ отказаться, при томъ, однако, условіи, чтобы работникъ возвратилъ хозяину излишне полученную плату⁶⁾.

Хозяинъ обязанъ обращаться съ работникомъ чело-вѣколюбиво. Въ виду этого киргизы своимъ слугамъ даютъ нѣжныя имена, какъ-то «сынъ мой («баламъ»), мой чело-вѣкъ («адамымъ»), мой глазъ («кузимъ»). Послѣднее названіе дается испытаннымъ и любимымъ слугамъ; оно обязываетъ слугу предотвращать убытки, хотя бы они не

1) Н—стр. 6.

2) Пахманъ—стр. 185 и Гродековъ—стр. 118.

3) Маковецкій—стр. 57.

4) Гродековъ—стр. 118.

5) Пахманъ стр. 188.

6) Гродековъ—стр. 118.

касались его специальности¹⁾. Хозяинъ можетъ бранить слугу и даже бить до трехъ ударовъ нагайкою²⁾. Это не противорѣчитъ вышеизложенному взгляду, что киргизъ — хозяинъ долженъ въ обращеніи съ наемникомъ быть обходительнымъ, во-первыхъ, потому, что сама среда малокультурнаго народа груба, а, во-вторыхъ, потому, что съ четвертаго удара хозяинъ считается виноватымъ, и на него можно жаловаться судѣ; слѣдовательно, хозяйскому произволу положенъ предѣлъ.

Слуга не имѣетъ права ни бранить, ни бить хозяина, подѣ страхомъ присужденія къ штрафу и испрошенію прощенія. Въ случаѣ взаимныхъ побоевъ, дѣло оставляется безъ вниманія³⁾.

По обычному праву русскихъ крестьянъ, рабочій не долженъ также позволять грубыхъ поступковъ какъ въ отношеніи нанимателя, такъ и членовъ его семьи. Грубое обращеніе рабочаго съ нимъ раньше влекло наказаніе розгами, арестомъ или штрафомъ въ пользу мірскихъ суммъ⁴⁾.

Прислуга у киргизовъ отвѣчаетъ за умышленное нанесеніе ущерба. За ущербъ и потери, происшедшіе по нерадѣнію и недосмотру, слуга не платитъ, исключая того случая, когда было условіе платить⁵⁾. Въ настоящее время нѣкоторые заставляютъ слугъ платить за происшедшій по нерадѣнію ущербъ. Большею же частью нерадиваго отпускаютъ съ расчетомъ за зажитое, не полагая штрафа⁶⁾. По обычаямъ русскихъ крестьянъ, нерадѣніе, происходящее въ этомъ быту большею частью отъ пьянства, влекло въ прежнее время наказаніе розгами и арестомъ; кромѣ того, иногда волостные суды обязывали рабочаго, нанесшаго нерадѣніемъ убытки хозяину, вознаградить нанимателя⁷⁾.

¹⁾ Н.—стр. 118.

²⁾ Н.—стр. 119.

³⁾ Гродековъ—стр. 119.

⁴⁾ Пахманъ—стр. 196.

⁵⁾ Гродековъ—стр. 118.

⁶⁾ Н.—стр. 119.

⁷⁾ Пахманъ—стр. 198.

Нанимающийся, въ зависимости отъ условій, долженъ совершить или неопредѣленный рядъ домашнихъ услугъ, или обязанъ нести опредѣленную должность, или исполнить какую-либо специальную работу.

Изъ должностей особенно выдѣляется, по своему значенію у скотоводствъ и вслѣдствіе этого по большей опредѣленности, должность пастуха.

За естественную смерть скота и за украденную скотину пастухъ совѣмъ не отвѣчаетъ¹⁾. Однако для того, чтобы пастухъ былъ освобожденъ въ перечисленныхъ случаяхъ отъ отвѣтственности, онъ долженъ совершить нѣкоторыя формальныя дѣйствія. О нихъ § 181 у Самоквасова гласитъ: «Кто наймется что-либо стеречь, а оное у него покрадутъ, или скотина отъ болѣзни сдохнетъ, то долженъ о семъ въ то же время объявить хозяину или стороннимъ лицамъ, и тогда освобождается уже отъ взысканія; буде же не объявитъ, то платить искъ сполна».

Если же пастухъ обманетъ хозяина, а вслѣдствіи обманъ этотъ обнаружится, то онъ платитъ стоимость пропавшаго животнаго и еще штрафъ въ томъ же количествѣ. Если хозяинъ вспомнитъ, что у этого пастуха и раньше случались пропажи скотины, то объ этихъ потеряхъ теперь налагается присяга на самого пастуха или на его родныхъ. Иногда хозяинъ можетъ счесть позорнымъ брать присягу съ неравнаго ему человѣка, тогда бѣи налагаютъ присягу на самого хозяина²⁾.

Въ другихъ случаяхъ за ущербъ по нерадѣнію пастухъ отвѣчаетъ на общемъ основаніи.

Какъ было выше замѣчено, нѣкоторые въ настоящее время требуютъ со слугъ уплаты за принесенный ими ущербъ по нерадѣнію. Такимъ же обрзомъ нѣкоторые взыскиваютъ и съ пастуха половину или третью часть стоимости животнаго, пропавшаго по нерадѣнію, но только тогда, если пропажа случилась днемъ; если же

2) Гродековъ—стр. 119 и § 181 у Самоквасова.

1) Гродековъ—стр. 119.

животное исчезло ночью, то пастухъ не отвѣчаетъ¹⁾. У сибирскихъ киргизовъ пастухъ, «буде отъ несмотрѣнія сторожа утонетъ скотина въ тинѣ, въ водѣ или во рву, также обязанъ платить, что она стоила»²⁾.

За раненую отъ звѣрей и съѣденную скотину съ пастуха у киргизовъ никакого взысканія не полагается. Въ этомъ случаѣ пастухъ не несетъ отвѣтственности даже и тогда, если было вообще условіе о вознагражденіи убытковъ³⁾. По обычному праву русскихъ крестьянъ, пастухъ въ этомъ случаѣ отвѣчаетъ передъ нанимателемъ за убытокъ въ размѣрѣ, опредѣляемомъ судомъ или по соглашенію⁴⁾. Въ тѣхъ случаяхъ, когда является сомнѣніе, что убытокъ произошелъ исключительно по винѣ пастуха, сумма убытковъ распределяется между хозяиномъ и пастухомъ, согласно началу: «грѣхъ пололамъ»⁵⁾.

За стрижку шерсти у хозяйскихъ барановъ пастухамъ не полагается взысканія, а только выговоръ, потому что, по понятіямъ киргизовъ, шерсть, молоко и рабочая сила животныхъ считаются «благотворительностью животныхъ», и за пользованіе ими не платятъ. Человѣка, требующаго за нихъ плату, порицаютъ словами: «Пусть онъ, не разбогатѣвъ, погибнетъ»⁶⁾.

Сейчасъ было упомянуто, что за рабочую силу животныхъ не берутъ вознагражденія. Очевидно, это касается незначительнаго пользованія силою животного, потому что, какъ извѣстно, у киргизовъ существуетъ наемъ верблюдовъ и лошадей для перевозки тяжестей.

За стрижку шерсти не берутъ вознагражденія и съ чужихъ людей; ограничиваются однимъ выговоромъ⁷⁾.

Къ особымъ видамъ найма рабочихъ надо отнести наемъ на паяхъ, при которомъ рабочій получаетъ вознагражденіе изъ урожая, смотря по условію, отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ его⁸⁾.

1) Н.—стр. 119.

2) § 181 у Самоковасова.

3) Гродековъ—стр. 119 и § 181 Самоковасова.

4) Пахманъ—стр. 222.

5) Н.—стр. 224.

6) Гродековъ—стр. 119.

7) Н.—стр. 119.

8) Гродековъ—стр. 118 и Якушкинъ, вып. 2 стр. 282.

Къ спеціальнымъ работамъ слѣдуетъ причислить рытье глубокаго колодца. Этимъ ремесломъ занимаются знающіе дѣло работники. Они нанимаются за опредѣляемую заранѣе плату, которая остается одинаковою, на какой бы глубинѣ ни показалась вода. При этомъ обыкновенно ставятъ условіе, чтобы за работниковъ, которые могутъ быть засыпаны обвалами грунта, не требовать куна¹⁾).

Сюда же надо отнести наемъ учителя для обученія дѣтей²⁾, наемъ возчиковъ для доставки груза въ извѣстное мѣсто³⁾ и заказъ мастеровому⁴⁾.

Относительно отвѣтственности мастероваго, принявшаго заказъ, § 160 у Самоквасова гласитъ: «Если мастеровой что испортигъ, или во всемъ матеріалѣ запрется, то полагается испорченное исправить безъ наказанія, а за утайку матеріаловъ судья опредѣляетъ претендентлю присягу, и буде дастъ оную, то получаетъ искъ свой съ отвѣтчика».

Относительно личнаго найма у осетинъ нельзя сказать ничего особеннаго. До 1868 года, т. е. до уничтоженія зависимыхъ сословій, необходимости въ немъ не было, и вслѣдствіе этого обычай не могъ сложиться. Съ 1869 года личный наемъ дѣлается обыкновеннымъ явленіемъ, особымъ видомъ договора, настолько близкимъ къ русскому и такъ сильно отражающимъ на себѣ вліяніе чернаго права, что М. Ковалевскій не нашелъ нужнымъ упомянуть о немъ при изложеніи осетинской системы договоровъ. На этомъ же основаніи въ изучаемой главѣ не дѣлалось сравненія киргизскаго найма съ осетинскимъ.

Къ особому виду личнаго найма причисляютъ *подрядь*. Извѣстно, что отличіе подряда отъ личнаго найма не юридическое, а фактическое, именно: подрядчикъ, какъ наемникъ, не самъ оказываетъ услуги, а производитъ ихъ черезъ другихъ лицъ⁵⁾. Киргизскій адатъ знаетъ одинъ

¹⁾ Гродековъ — стр. 105.

²⁾ Гродековъ, прилож. № 8, стр. 178, рѣш. № 30.

³⁾ Н. — рѣш. 5.

⁴⁾ Самоквасовъ — § 160.

⁵⁾ Записки профес. А. Х. Гольмстенъ.

весьма распространенный въ степи видъ подряда, это — перевозка тяжестей. Обыкновенно возчики зависятъ отъ извѣстныхъ и влиятельныхъ караванбашей, живущихъ въ городахъ. Кушцы для отправки клади большею частью обращаются не къ возчикамъ, а къ караванбашамъ, съ которыми обмѣниваются письменными обязательствами о количествѣ клади, провозной платѣ и срокѣ доставки. Сверхъ того, караванбаши представляютъ купцамъ ручательство въ добросовѣстности возчиковъ¹⁾.

б) Довѣренность.

Къ разряду обязательствъ, относящихся къ личнымъ услугамъ, слѣдуетъ причислить также договоръ довѣренности, подъ которымъ разумѣется такое юридическое отношеніе, въ силу котораго одно лицо принимаетъ на себя обязанность совершить какое-либо юридическое дѣйствіе, актъ, вмѣсто другого лица, по его порученію и въ качествѣ его представителя²⁾.

Договоръ этотъ встрѣчается въ киргизскомъ быту. Доказательствомъ служатъ слова Гродекова: «Можно продавать имущество въ отсутствіи хозяина только въ слѣдующихъ случаяхъ: по близкому родству, «по довѣренности» и по распоряженію начальства»³⁾. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ: «Вытребованныя, подъ видомъ порученія, довѣренности и т. д., деньги возвращаются»⁴⁾.

Довѣренность у киргизовъ часто встрѣчается въ торговыхъ дѣлахъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ §§ 183 и 184 у Самоквасова. § 183: «Буде двое или трое, сложивъ вмѣстѣ капиталъ, пошлютъ одного кого-либо торговать въ другое мѣсто, а у него воры товаръ отнимутъ и воровъ сыскать будетъ нельзя, то сей повѣренный обязанъ дать въ томъ присягу, и, давши оную, остается безъ взысканія; а когда откроется, хотя бы черезъ долгое время,

¹⁾ Гродековъ—стр. 138.

²⁾ Записки проф. А. Х. Гольмстенъ.

³⁾ Гродековъ—стр. 126.

⁴⁾ И.—стр. 158.

что онъ о покражѣ объявилъ своимъ довѣрителямъ и присягу далъ ложно, то взыскивается съ него весь убытокъ сполна и ему уже болѣе не дѣлають довѣрія».

§ 184. «Кто ввѣренный ему товаръ промотаетъ, съ того взыскивается оный на срокъ по условію, а когда на срокъ не доставить, то задерживается самъ виновный въ услуженіи, если никто за него платить не будетъ».

Вотъ все, что можно сказать о довѣренности у киргизовъ. Скудость матеріала свидѣтельствуетъ, что договоръ этотъ въ киргизскомъ быту мало развитъ и почти не имѣетъ никакихъ спедефическихкихъ особенностей.

У сибирскихъ киргизовъ «по исковымъ дѣламъ повѣренные уполномачиваются при свидѣтеляхъ, и если повѣренный фальшиво согласится на рѣшеніе дѣла въ пользу противной стороны, то въ невинности своей долженъ самъ принимать присягу или заплатить искъ. Повѣренному же тому отыскивать ли тотъ заплаченный искъ съ того, съ кѣмъ онъ стыкался, или не отыскивать, — предоставляется на волю»¹⁾.

Есть у киргизовъ и повѣренные по тяжбынымъ дѣламъ. Повѣренные въ дѣлахъ существуютъ съ давнихъ временъ, иначе киргизы ихъ называютъ «купившими искъ». Повѣренными не могутъ быть несовершеннолѣтніе и безумные. Повѣренные должны удостовѣрить судью, что именно имъ довѣрено веденіе дѣла. Если приславшій довѣреннаго будетъ присужденъ къ штрафу или къ тѣлесному наказанію, то пригоеръ производится надъ довѣрителемъ. Приславшій довѣреннаго можетъ протестовать противъ рѣшенія бія, если довѣренный употребилъ во зло его довѣренность²⁾. Это совпадаетъ съ положеніями русскаго законодательства. По другимъ источникамъ, возможенъ отказъ довѣрителя отъ сдѣлокъ довѣреннаго, если довѣритель не далъ письменной довѣренности³⁾.

Въ Казалинскомъ уѣздѣ совсѣмъ нѣтъ въ обычаѣ довѣренности.

¹⁾ Самоквасовъ—стр. 277 § 193.

²⁾ Гродековъ—стр. 189.

³⁾ Н.—стр. 190.

в) Поклажа.

Поклажа, называемая также отдачею на сохраненіе, представляется договоромъ, по которому одно лицо передаетъ другому на сохраненіе какое-либо движимое имущество, на опредѣленный срокъ или безсрочно, за вознагражденіе или безъ вознагражденія, съ правомъ потребовать его обратно¹⁾. Поклажа большею частью бываетъ безмездной, почему главная ея сфера—нравственная, а юридическая сторона находится на второмъ планѣ. Точно такимъ же образомъ стоитъ дѣло и въ киргизскомъ адатѣ. «Добросовѣстность по отношенію къ вещамъ, принятымъ на сохраненіе (аманатъ)», говоритъ Гродековъ, «есть обязанность нравственная, не юридическая, какъ это видно изъ названія: «божій аманатъ». Поэтому вещи поручаютъ на сохраненіе только лицамъ, хорошо извѣстнымъ или родственникамъ»²⁾. Объектомъ поклажи у киргизовъ служатъ различныя движимыя вещи, въ томъ числѣ скотъ.

Поклажеприниматель обязанъ хранить ввѣренную ему вещь и долженъ возвратить ее поклажедателю въ цѣлости. О степени отвѣтственности за аманатъ заключаютъ условія передъ принятіемъ его³⁾. Поклажедатель имѣетъ право во всякое время потребовать отданную имъ на сохраненіе вещь обратно, а въ случаѣ утраты и вообще гибели или порчи ея, по винѣ или небрежности поклажепринимателя, можетъ требовать вознагражденія за убытки. Изложенное подтверждается слѣдующей выдержкой изъ сочиненія Гродекова: «Вещи, находящіяся на сохраненіи, возвращаются хозяину при первомъ требованіи. За злостную растрату и продажу ихъ хозяинъ бьетъ виновнаго и привлекаетъ его къ отвѣтственности, какъ за воровство. За случайную потерю, тотчасъ заявленную старшимъ или властямъ, не отвѣчаютъ»⁴⁾. По обычаямъ русскихъ крестьянъ, за случайную утрату также отвѣта

1) Мейеръ—стр. 507.

2) Гродековъ—стр. 122.

3) Н.—стр. 123.

4) Н.—стр. 122.

нѣтъ¹⁾. У каракиргизовъ совершенно тотъ же обычай относительно поклажи²⁾).

У Самоквасова по разсматриваемому вопросу находятся два постановленія:

§ 153. «Буде кому что на сохраненіе дастся, а онъ утаитъ и запрется, то, если онъ человѣкъ уважаемый въ народѣ, долженъ дать присягу, за недостойнаго же обязанъ принять присягу другой изъ его родственниковъ, а буде тотъ и другой отъ присяги откажутся, то виновный долженъ заплатить все то, что дано было на сохраненіе».

§ 154. «Если достойный и недостойный присягою оправдаются, а послѣ того откроется, что онъ дѣйствительно утаилъ бывшее у него на сохраненіи имущество, то причитается къ воровству и платить, сверхъ иска, штрафъ за малое—девять штукъ скота, а если искъ составляетъ болѣе, то втрое, т. е. двадцать семь штукъ разнаго скота».

Впрочемъ, присяга назначается только въ томъ случаѣ, если вещь дана безъ свидѣтелей; если же были свидѣтели, то постановляютъ рѣшеніе безъ присяги³⁾.

Между осетинской поклажей и киргизской есть существенная разница: по осетинскому обычаю, принявшій поклажу освобождается отъ отвѣтственности за пропажу данной ему на сохраненіе вещи даже въ томъ случаѣ, если бы причиной ея была не «vis major», а простая неосторожность; мало того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ поклажепринимателя снимается всякая отвѣтственность за потерянную имъ вещь на томъ простомъ основаніи, что онъ соглашался принести присягу, что вещь дѣйствительно имъ потеряна. Затѣмъ, осетинская поклажа имѣетъ еще ту особенность, что при ней нѣтъ отвѣтственности за поврежденіе вещи, разъ можно доказать, что послѣднее произведено не самимъ поклажепринимателемъ⁴⁾. Съ другой стороны киргизскій адатъ имѣетъ

1) Пахманъ—стр. 244.

2) Гродековъ—стр. 122.

3) Н.—стр. 123.

4) Ковалевскій—стр. 219.

патріархальное право, дающее возможность бить поклажепринимателя, совершившаго злостную растрату и продажу, какового права не даеть осетинскій обычай, равно какъ и русскій.

Сходство между сравниваемыми обычаями о поклажѣ то, что по обоимъ пользованіе даннымъ на храненіе предметомъ не допускается, какъ и римской и русской поклажей¹⁾. По особому условію пользованіе принятой на сохраненіе вещью, конечно, допустимо, и въ этомъ случаѣ поклажеприниматель платитъ расходы, сопряженные съ передачею, платитъ также за порчу вещи отъ употребленія, за случайныя поврежденія и потерю (напримѣръ, за утерю скога во время бурана)²⁾, и такимъ образомъ поклажа превращается въ ссуду.

Кладъ у возчиковъ считается аманатомъ. Утеряти кладъ возчикомъ, взявшимъ на себя обязанность доставить ее къ мѣсту назначенія, одинакова по силѣ наказанія съ преднамѣреннымъ воровствомъ, т. е. возвращается стоимость клади со штрафомъ въ двойную стоимость ея. Въ томъ случаѣ, когда возчикъ былъ принужденъ передать кладъ другому лицу для перевозки, онъ освобождается отъ отвѣтственности предъявленіемъ расписки этого лица³⁾. По старому адату, возчики должны платитъ также и за убытки на основаніи правилъ объ аманатѣ, хотя бы и не было предварительнаго о томъ условія; но по новому адату, не обязавшіеся къ тому подпискою съ приложеніемъ печати и тамги не платятъ⁴⁾.

Если во время пожара или другого бѣдствія погибъ одинъ только аманатъ, а не другое имущество, то при-суждаютъ къ уплатѣ стоимости его сполна. Если же аманатъ и имущество поклажепринимателя погибло, то послѣдній платитъ или половину стоимости его, что напоминаетъ русское «грѣхъ пополамъ», или же ничего не платитъ⁵⁾. Очевидно, адатъ относится съ недо-вѣріемъ

1) Н.—стр. 219.

2) Гродековъ—стр. 123.

3) Гродековъ стр. 123.

4) Н.—стр. 138.

5) Н.—стр. 123.

къ хранителю чужихъ предметовъ, у котораго погибло только данное ему на сохраненіе имущество, а свое осталось въ цѣлости, почему устанавливаетъ формальные признаки для отвѣтственности. Въ этомъ отношеніи русское законодательство болѣе снисходительно, чѣмъ киргизскій обычай, такъ какъ признаетъ справедливымъ смыслъ пословицы: «своя рубашка ближе къ тѣлу». Поэтому, если принимателю предстоитъ выборъ пожертвовать своимъ имуществомъ или чужимъ, отданнымъ ему на сохраненіе, онъ можетъ безопасно пожертвовать чужимъ имуществомъ для сбереженія своего¹⁾.

Въ § 155 у Самоквасова отмѣчаются особенности отвѣтственности поклажепринимателя въ томъ случаѣ, если переданное на сохраненіе будетъ похищено. «Если кто кому дастъ на сохраненіе лошадь, скотъ или что ни есть, а у него украдутъ, то онъ долженъ дать знать о семъ по родству своему и по волости, и послѣ сего остается въ утратѣ правъ; буде же истецъ объявленію сему не повѣритъ, то обязанъ подслѣдываемый дать присягу, какую на него положить. А когда о выкраденномъ у него никому не объявитъ, тогда платить вещь или животное, чего они стоили, безъ всякаго штрафа, и къ воровству не причисляется». Редакція этого параграфа весьма неудачна. По первой части выходитъ, что какъ будто поклажедатель долженъ объявить по родству своему и по волости о выкраденномъ имуществѣ. Но это, во-первыхъ, противорѣчитъ словамъ, завершающимъ эту часть: «буде же истецъ объявленію сему не повѣритъ»... и т. д.; во-вторыхъ, это было бы совершенно нецѣлесообразно, въ-третьихъ, не согласуется съ аналогичнымъ положеніемъ вещей при случайной потерѣ аманата, когда поклажеприниматель обязанъ тотчасъ же заявить старшимъ или властямъ, чтобы съ него спала отвѣтственность²⁾. Всѣ эти соображенія приводятъ къ заключенію, что поклажеприниматель, а не поклажедатель, долженъ

¹⁾ Мейеръ—стр. 511.

²⁾ Гродековъ—стр. 122 и см. выше въ данной работѣ стр. 217.

дѣлать заявленіе о происшедшей кражѣ вѣреннаго ему аманата, чтобы избѣжать отвѣтственности.

Касательно поклажи скота необходимо отмѣтить слѣдующую особенность киргизскаго адата: если взятая, какъ аманатъ, скотина возвращается въ столъ захудаломъ видѣ, что хозяину ея кажется, что она не переживетъ зиму, тогда державшій ее аманатомъ общаетъ прокормить ее до весны¹⁾.

Въ заключеніе слѣдуетъ остановиться на странной чертѣ киргизской поклажи: за подмѣну аманата не взыскивается²⁾. Вѣдь поклажа предполагаетъ возвращеніе индивидуально опредѣленной отданной на сохраненіе вещи. Такой особенности не пришлось встрѣтить въ обычаяхъ о поклажѣ другихъ народовъ. Да и самъ киргизскій адатъ не признаетъ это совершенно правильнымъ, и подмѣну, разъ она равноцѣнна, возлагаетъ на нравственную отвѣтственность поклажепринимателя. «Біи», говоритъ по этому поводу Гродековъ³⁾, «придерживаются, впрочемъ, пословицы: кто поступилъ вѣроломно съ даннымъ на сохраненіе, тотъ потерпитъ наказаніе въ будущемъ».

г) Страхованіе.

Этотъ договоръ, характеризующій высоко развитой гражданскій бытъ, не могъ появиться въ киргизской жизни, а потому и не отразился въ обычномъ правѣ этого народа.

е) Союзы-товарищества (артели).

Среди обязательствъ особое мѣсто занимаютъ союзы-называемые товариществами. Въ товариществѣ на пер, вомъ планѣ стоитъ юридическое единеніе участниковъ, которые дѣйствуютъ сообща; между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ формахъ обязательствъ контрагенты противопоста-

1) Гродековъ—стр. 124.

2) Н.—стр. 158.

3) Гродековъ—стр. 158.

вдѣются одни другимъ. Затѣмъ, отличительную черту товарищества составляетъ то, что это—соединеніе имущественныхъ и личныхъ средствъ ради какой-нибудь хозяйственной или промышленной цѣли. Такая ассоціація въ русскомъ народномъ быту извѣстна подъ именемъ артели¹⁾.

Киргизскій адатъ знаетъ товарищества для торговли²⁾, для проведенія арыковъ³⁾, для рытья колодцевъ⁴⁾, для перевозки тяжестей⁵⁾ и для хлѣбопашества⁶⁾.

У Самоквасова § 183 повѣствуетъ: «Буде двое или трое, сложа вмѣстѣ капиталъ, пошлютъ одного кого-либо торговать въ другое мѣсто, а у него воры товаръ отнимутъ и воровъ сыскать будетъ нельзя, то сей повѣренный обязанъ дать въ томъ присягу и, давши оную, остается безъ взысканія». Отсюда усматривается, что киргизы вступаютъ въ товарищества для торговли, но юридическія отношенія, вытекающія изъ договора товарищества, въ этомъ случаѣ не удалось опредѣлить.

Для проведенія арыка, смотря по количеству работы, выходятъ по опредѣленному количеству работниковъ изъ каждой кибитки того десятка, пятидесятка, аула и вообще той группы людей, которые вошли между собой въ соглашеніе быть пайщиками. Изъ орошенной такимъ образомъ земли каждая участвовавшая кибитка получаетъ участокъ, соразмѣрный съ числомъ ея работниковъ, дней работы и вообще съ количествомъ потраченнаго труда⁷⁾.

Для рытья глубокаго колодца, какъ уже сообщалось ранѣе, киргизы нанимаютъ знающихъ дѣло работниковъ за опредѣляемую впередъ плату, которая остается неизмѣнною, на какой бы глубинѣ ни обнаружилась вода. При этомъ обыкновенно обуславливаютъ, чтобы за работниковъ, которыхъ можетъ засыпать обваломъ земли, не требовать куна⁸⁾. Очевидно, такіе знающіе люди ча-

1) Пахманъ—стр. 245.

2) Самоквасовъ—стр. 276, § 183.

3) Гродековъ—стр. 103.

4) Н.—стр. 105.

5) Н.—стр. 138.

6) Якушкинъ, вып. 2, стр. 282.

7) Гродековъ—стр. 103.

8) Н.—стр. 105.

сто вынуждены бываютъ соединяться въ артели для успѣшнаго выполненія своихъ работъ.

Такъ же точно и возчики тяжестей на верблюдахъ, образуя караванъ, иногда формируются въ артели. На эту, по крайней мѣрѣ, мысль наводятъ слова Гродекова: «Бупцы могутъ отправлять свою кладь безъ посредства караванбаши съ возчиками, имѣющими поручителей. Передъ отправкою клади купцы и возчики (или, вмѣсто нихъ, караванбаши) обмѣниваются письменными обязательствами о количествѣ клади, провозной платѣ и срокѣ доставки»¹⁾. Прямымъ слѣдствіемъ такого соглашенія является обязанность возчиковъ платить убытки даже безъ предварительнаго условія²⁾.

Затѣмъ, бѣдный классъ киргизскаго народа образуетъ товарищества егинчей (земледѣльцевъ). Егинчи общими силами проводятъ ирригаціонныя каналы, корчуютъ поля и вообще производятъ тѣ работы, которыя превосходятъ силы отдѣльныхъ лицъ. Если егинчамъ приходится обрабатывать землю чужого рода, тогда они снимаютъ въ аренду участки земли. Общій доходъ не распределяется поровну, какъ бы слѣдовало; большія доли попадаютъ въ руки вліятельныхъ лицъ³⁾.

Сюда же можно до нѣкоторой степени отнести случайныя товарищества, свойственныя малокультурнымъ обществамъ, какъ-то: для военныхъ набѣговъ и для производства баранты, а также и товарищество въ первобытной формѣ молчаливаго соглашенія съ цѣлью охоты⁴⁾.

Кромѣ товариществъ въ видѣ молчаливаго соглашенія, у киргизовъ, хотя и рѣдко, составляются охотничьи товарищества для охоты за сайгаками, куланами, сурками и прочими дикими животными. Въ товарищества эти собираются 10—20 человекъ, которые избираютъ старшину («отagosы»), а затѣмъ дѣлятъ добычу поровну между всѣми членами или по уговору⁵⁾.

¹⁾ Н.—стр. 138.

²⁾ Гродековъ—стр. 138.

³⁾ Якушкинъ, вып. 2-й. стр. 282.

⁴⁾ Ковалевскій—стр. 224.

⁵⁾ Маковецкій—стр. 58.

Наконецъ, въ Чимкентскомъ уѣздѣ есть обычай, по которому подвергшійся барантѣ имѣетъ право требовать, чтобы ссѣдніе родичи отправились вмѣстѣ съ нимъ въ погоню за барантачами. Такіе помощники по преслѣдованію называются «кумекъ». Если кумекъ будетъ убитъ, то пригласившій его пуститься въ погоню не несетъ ни какой отвѣтственности¹⁾. Въ этомъ случаѣ, очевидно, возникаетъ особый видъ товарищества, покоящійся на родовомъ началѣ.

Въ соединеніяхъ для производства баранты и для погони за барантачами отсутствуетъ одинъ элементъ договора товарищества: это—цѣль извлеченія изъ даннаго предпріятія общей прибыли, потому что при успѣхѣ въ нихъ выигрываетъ только одно лицо, въ интересахъ котораго предпринимается баранта или погоня. Хотя, съ другой стороны, къ участію въ предпріятіи родича побуждаетъ и собственная польза—ожиданіе, что ему помогутъ, когда представится такой же случай.

Вотъ то немногое, что возможно было собрать относительно товарищества въ киргизскомъ быту.

Ж). Обязательства, происходящія отъ нанесенія ущерба.

Правонарушенія могутъ вытекать изъ неисполненія договоровъ и могутъ быть самостоятельными. Для тѣхъ и другихъ въ киргизскомъ адатѣ существуетъ общее правило: «По всѣмъ дѣламъ, сверхъ платежа иска или куна, проторы и убытки долженъ платить виновный»²⁾.

У киргизовъ неосторожныя дѣйствія, послѣдствіями которыхъ причиненъ вредъ, судятся, какъ преступленія: имущественный вредъ возмѣщается имуществомъ, а вредъ, причиненный здоровью,—куномъ въ размѣрѣ, установленномъ обычаемъ. Къ такимъ случаямъ народъ относится снисходительнѣе, чѣмъ къ совершеннымъ изъ мести или другою цѣлью³⁾. Правонарушенія болѣзнен-

1] Гродековъ—стр. 177.

2] Самоковасовъ—стр. 275, § 179.

3] Гродековъ—стр. 144.

ныя, невѣжественныя и случайныя, какъ лишенныя всякаго участія еоди, не влекутъ за собой наказанія лицъ, ихъ совершившихъ; но оставить безъ вознагражденія потерпѣвшаго и по киргизскому воззрѣнiю нельзя¹⁾. Если субъектъ правонарушенія—умалишенный, то отвѣтственность адать возлагаетъ на родственниковъ, которые въ силу узъ крови должны были наблюдать за дѣйствіями своихъ больныхъ сочленовъ и охранять потерпѣвшихъ отъ опасности хотя бы и случайныхъ правонарушеній. Отвѣтственность эта простирается до седьмого колѣна родства²⁾. Если же умалишенный изувѣчитъ или убьетъ челоуѣка, или смерть послѣдуетъ отъ несчастнаго случая въ игрѣ съ кѣмъ-нибудь или на охотѣ, тогда родные перваго и послѣдняго, отъ неумышленности которыхъ произошла смерть, подлежатъ только взысканію, въ утѣху родителямъ умершаго, такъ называемаго «асъ-атау, коръ-кебъ», означающаго издержки по похоронамъ и поминкамъ по умершемъ; самый же случай предается волѣ Божіей³⁾.

Участники преступленія и правонарушенія подвергаются взысканію обыкновенно въ равной мѣрѣ. Истецъ можетъ, впрочемъ, получить, за неимѣніемъ налицо соучастниковъ, взысканіе съ того, который налицо, обязываясь не возбуждать больше иска⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на судъ вызывается только зачинщикъ, который платитъ все взысканіе, а затѣмъ можетъ разложить его на своихъ участников⁵⁾. Въ настоящее время, если соучастниковъ не найдутъ всѣхъ, то взыскиваютъ съ тѣхъ, кто найдены, предоставляя имъ раздѣляться съ остальными и записывая это обстоятельство въ протоколъ рѣшенія. Распредѣленіе штрафа междъ обвиненными принадлежитъ имъ самимъ. Если они не придутъ къ соглашенію, то судья раскладываетъ штрафъ поровну, а если было присвоеніе, то распредѣляетъ стоимость присвоен-

1) Словохотовъ—стр. 108.

2) Словохотовъ—стр. 108—109.

3) Оренб. отд. геогр. общ.—стр. 144.

4) Гродековъ—стр. 144.

5) Н.—стр. 144.

наго сообразно тому, кто сколько изъ него себѣ взялъ. Въ Перовскомъ уѣздѣ при кражѣ весь штрафъ полностью платитъ тотъ, по подстрекательству и совѣту котораго совершена кража¹⁾. Въ данномъ мѣстѣ пришлось остановиться нѣсколько больше, чѣмъ кажется, на обязательствахъ, вытекающихъ изъ delict'a, потому, что въ киргизскомъ адатѣ принципиально уголовной отвѣтственности нѣтъ, а почти всѣ дѣла оканчиваются гражданскимъ удовлетвореніемъ²⁾. На томъ же основаніи слѣдуетъ упомянуть, что за приложеніе чужой печати и всякаго рода подлогъ иногда присуждаютъ къ уплатѣ убытковъ, а за оказаніе помощи по подмѣнѣ расписки—къ уплатѣ по новой распискѣ и къ судебнымъ расходамъ, послѣ чего должникъ освобождается отъ обязательства, заключавшагося въ первоначальной распискѣ. Послѣдній обычай совершенно оригиналенъ.

Адатъ устанавливаетъ цѣну каждаго рода домашнихъ животныхъ, чтобы бій присуждалъ по таковой, когда неизвѣстна настоящая базарная цѣна пропавшаго или испорченнаго животнаго, или когда въ обязательствахъ упомянуты не деньги, а скотъ. Впрочемъ, допускаютъ отступленіе отъ установленныхъ среднихъ цѣнъ. Беременное животное цѣнится дороже³⁾.

Въ искахъ или тяжбахъ изъ-за лошади, не разъ настигавшей волка или лисицу, изъ-за лягавой собаки и беркута⁴⁾, бывшихъ на травляхъ звѣрей, и нѣ разъ ловившихъ ихъ, принято цѣнить: первую въ двѣ лошади по пятому году, вторую—въ жеребенка по второму году, а третьяго—въ одинъ беркутъ на рынкѣ по выбору того, кому онъ слѣдуетъ. За обыкновенную же охотничью лошадь, ни разу не настигавшую волка, полагается одна пятилѣтняя лошадь; за обыкновенную лягавую собаку, не испытанную въ травляхъ, одинъ кутенокъ той же породы, а за обыкновеннаго беркута—одинъ барашекъ по второму году. Страшныя, высокія цѣны, которыя даются

¹⁾ Гродековъ—стр. 145.

²⁾ Словохотовъ—стр. 60.

³⁾ Гродековъ—стр. 131—137.

⁴⁾ „Беркутъ“—степной орелъ.

самими охотниками—истцами, не принимаются судьей во вниманіе, такъ какъ извѣстно, что страсть къ какому-нибудь предмету всегда увеличиваетъ цѣну его¹⁾.

То же самое про убійство чужой собаки у сибирскихъ киргизовъ § 186 Самоквасова гласить: «Кто чужую собаку убьетъ безъ всякой причины, платитъ такую же или барана, а кто не съ намѣренія убьетъ, проситъ извиненія; обороняя же себя или въ гости придетъ и убьетъ, никакого взысканія не полагается.» А про убійство охотничьей собаки или беркута § 192 у Самоквасова опредѣляетъ: «Кто чужую охотничью собаку или беркута убьетъ, тотъ платитъ какъ за первую, такъ и за послѣдняго калмычку, или, по неимѣнію оной, 15 кобылъ; въ случаѣ же недостатка къ платежу, примиряются признательностію, тѣмъ, прощая одинъ другому, оставляютъ претензію».

Послѣ предварительныхъ замѣчаній, нужно перейти къ изученію отдѣльныхъ видовъ обязательствъ, происходящихъ отъ нанесенія ущерба. О правонарушеніяхъ, вытекающихъ изъ нарушеній договоровъ, было говорено выше, почему въ данномъ мѣстѣ о нихъ будетъ сказано только вскользь.

а) Отвѣтственность хозяина за принадлежащихъ ему животныхъ.

Въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ общее правило: «За всякаго рода нанесеніе ущерба, порчу вещей и т. п., если это произошло по неосторожности, полагается вознагражденіе убытковъ; за раны и тому подобныя тѣлесныя поврежденія—леченіе и прокормленіе больного на счетъ виновнаго. Если будетъ усмотрѣнъ въ этомъ злой умыселъ, то полагается, кромѣ убытковъ, штрафъ, равный стоимости убытковъ»²⁾.

Вотъ подтвержденіе сказанному: «Если чужая собака кого укуситъ и сдѣлаетъ раны или платье изорветъ, а

1) Оренбургск. отд. геогр. общ.—стр. 152.

2) Гродековъ—стр. 156.

та собака передъ симъ не кого не кусала, то оную отдаютъ тому, кому она сдѣлала вредъ; онъ же можетъ ее убить или у себя имѣть; а когда собака предъ симъ уже вредила до трехъ разъ, то хозяинъ обязанъ изорванное платье зашить и рану лѣчить, что будетъ стоить, а въ добавскъ собаку выдать обиженному; болѣе же никакого штрафа не полагается¹⁾. Если собака, корова или быкъ, или коза или баранъ на людей мечутся и учиняють вредъ, и даже если умертвять, то за безсловесное животное никакого штрафа и наказанія не полагается, а только его самого отдаютъ тому, кому сдѣлано поврежденіе, или же въ родъ обиженного²⁾. Такимъ образомъ, сибирскіе киргизы рѣшаютъ вопросъ объ отвѣтственности хозяевъ за принадлежащихъ имъ животныхъ. Приблизительно также разлѣшается этотъ вопросъ, по свидѣтельству Гродекова, и у другихъ киргизовъ. Именно, если злое животное укуситъ кого-либо, а хозяинъ его не зналъ его свойствъ, то не платятъ расходовъ по лѣченію больного и за навесенный вредъ, ибо „животное не знаетъ, что оно творитъ“. Однако сама скотина можетъ быть присуждена потерпѣвшему. Когда же хозяинъ зналъ, что его скотина опасна людѣмъ, то онъ обязанъ былъ или держать ее на привязи, или заколотъ, или сбыть на дальній базаръ. Не принявшій этихъ мѣръ предосторожности и не присмотрѣвшій за завѣдомо злымъ животнымъ платить нанесенный имъ ущербъ, а по другимъ сообщеніямъ полный кунъ³⁾. Если случный верблюдъ („бура“) или жеребецъ загрызетъ или убьетъ кого-либо, то потерпѣвшему отдается сама скотина; куна не полагается. То же слѣдуетъ, если загрызетъ или убьетъ кого-либо вольно-ходящій вербеудъ. Но если человѣкъ пріѣхалъ въ аулъ на верблюдѣ, который загрызетъ кого-нибудь, то пріѣхавшій платитъ полный кунъ⁴⁾. Такое различіе, вѣроятно, происходитъ оттого, что трудно усмотрѣть за животными въ пору косячнаго его бѣшен-

¹⁾ Самоквасовъ—стр. 276, § 185.

²⁾ Н.—186.

³⁾ Гродековъ—стр. 156.

⁴⁾ Н.—стр. 157.

ства, ходящими въ безлюдной степи; но отвѣтственность возвышается, если человѣкъ пріѣхалъ на зломъ верблюдѣ въ населенный пунктъ и не принялъ мѣръ предосторожности.

Развитіе высказанныхъ положеній объ отвѣтственности хозяевъ за своихъ животныхъ можно найти въ трудѣ Л. Баллюзекъ въ § 8 и § 9 главы III-ей о нарушеніи общественнаго спокойствія и безопасности.

Если «бура»³⁾ въ случной періодъ укуситъ до смерти человѣка или чужого животного, то для рѣшенія вопроса по такому случаю принимается въ соображеніе слѣдующее: а) если норовъ и свирѣпость буры былъ извѣстенъ хозяину его и прежде изъ неоднократно замѣченныхъ бросаній на людей и животныхъ, и послѣ всего этого хозяинъ не держалъ буру во время его бѣшенства на привязи или съ путами на ногахъ, то онъ считается виновнымъ и подвергается за убитаго бурою человѣка куну, а за укушеннаго до смерти животного — взысканію стоимости послѣдняго; б) если же свирѣпость буры никогда не была хозяиномъ прежде замѣчаема, и она обнаружена только въ первый разъ, то хозяинъ, при укушеніи имъ до смерти человѣка, присуждается только къ вознагражденію родныхъ умершаго за «асъ-атау, коръ-кебнь»¹⁾ и къ отдачѣ сверхъ всего буры, а въ случаѣ причиненія смерти чужой скотинѣ ничѣмъ не отвѣтствуетъ²⁾).

Киргизъ, пріѣхавъ въ чей-либо аулъ, по неимѣнію коновязей, обыкновенно привязываетъ свою лошадь къ кибиткѣ хозяина. Когда привязанная такимъ образомъ лошадь лягнетъ и убьетъ не предупрежденнаго о ней и вышедшаго изъ кибитки человѣка, то на такой случай имѣется слѣдующій обычай: если окажется, что лягнувшая лошадь привязана прямо сзади кибитки, гдѣ это и полагается по обычаю, то за убитаго не взыскивается

¹⁾ «Бура» — верблюдъ жеребецъ.

²⁾ «Асъ-атау, коръ-кебнь» — издержки по похоронамъ и поминкамъ по умершемъ.

³⁾ Оренбург. отд. геогр. общ. — стр. 145.

куна, такъ какъ таковой имѣлъ время и возможность предостеречься отъ нея; если же лошадь была привязана сбоку кибитки, то съ привязавшаго за убитаго полагается половинный кунъ; а если окажется, что лошадь была привязана почти у самыхъ дверей, тогда хозяинъ лошади штрафуетъ полнымъ куномъ¹⁾). Очевидно, здѣсь налагается штрафъ потому, что въ населенномъ пунктѣ нужно быть особенно осторожнымъ, и взысканіе увеличивается по мѣрѣ проявленія большей неосторожности.

Въ Перовскомъ уѣздѣ хозяева не отвѣчаютъ, если животныя между собою погрызутся²⁾). Но общее правило не таково. Если аулъ прикочуетъ на мѣстность, вблизи которой уже расположенъ другой аулъ, и скотъ его загрызетъ или убьетъ какое-либо животное, принадлежащее прежде кочевавшему на этой мѣстности аулу, то первый уплачиваетъ пострадавшему все, чего тотъ лишился. Если же скотъ прежде кочевавшаго на извѣстной мѣстности аула загрызетъ или убьетъ животное, принадлежащее вновь прикочевавшему аулу, то послѣдній никакого вознагражденія не получаетъ³⁾).

б) Отвѣтственность за убытки отъ небрежнаго исполненія обязанностей или отъ неосторожности.

Прислуга у киргизовъ отвѣчаетъ за умышленное нанесеніе ущерба. За ущербъ и потери, происшедшіе по нерадѣнію и по недосмотру, напримѣръ: за разбитіе вещи, за пропажу овцы, слуга не платитъ, исключая того случая, когда было условіе платить⁴⁾). За нерадивую службу слугу только отпускаютъ съ расчетомъ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, нѣкоторые заставляютъ слугъ платить за происшедшій по нерадѣнію ущербъ⁵⁾).

¹⁾ Оренбургс. отд. теогр. общ.—стр. 145—146.

²⁾ Гродековъ.—стр. 157.

³⁾ Н.—стр. 111.

⁴⁾ Гродековъ.—стр. 118.

⁵⁾ Н.—стр. 119.

Объ отвѣтственности пастуха за нарушение своихъ обязанностей было говорено выше¹⁾.

Если мастеровой что испортить или во всемъ матеріалѣ запрется, то полагается испорченное исправить безъ наказанія, а за утайку матеріаловъ судья опредѣляетъ претендателю присягу, и, буде дать оную, то получаетъ искъ свой съ отвѣтчика»²⁾.

Если у залогопринимателя будетъ украдена заложенная вещь, собственное же его имущество останется все въ цѣлости, то онъ долженъ дать присягу, а когда такую не доставить, то платить за всю поклажу безъ штрафа³⁾. Очевидно, киргизскій адатъ, какъ это уже разъ было отмѣчено, относится съ недовѣріемъ къ пропажѣ залога или поклажи въ то время, когда собственное имущество залого-или поклажепринимателя осталось сохраннымъ. «Если заложенное сгорить отъ небреженія, то приниматель залога повиненъ оный заплатить; буде же сгорить неумышленно, и при заложеніи было условіе между залогодателемъ и принимателемъ при свидѣтелѣ, чтобъ болѣе сего съ перваго послѣднему не взыскивать, тогда полагатель вещи отъ платежа долга остается свободнымъ, и убытокъ обращается на счетъ принимателя залога; буде же при сгорѣніи вещей свидѣтелей не было, и между тѣмъ и другимъ произойдетъ споръ, тогда залогодатель долженъ утвердить показаніе свое присяжными»⁴⁾.

Затѣмъ, «если залогоприниматель небреженіемъ своимъ испортить залогъ, то долженъ возвратить должнику по настоящей, дѣйствительной цѣнѣ, а должникъ обязанъ уплатить долгъ свой»⁵⁾.

Если кто-нибудь возьметъ товаръ или скотъ для продажи и промотаетъ его, а заплатить ему будетъ нечѣмъ, то такой идетъ язь услуженіе къ вѣрителю товара или скота и долженъ службой возмѣститъ ущербъ»⁶⁾.

¹⁾ См. выше стр. 209-211.

²⁾ Самоквасовъ—стр. 272 § 160.

³⁾ Н.—§ 161.

⁴⁾ Самоквасовъ—стр. 272, § 163.

⁵⁾ Н.—§ 166.

⁶⁾ Н.—§ 167 и § 184.

«Кто самовольно займетъ стойбищемъ или скотомъ чужія мѣста, то такого сгоняють съ мѣста, а присмотрщиковъ быють, и тѣмъ дѣло рѣшается безъ дальнѣйшаго взысканія¹⁾. Здѣсь сказались патріархальныя безцеремонность и неразборчивость въ средствахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ относительный земельный просторъ, который позволяетъ кочевникамъ не особенно дорожить принадлежащей имъ землей.

Если кто изломаетъ юрты²⁾ или какое строеніе или другое что испортитъ, то виновный платитъ весь убытокъ сполна и, сверхъ того, въ штрафъ—лошадь и халатъ»³⁾.

Кто убьетъ бязъ всякой причины чужую собаку, платитъ таковую же или барана, а кто убьетъ не съ намѣреніемъ, тотъ проситъ извиненія. Если же убьетъ, обороняя себя отъ нападеній, тотъ не подвергается никакому взысканію⁴⁾.

Если кто нибудь съ умысломъ испортитъ чужія сѣти, капканы или другія ловушки, тотъ обязанъ за порчу заплатить соотвѣтствующую ихъ стоимости сумму и считается въ народѣ безчестнымъ человѣкомъ, а за воровство платитъ втрое⁵⁾.

Если въ разставленные кѣмъ-либо для звѣрей капканы попадетъ человѣкъ или какая-либо скотина, то принимается въ соображеніе, гдѣ разставлены капканы. При чемъ, если окажется, что избранное для этого мѣсто отстоитъ отъ аула на такомъ разстояніи, на какое обыкновенно ходятъ для пастбы киргизскіе скотъ и стерегущіе его пастухи, тогда капканщикъ отвѣчаетъ сообразно послѣдствіямъ. Но если капканы разставлены вдали отъ всякихъ ауловъ, внѣ разстоянія, куда ходитъ на пастбу скотъ; и за которое заходитъ только никѣмъ не предусматриваемая скотина, тогда обычай избавляетъ капканщика отъ отвѣтственности за означенныя случайности⁶⁾.

¹⁾ Самоквасовъ—стр. 273, § 168.

²⁾ „Юрта“—кибитка.

³⁾ Самоквасовъ—§ 169.

⁴⁾ Н.—§ 186.

⁵⁾ Н.—стр. 172.

⁶⁾ Оренбург. отд. георг. общ.—стр. 144.

Всѣ приведенные выше конкретные примѣры под-
тверждаютъ общее правило о взысканіи за причиненный
ущербъ¹⁾: за всякаго рода нанесеніе ущерба, если это
произошло отъ неосторожности, полагается вознагражде-
ніе убытковъ; если ущербъ нанесенъ съ умысломъ, кро-
мѣ вознагражденія убытковъ, взыскивается еще штрафъ;
случайный ущербъ не влечетъ за собой никакой отвѣт-
ственности.

в) Потрава чужихъ угодій.

Кто вытравитъ скотомъ чужіе луга, съ того, по кир-
гизскому адату, судья опредѣляетъ за вытаптываніе и
за потраву взысканіе въ половину того, чего убытокъ
стоилъ, смотря по положенію потравленнаго мѣста²⁾. Не-
зависимо отъ упомянутого штрафа, по правилу: «по
всѣмъ дѣламъ, сверхъ платежа иска или куна, проторы и
убытки долженъ платитъ виновный»³⁾, платится стои-
мость всего убытка, причиненнаго потравой.

Чужія животныя, причиняющія потраву, какъ и по
русскому гражданскому законодательству, могутъ быть
захвачены и сдѣланы объектомъ самовольнаго устано-
вленія права залога. Задержатель чужого скота обязанъ
кормить животныхъ; если же скотина умереть съ голода,
то хозяинъ ея можетъ требовать удовлетворенія. Въ слу-
чаѣ, если захватившій чужой скотъ не получить съ хо-
зяина его вознагражденіе за потраву, то имѣетъ право
скотъ продать и изъ вырученной суммы получить ему
слѣдующее. Но если онъ продастъ скотину дешево, а ее
у настоящаго хозяина прежде торговали и давали ему
дороже, то установитель самовольнаго залога обязанъ
удовлетворить хозяина скота тѣмъ, чего дѣйствительно
скотина стоила⁴⁾. Здѣсь отличіе отъ русскаго законода-
тельства, по которому продажа задержанныхъ животныхъ
производится съ публичнаго торга и, слѣдовательно, при
участіи органовъ власти.

¹⁾ См. выше—стр. 232

²⁾ Самоквасовъ—§ 170.

³⁾ Самоквасовъ—§ 179.

⁴⁾ Н.—стр. 274. § 171.

Если одинъ родъ заходитъ въ пастбища другого (выше рѣчь шла о лугахъ), то представители послѣдняго получаютъ съ пришедшихъ «курабаши»¹⁾, т. е. еъ каждаго табуна по одному барану²⁾. Незначительность взысканія объясняется неимѣніемъ въ степи границъ, почему легко зайги на пастбища другого рода, а затѣмъ обиліемъ земли.

За поправу сѣнокоса, по сообщенію Торгая, хозяину платятъ убытки только въ томъ случаѣ, если онъ самъ не переставалъ пользоваться этимъ сѣнокосомъ³⁾.

Въ Перовскомъ уѣздѣ люди чужихъ обществъ, зашедшіе со скотомъ на чужія зимовки, платятъ деньги за подножный кормъ «чубаузы»⁴⁾.

Нерѣдко животныя за поправу чужихъ полей подвергаются обрѣзанію хвоста; но владѣлецъ животнаго въ такомъ случаѣ въ правѣ возбудить искъ за обезображеніе, однако это не освобождаетъ его отъ платы за поправу. При этомъ въ судебной практикѣ Казалинскаго уѣзда бывали странныя рѣшенія: если хозяинъ лошади съ обрѣзаннымъ хвостомъ умиралъ естественною смертію въ то время, когда хвостъ еще не отросъ вполне, и наслѣдники его требовали отъ виновнаго въ обрѣзываніи хвоста кунъ, какъ за убійство, таковой присуждался⁵⁾. Случаи эти свидѣлствуютъ, вѣроятно, о томъ, какое безграничное огорченіе доставляетъ киргизу-хозяину отрѣзаніе хвоста у его скотины.

Кромѣ того, въ киргизскомъ быту встрѣчается поправа сѣна, посѣвовъ пшеницы и клевернаго поля.

Такъ, киргизъ Каракульской волости Мысанбаевъ жаловался въ 1870 году, что киргизъ той же волости Садырбаевъ отравилъ у него тысячу пудовъ камышеваго сѣна⁶⁾. Въ 1883 году бій съѣзда въ г. Казалинскѣ разобрали дѣло о поправѣ верблюдами посѣвовъ пшени-

¹⁾ «Кура» — табуны до 600 головъ.

²⁾ Гродековъ — стр. 111.

³⁾ Н. — стр. 103.

⁴⁾ Н. — стр. 103.

⁵⁾ Н. — стр. 157.

⁶⁾ Гродековъ — прилож. № 8, стр. 151, рѣш. № 2.

цы и клевернаго поля¹⁾. Въ 1878 году киргизъ Тузубаевъ заявляетъ суду, что лошадь киргиза Онтилуева попала въ его посѣвы и съѣла сто пудовъ пшеницы. Последнее дѣло любопытно по своему рѣшенію. Жалобщикъ просилъ взыскать за поѣденную пшеницу и еще четыре рубля расходовъ. Отвѣтчикъ утверждалъ, что его лошадь съѣла только на восемь рублей. Свидѣтелей не было. Судъ постановилъ: или жалобщику принять присягу и получить съ отвѣтника четыре рубля расхода и 56 р. 35 коп. за пшеницу, или же отвѣтчику принять присягу и заплатить жалобщику восемь рублей²⁾

г) Различные случаи поврежденія чужого имущества.

Излишне повторять, что тутъ дѣйствуютъ уже извѣстныя общія правила о нанесеніи вреда и убытковъ³⁾.

Выше разсматривалось не мало случаевъ поврежденія чужого имущества. Такъ, если принявшій на сохраненіе вещь самъ выпросилъ ее для временнаго пользованія, то онъ платитъ за порчу вещи отъ употребленія; однако, какъ было замѣчено, этотъ случай представляетъ особенность: поклажеприниматель отвѣчаетъ и за случайныя поврежденія и потери (напримѣръ, утерю скота во время бурана⁴⁾). Извѣстна отвѣтственность за верблюда, взятаго въ пользованіе безъ платы, въ случаѣ его смерти⁵⁾. Изучена была отвѣтственность слуги за ущербъ, нанесенный хозяйскому добру⁶⁾. Также разсмотрѣнъ случай порчи мастеровымъ даннаго ему въ работу предмета⁷⁾.

Изъ другихъ случаевъ можно указать на слѣдующіе примѣры.

Поврежденіе чужихъ животныхъ, отрѣзаніе языка, уродованіе внѣшняго вида ихъ наказывалось штрафомъ,

¹⁾ Н.—стр. 152, рѣш. № 6.

²⁾ Н.—стр. 153, рѣш. № 9.

³⁾ См. выше стр. 232 и 240.

⁴⁾ Гродековъ—стр. 123. и выше стр. 219.

⁵⁾ Гродековъ—стр. 139 и выше стр. 183.

⁶⁾ Гродековъ—стр. 118 и 119 и выше стр. 237.

⁷⁾ Самоквасовъ—§ 160 и выше стр.—237.

а, при согласіи хозяина скотины, судъ обязываетъ виновнаго къ покупкѣ ея по первоначальной цѣнѣ. Если слѣдствіемъ была смерть животнаго, то платится его стоимость. Обрѣзаніе хвоста у животнаго, произведшаго потраву, влечетъ за собою штрафъ за обезображеніе¹⁾.

При поджигательствѣ весь убытокъ, напримѣръ: стоимость дома или матеріала съ платою работникамъ, взыскивается съ поджигателя; его же присуждаютъ къ штрафу въ $\frac{1}{10}$ часть стоимости имущества. Въ Чимкентскомъ уѣздѣ штрафъ за поджогъ равняется куну за мужчину²⁾.

Кто сдѣлаетъ отгонъ или баранту скота или лошадей безвинно, съ того обращается такая баранта сполна, равнымъ образомъ обязанъ виновный удовлетворить претендентовъ и въ томъ, если они во время погони за барантовщиками что-либо у себя повредили или утратили³⁾.

Въ рѣшеніяхъ біевъ можно найти много случаевъ взысканій за порчу разнообразнаго имущества. Такъ, киргизъ Иргизбаевъ жаловался на киргиза Избасарова, что тотъ загналъ его лошадь, отданную ему на сохраненіе. Избасаровъ удовлетворилъ истца двадцатью рублями⁴⁾. Джана Аклаевъ подалъ жалобу, что Дурбай Альдашбековъ отрѣзалъ безъ всякой причины у его коровы ноги. Присуждено, чтобы виновный отдалъ другую корову⁵⁾. Джаманъ Бала зливилъ біямъ, что киргизъ Дандибаевъ поѣхалъ на его лошади безъ его вѣдома и убилъ ее⁶⁾. Въ 1878 году бій аула Акташъ Танабаевъ разрѣшилъ слѣдующимъ образомъ искъ киргизки Зюлейхи съ киргиза Рахманкула, убившаго у нея корову. Оцѣнивъ шкуру и мясо убитой коровы въ 20 тенегъ и, сверхъ того, оштрафовавъ виновнаго на 12 тенегъ, онъ взыскалъ съ отвѣтчика Рахманкула 32 тенги и тутъ же вручилъ ихъ Зюлейхѣ⁷⁾. Дустанъ Огановъ въ 1884 году жаловался на Абдраимова, что онъ нанялъ у него одну кобылу и, изъ-

¹⁾ Гродековъ—стр. 157.

²⁾ Гродековъ—стр. 157.

³⁾ Самоковасовъ § 142.

⁴⁾ Гродековъ прил. № 8 стр. 150 рѣш. № 1.

⁵⁾ Н.—стр. 151, рѣш. № 3.

⁶⁾ Н.—стр. 151, рѣш. № 4.

⁷⁾ Гродековъ, прилож. № 8, стр. 151, рѣш. 5.

ѣздивъ, убилъ ее; затѣмъ поймалъ его же жеребенка, рожденнаго отъ 150-ти рублевой лошади, и его убилъ, и такимъ образомъ убилъ у него всего пять лошадей¹⁾. Въ 1883 году киргизъ Дукамбай Бавбековъ заявилъ, что Джанъ Аралъ Аниковъ раздавилъ его жеребенка, стоящаго 40 рублей, посадивъ на него верблюда²⁾. Въ 1884 году. Османъ бекъ Кульджаевъ заявилъ жалобу на киргизовъ Алакчинской волости Турдія Ирмакова и Карабека Карамешева, обвиняя ихъ въ поджогѣ тысячи сноповъ пшеницы³⁾.

д) Неправое владѣніе.

О неправомъ владѣніи уже шла рѣчь выше, въ отдѣлѣ: «Владѣніе, какъ фактъ»⁴⁾. Въ данномъ мѣстѣ къ изложенному тамъ придется добавить нѣсколько подробностей для полноты обозрѣнія.

Въ работѣ Л. Баллюзека данному вопросу посвящены два параграфа въ главѣ: «О рѣшеніи дѣлъ по кражамъ»: а) § 14. «Если кто купить завѣдомо краденый скоть, о чемъ легко судить по крайне дешовому имъ пріобрѣтенію, и если продавшій оный воръ умеръ или въ дальней отлучкѣ, откуда, неизвѣстно, когда онъ вернется, то съ такового надлежитъ наравнѣ съ настоящимъ воромъ сдѣлать взысканіе, предоставивъ ему самому раздѣлываться съ тѣмъ, у кого онъ купилъ означенный скоть». б) § 15. «Если кто присвоитъ себѣ найденную вещь или гульнопришатавшійся чужой скоть, не предъявивъ какъ о первой, такъ и о второмъ никому въ свое время, таковой считается столько же виновнымъ, какъ дѣйствительный воръ»⁵⁾.

У Самоквасова тоже находится подходящій матеріалъ. Такъ, извѣстно, что «кто самовольно займетъ стойбищемъ или скотомъ чужія мѣста, то онаго только сгоняютъ съ мѣста, а присмотрщиковъ бьютъ, и тѣмъ дѣло

¹⁾ Н.—стр. 152, рѣш. № 7.

²⁾ Н.—стр. 153, рѣш. № 8.

³⁾ Н.—стр. 153, рѣш. № 10.

⁴⁾ См. стр. 82.

⁵⁾ Оренбург. отд. геогр. общ.—стр. 114.

рѣшается безъ дальнѣйшаго взысканія³). Упоминалось также раньше, что «кто чужою землею завладѣетъ, отъ того отбирается оная, хотя бы и черезъ 15 лѣтъ, или, съ согласія, смотря по пространству мѣста, владѣютъ оною»⁴). Затѣмъ еще два параграфа: § 189. «Кто опознаетъ у кого лошадь или другое что-нибудь, а тотъ скажетъ, что оное купилъ у неизвѣстныхъ людей, то опознанное отъ него отбирается безъ всякихъ изслѣдованій, болѣе же штрафу не полагается. А если дѣйствительно окажется, что лошадь имъ украдена, то, сверхъ оной, взыскивается еще въ штрафъ девять лошадей» б) § 190. «Кто опознаетъ у кого что-либо, а тотъ не будетъ отдавать ему той вещи или лошади, тогда претендатель идетъ къ судѣ съ вещью или лошадыю. Судья опредѣляетъ истцу дать присягу, и, если сей доставить оную, то получаетъ себѣ вещь или лошадь; болѣе же ничего не взыскивается. А буде не дастъ присяги, то лишается иска».

Указанныя выдержки вторично убѣждаютъ, что добросовѣстный, равно и недобросовѣстный, владѣлецъ, по киргизскому адату, несутъ одинаковое послѣдствіе: предметъ изымается изъ ихъ владѣнія, «болѣе же штрафу не полагается». Въ этомъ, какъ извѣстно, проявляется особенность киргизскаго адата⁵).

Во избѣжаніе недоразумѣнія, надо замѣтить, что здѣсь не имѣется въ виду считать подъ недобросовѣстными владѣльцами лицъ, добывшихъ предметъ посредствомъ преступленія и владѣющихъ на этомъ основаніи имъ, — таковые, какъ, на примѣръ, воры, облагаются значительнымъ штрафомъ (см. въ этой главѣ § 189 Самоквасова). Впрочемъ, надо оговориться, есть ученые, которые относятъ къ недобросовѣстнымъ владѣльцамъ всякаго рода лицъ, завладѣвшихъ чужими вещами, будетъ ли то просто присвоеніе, или кража, или грабежъ. На примѣръ, къ таковымъ относится профессоръ Пахманъ¹). Изъ рѣ-

¹ Самоквасовъ—§ 168.

² Н.—§ 188.

³ См. стр. 83—85 и ср. ст. 610, т. X, ч. 1.

⁴ Пахманъ—стр. 340.

шеній волостныхъ судовъ русскихъ крестьянъ видно, что съ виновныхъ въ кражѣ взыскивается также не простая цѣна вещи, а гораздо большая, иногда двойная цѣна украденной вещи, а иногда, впрочемъ--очень рѣдко, тройная.

Если неправые владѣльцы возведутъ на чужой землѣ постройки или посадятъ деревья, то таковыя принадлежатъ имъ, а не хозяину земли, который можетъ только откупить ихъ¹⁾. По обычному праву русскихъ крестьянъ, въ видѣ общаго правила, завладѣвшій чужою землею недобросовѣстно обязывается возратить ее настоящему хозяину со всѣмъ посѣяннымъ на землѣ хлѣбомъ или посаженными въ огородѣ овощами, а посаженные на чужой землѣ плодовые кусты и деревья завладѣвшій имѣетъ право пересадить на свою землю²⁾; если же засѣялъ или засадилъ овощами землю или огородъ добросовѣстный владѣлецъ, то въ первомъ случаѣ хозяинъ обязанъ возратить ему сѣмена, а во второмъ раздѣлить овощи пополамъ³⁾. Возведенныя же на чужой землѣ постройки или какія-нибудь сооруженія и добросовѣстный и недобросовѣстный владѣльцы обязаны снести⁴⁾.

е) Неправое пользованіе чужимъ имуществомъ.

Случаи неправаго пользованія относятся большею частью къ имуществамъ недвижимымъ. Сюда относятся: засѣвъ чужого поля, порубка лѣса, скошеніе травы и т. п. Въ киргизскомъ быту случаи эти, въ виду земельного простора, рѣшаются очень просто. -

По обычному праву русскихъ крестьянъ, при засѣвѣ чужого поля недобросовѣстно, хозяину поля предоставляется право воспользоваться урожаемъ, а при засѣвѣ добросовѣстно хозяину земли присуждается денежное вознагражденіе со стороны засѣявшаго, а урожай остав-

¹⁾ Гродековъ—стр. 105.

²⁾ Пахманъ стр. . 338.

³⁾ Н.—стр. 340.

⁴⁾ Н.—стр. 339 и 340.

ляется въ пользу послѣдняго¹⁾. Киргизскій адатъ не различаетъ добросовѣстнаго засѣва отъ недобросовѣстнаго. Да и трудно было бы проводить это различіе при общей земельной собственности, при неимѣніи точныхъ границъ, при слабомъ развитіи земледѣлія; наконецъ, при существованіи обычая бросать пашни при отъѣздѣ и предоставлять ими пользоваться тому, кто ихъ займетъ²⁾. Какъ выше было замѣчено, киргизское обычное право не дѣлаетъ также различія по отношенію къ юридическимъ послѣдствіямъ между добросовѣстнымъ и недобросовѣстнымъ владѣніемъ. Въ единственномъ рѣшеніи по засѣву чужой земли, которое удалось найти въ рѣшеніяхъ киргизскихъ судовъ, приложенныхъ къ сочиненію Гродекова, дѣло кончено уплатой денежнаго вознагражденія³⁾, а не отобраніемъ хлѣба въ натурѣ; слѣдовательно, поступлено такъ, какъ волостные суды русскихъ крестьянъ дѣлаютъ при добросовѣстномъ засѣвѣ.

Другой видъ неправаго пользованія, встрѣчающійся часто въ русскомъ крестьянскомъ быту, составляетъ *порубка* чужого лѣса. Обыкновеннымъ послѣдствіемъ порубки является обязанность порубщика вознаградить владѣльца деньгами по стоимости его, иногда вдвое и даже втрое⁴⁾. Кочевники рѣшаютъ этотъ вопросъ такимъ образомъ. § 174 у Самоквасова гласитъ: «Кто въ чужой дачѣ или въ чужомъ аулѣ вырубить лѣсъ, съ того за сущеніе въ лѣсу сучьевъ, какъ и за малую порубку лѣса, ничего не взыскивается, кромѣ какъ виновнаго прогоняютъ толчками». Такой легкій взглядъ на порубку у сибирскихъ киргизовъ появился, видимо, вслѣдствіе изобилія лѣса и потому, что лѣсъ тамъ не служитъ промышленнымъ цѣлямъ. За обширныя порубки, надо полагать, слѣдуетъ взысканіе на общемъ основаніи за порчу чужого имущества: не даромъ въ § 174 говорится только о «сущеніи въ лѣсу сучьевъ» и о «малой порубкѣ

¹⁾ Пахманъ—стр. 344—346.

²⁾ Гродековъ—стр. 102.

³⁾ Гродековъ, прилож. № 8, стр. 145, рѣш. № 5.

⁴⁾ Пахманъ—стр. 347.

лѣса». У киргизовъ степной полосы совсѣмъ не можетъ возникать вопроса о порубкѣ лѣса, потому что тамъ его совершенно нѣтъ.

Третій видъ неправаго пользованія чужою землею образуетъ *кошеніе и уборка сѣна*. У русскихъ крестьянъ за это дѣяніе присуждаютъ къ уплатѣ хозяину земли вознагражденія за убытокъ, скошенное же и убранное сѣно предоставляется въ пользу того, кто скосилъ и убралъ¹⁾. Въ киргизскомъ быту дѣло рѣшается иначе. Кто выкоситъ чужую траву, у того судья опредѣляетъ отобрать выкошенную траву безъ всякой за труды платы²⁾.

Четвертый видъ—*самовольная пастба скота*; она сливается съ поправой, о которой рѣчь шла выше³⁾.

Приведенными видами неправаго пользованія чужимъ недвижимымъ имуществомъ не исчерпываются всѣ нарушенія вещныхъ правъ, но они встрѣчаются чаще всего. Сюда, напримѣръ, должны быть отнесены вырытіе камня, ловля рыбы въ чужихъ водахъ, самовольный прогонъ скота по чужой землѣ,—случаи, которые встрѣчаются и въ киргизскомъ быту.

Что касается неправаго пользованія вещами движимыми, то случаевъ такого рода въ русскомъ быту встрѣчается мало, при чемъ виновныхъ присуждаютъ къ уплатѣ за убытокъ. Профессоръ Пахманъ, излагая это, не привелъ ни одного примѣра такого пользованія⁴⁾. Въ жизни кочевниковъ такіе случаи бывають нерѣдко и влекутъ за собой различныя послѣдствія. Такъ, за стрижку шерсти ножницами у чужихъ барановъ полагается голько выговоръ, ибо шерсть, молоко и рабочая сила животныхъ считается, по воззрѣнію киргизовъ, «Благодѣлительностью животныхъ» и за пользованіе ими не платятъ. Другой примѣръ. «Когда пріѣзжій, знакомый или незнакомый, остановится передъ закатомъ солнца у какой-нибудь юрты, то хозяинъ ея или колетъ барана

1) Пахманъ—стр. 349.

2) Самоквасовъ—стр. 273, § 170.

3) См. выше стр. 240.

4) Пахманъ—стр. 350.

для его угощенія, или удовлетворяетъ прїѣзжаго добрыми, прївѣтливými словами. Если послѣдняго гостю мало, и онъ самъ заколетъ барана изъ стада юртовладѣльца и съѣстъ, и, если по этому поводу возникнетъ споръ, то гость будетъ правъ, а хозяинъ виновенъ¹⁾. Наконецъ, съ того, кто самовольно воспользуется ввѣреннымъ ему товаромъ, требуется возвращеніе товара или возмѣщеніе стоимости его. Если ни самъ виновный, ни его родичи не уплатятъ въ срокъ требуемой суммы, или не представятъ товара, то виновный службой долженъ вознаградить хозяина за причиненный убытокъ²⁾.

ж) Особенныя основанія права на возмѣщеніе ущерба.

Сюда относятся правонарушенія, которыя непосредственно не касаются правъ гражданскихъ, но обставлены въ обычаѣ и въ законѣ гражданскими послѣдствіями. Таковы: 1) личные обиды, 2) ущербъ отъ поврежденія здоровья и 3) судебные убытки.

І. Личныя обиды.

Обычаи относительно оскорбленія чести въ киргизскомъ быту основаны на различіяхъ и преимуществахъ, зависящихъ отъ происхожденія, умственного превосходства, пола, возраста, богатства, близости родства и общественного положенія субъектовъ. Въ киргизской средѣ обиды влекутъ только отвѣтственность уголовного характера. На этомъ можно было бы окончить вопросъ о личныхъ обидахъ; но, такъ какъ у киргизовъ уголовныя взысканія сводятся въ большинствѣ случаевъ къ гражданскимъ вознагражденіямъ, то это даетъ возможность остановиться на отвѣтственности за личныя обиды нѣсколько подробнѣе.

¹⁾ Гродековъ—стр. 114.

²⁾ Самоковасовъ—стр. 276, § 184.

За оскорбленіе на словахъ султана киргизомъ черной кости полагается отъ одного до трехъ «ать-туновъ»¹⁾, а за нанесеніе обиды дѣйствіемъ, но безъ ранъ, — отъ двухъ «ать-туновъ» до одного «тогуза»²⁾, смотря по значенію самихъ султановъ. Обида султану отъ султана ограничивается однимъ ать-туномъ, если обида причинена старшему младшимъ лѣтами³⁾.

За словесную обиду бію и почетному богачу виновный подвергается: если султанъ — публичному извиненію передъ обиженнымъ, а если простой киргизъ — штрафу въ одинъ ать-тунъ. За обиду же этимъ лицамъ дѣйствіемъ подвергаются: султанъ, сверхъ публичнаго извиненія, уступкою обиженному плети, а простой киргизъ — двумъ ать-тунамъ⁴⁾.

Обида между равными по значенію лицами не сопряжена ни съ какимъ наказаніемъ, кромѣ публичнаго извиненія и прошенія младшимъ прощенія у старшаго. Если младшій не пожелаетъ просить прощенія у старшаго, онъ подвергается ать-туну, изъ котораго берется обиженнымъ только «тунъ» (халать), а «ать» (лошадь) уступается присутствующимъ, которые обыкновенно представляютъ ее у обидчика⁵⁾.

За обиду низшаго, не пользующагося никакимъ значеніемъ, виновный подвергается штрафу въ такъ называемый «азусызъ-ать-жіексизъ-тунъ»⁶⁾.

За обиду женщинъ полагаются тѣ же взысканія, какъ и за обиду мужчинъ, также съ различіемъ ихъ происхожденія и званія. Но за обиду мужчинамъ отъ женщинъ, также какъ и отъ дѣтей, не полагается никакого наказанія. Равнымъ образомъ, киргизскій обычай не разбираетъ ссоры между мужчинами и ихъ женами⁷⁾.

¹⁾ „Ать-тунъ“ — лошадь и халать (мѣра наказанія).

²⁾ „Тогузъ“ — девять головъ скота или девять вещей (мѣра наказанія).

³⁾ Оренбургск. отд. геогр. общ. — стр. 141.

⁴⁾ Н. — стр. 141.

⁵⁾ Н. — стр. 141—142.

⁶⁾ „Азусызъ-ать-жіексизъ-тунъ“ — баранъ и одинъ конецъ блин. Оренб. отд. геогр. общ. — стр. 142.

⁷⁾ Оренбургск. отд. геогр. общ. — стр. 142.

За поношеніе кого либо оскорбительными словами заочно никакого взысканія не полагается¹⁾.

За всякое оскорбленіе родителямъ или другимъ старшимъ лѣтами изъ родственниковъ виновные подвергаются наказанію по усмотрѣнію первыхъ и публичному покаянію передъ ними въ своей винѣ²⁾.

Что касается обиднаго обхожденія родителей съ дѣтьми, также какъ обращенія старшихъ братьевъ съ младшими, то оно не ставится имъ въ вину³⁾.

За обиду гостя взысканіе налагается по общему правилу, безъ увеличенія штрафа, хотя нравственный обычай рекомендуетъ не ссориться съ гостемъ и не обижать его по пословицѣ: «когда придуть въ твою кибитку, то не высказывай своей претензіи, хотя бы она была величиною съ кибитку»⁴⁾.

Наложеніе и взысканіе штрафа за личные обиды въ киргизскомъ быту происходятъ на общемъ основаніи. Между тѣмъ въ древнемъ правѣ обязательство уплаты выкуповъ за всякаго рода обиды закрѣплялось до объявленія опредѣленія суда или платежомъ обидчикомъ части падающей на него композиціи, или постановкой поручителей⁵⁾.

Оригинальную черту киргизскаго быта составляетъ то положеніе, что легкіе до извѣстной степени побои вообще не предосудительны и не рассматриваются за обидныя дѣйствія. Вотъ на основаніи этого поклажедатель можетъ побить виновнаго въ растратѣ поклажи⁶⁾; караванбаши въ дорогѣ могутъ подвергать возчиковъ не тяжкимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, переносимымъ стоя⁷⁾; хозяинъ можетъ бить слугу до трехъ разъ нагайкою⁸⁾; можно бить присмотрщиковъ за скотомъ, когда они зай-

1) Н.—стр. 142.

2) Н.—стр. 142 и Самоквасовъ—§ 104.

3) Оренбургс. отд. геогр. общ. стр. 143.

4) Гродековъ—стр. 113.

5) Ковалевскій стр. 167—168.

6) Гродековъ—стр. 122.

7) Н.—стр. 138.

8) Н.—стр. 119.

мутъ самовольно чужія мѣста ¹⁾; за спущеніе сучьевъ въ чужомъ лѣсу и за малую порубку виновнаго прогоняють толчками²⁾). Такое отношеніе свойственно грубой, патріархальной жизни народовъ, находящихся на невысокомъ уровнѣ культурнаго развитія.

П. Ущербъ отъ поврежденія здоровья.

Если обида заключается въ побояхъ съ тяжкими ранами, отъ которыхъ неизвѣстно, какія произойдутъ послѣдствія, и больной сляжетъ въ постель, въ такомъ случаѣ, по киргизскому адату, надлежитъ его отдать на лѣченіе виновнику, который обязанъ взять его и, вылѣчивъ, представить къ роднымъ со взысканіемъ, соотвѣствующимъ происшедшему увѣщью. Въ случаѣ же отказа съ его стороны взять больного для лѣченія, виновный долженъ, сверхъ «аипа»³⁾, заплатить роднымъ больного еще за всѣ издержки по исцѣленію послѣдняго⁴⁾.

Далѣе § 100-й Самоквасова по частному вопросу (о стоптаніи лошадей) опредѣляетъ: «Кто кого стопчетъ лошадей и сдѣлаетъ вредъ, то за изломъ руки, ноги и ребра платить за лѣкарство, что будетъ издержено, и въ штрафъ одну лошадь, хотя съ намѣреніемъ или безъ намѣренія; а буде отъ стоптанія кто умретъ, то виновный платить за него полный кунъ». А § 103 продолжаетъ: «Кто стопчетъ лошадей совсѣмъ неумышленно, т. е. если испугается лошадь, изорветъ на себѣ узду и тому подобное⁵⁾; то за такое той только лошадей платится, которая стопчетъ, хотя бы отъ сего стоптанія кто и умеръ».

Въ рѣшеніяхъ биевъ, приведенныхъ у Гродекова, рассмотрѣно между прочимъ дѣло киргиза Басбабекова, которому другой киргизъ Кеюнбай отрѣзалъ ухо. Истецъ, будучи раненъ, вынужденъ былъ нанять рабочаго для снятія съ поля пшеницы и за это заплатилъ пять пудовъ пшеницы. Судъ недостатокъ уха подвелъ подъ

¹⁾ Самоквасовъ § 168.

²⁾ Н.— 174.

³⁾ „Аипъ“—штрафъ.

⁴⁾ Оренбургс. отд. геогр. общ.—стр. 142.

⁵⁾ Такое состояніе на языкѣ уголовного уложенія 1903 года называется случаемъ (ст. 42—„не могъ предотвратить“).

одинъ изъ видовъ тогуза¹⁾ и цѣну иска опредѣлилъ въ восемь рублей²⁾).

Неумѣло лѣчившаго лѣкаря киргизы не привлекаютъ къ уголовной отвѣтственности, оно слагается на совѣсть врача, но на его счетъ могутъ быть отнесены расходы по похоронамъ умершаго паціента³⁾).

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что убійство челоуѣка у киргизовъ карается уплатою куна, т. е. вознагражденія за кровь; если виновный не въ состояніи его заплатить, то кунъ платятъ родовичи. Такимъ образомъ, кунъ имѣетъ значеніе выкупа, оплаты крови, которую слѣдовало бы пролить за преступленіе. Право отысканія куна сохранено и въ настоящее время, — даже тогда, если виновный будетъ осужденъ по общимъ законамъ⁴⁾).

III. Судебные убытки.

Здѣсь играетъ роль извѣстное общее правило: «По всѣмъ дѣламъ, сверхъ платежа иска или куна, проторы и убытки долженъ платить виновный»⁵⁾). Но только по киргизскому адату убытки и судебные расходы заключаются въ самомъ штрафѣ, если имъ оканчивается дѣло. Когда уже штрафъ полученъ, бѣи могутъ отказать въ искѣ о возмѣщеніи судебныхъ расходовъ, за исключеніемъ дѣлъ о кунѣ, ибо по такимъ дѣламъ призывается на судъ множество народа, издержки котораго слагаются въ значительную сумму и потому не могутъ быть отдѣлены отъ куна⁶⁾). Отсюда можно вывести, что въ штрафѣ содержится и вознагражденіе свидѣтелей; исключеніе представляютъ дѣла, оканчивающіяся куномъ, но и то Торгай утверждаетъ, что расходы по иску куна могутъ быть покрыты частью куна⁷⁾).

Если же искъ оканчивается безъ штрафа, то выигравшій дѣло ищетъ вознагражденія убытковъ и судеб-

¹⁾ „Тогузъ“, какъ было выше, девять головъ скота или девять вещей; составъ тогуза различный и зависитъ отъ важности преступленія и близости родства.

²⁾ Гродековъ, прил. № 8, стр. 152. рѣш. № 6.

³⁾ Гродековъ — стр. 156.

⁴⁾ Крафтъ — стр. 179.

⁵⁾ Самоквасовъ — § 179.

⁶⁾ Гродековъ — стр. 198.

⁷⁾ Н — стр. 198, примѣчаніе.

ныхъ издержекъ, которые ему и присуждаются въ томъ же или въ другомъ засѣданіи суда¹⁾. Такъ, на примѣръ, за оказаніе помощи по подмѣнѣ расписки судъ присуждаетъ къ уплатѣ по новой распискѣ и къ судебнымъ расходамъ, послѣ чего, какъ выше говорилось, должникъ освобождается отъ обязательства, заключавшагося въ первоначальной распискѣ²⁾. Или: у каракиргизовъ за не заявленную потерю вещи, данной на сохраненіе безъ свидѣтелей, назначаютъ присягу отвѣтчику или истцу; на основаніи присяги обязываютъ къ возврату или невозврату самой вещи и къ уплатѣ судебныхъ расходовъ, но безъ штрафа и иного взысканія³⁾. Такъ же точно, при займѣ, если отвѣтчикъ отрицаетъ существованіе долга, то присяга налагается на общемъ основаніи, какъ при преступленіяхъ, но долгъ взыскивается безъ штрафа; «бійлыкъ»⁴⁾ и судебные расходы взыскиваются съ должника⁵⁾.

Какъ на особенность киргизскаго адата, слѣдуетъ указать на то, что расходы по самому веденію тяжбы не подлежатъ взысканію. Въ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія бійскій судъ Китай-Тюбинской волости постановилъ было по тяжбѣ о спорной землѣ взыскать съ отвѣтчиковъ 2300 рублей въ пользу истцовъ, какъ расходъ по веденію дѣла. Но чрезвычайный съѣздъ біевъ отмѣнилъ это рѣшеніе на томъ основаніи, что до сихъ поръ еще не было примѣра ни въ рѣшеніяхъ бывшихъ чрезвычайныхъ съѣздовъ, ни въ рѣшеніяхъ волостныхъ біевъ, чтобы взыскивались расходы по веденію дѣла, и такого взысканія не существуетъ въ киргизскихъ адатахъ, но постановилъ съ отвѣтчиковъ взыскать въ сто рублей бійлыкъ⁶⁾. Слѣдовательно, въ киргизскомъ быту подъ судебными издержками слѣдуетъ разумѣть уплаченные сборы, пошлины, вознагражденіе свидѣтелей и бійлыкъ.

⁵⁾ Гродековъ—стр. 198.

⁶⁾ Н.—стр. 158.

⁷⁾ Н.—стр. 123.

⁴⁾ „Бійлыкъ“—вознагражденіе судей; размѣръ его установленъ адатомъ (Гродековъ—стр. 197).

⁵⁾ Гродековъ—стр. 129.

⁶⁾ Гродековъ, прил. № 8, стр. 178, рѣш. 29 и см. для свѣдѣнія рѣш. № 31

Заключение.

Изученіе вещнаго и обязательственнаго правъ по киргизскому адату приводитъ къ слѣдующимъ главнымъ выводамъ:

а) Киргизскій адатъ не знаетъ дѣленія имуществъ на движимыя и недвижимыя.

б) Киргизское землевладѣніе подходитъ подъ понятіе общиннаго владѣнія.

в) Полное право собственности (съ нѣкоторыми ограниченіями) распространяется преимущественно на скотъ, строенія, сады, колодцы, арыки и на предметы домашняго обихода.

г) Родовое начало оказываетъ сильное вліяніе на частно-правовыя отношенія киргизовъ. Выражается это главнымъ образомъ въ слѣдующемъ:

1) община несетъ имущественную отвѣтственность за своего сочлена;

2) отецъ—глава семьи, представитель ея интересовъ, истецъ и отвѣтчикъ; онъ же пожизненно владѣтъ, пользуется и отчасти распоряжается семейной собственностью;

3) отецъ имѣетъ право пользоваться имуществомъ выдѣленнаго сына;

4) при извѣстныхъ условіяхъ родовичи могутъ пользоваться имуществомъ своего сочлена;

5) дача сыну выдѣла обязательна, даже если отецъ прогоняетъ его изъ дома;

6) невыдѣленные дѣти не могутъ имѣть своего имущества;

7) родители могут завѣщать постороннимъ людямъ только незначительную долю имущества, а все остальное обязательно должно поступить въ наследство дѣтямъ.

д) Русское владычество застало киргизское обычное право въ періодъ «упорядоченной самозащиты» (Іерингъ).

е) Право на чужую вещь не извѣстно адату.

ж) Добросовѣстный и недобросовѣстный владѣльцы несутъ одинаковое послѣдствіе: предметъ изымается изъ владѣнія, больше же никакого штрафа не полагается.

з) Уголовной отвѣтственности собственно нѣтъ, потому что всѣ иски оканчиваются гражданскимъ удовлетвореніемъ.

и) Присяга считается наилучшимъ средствомъ для обнаруженія истины.

і) Обязательства переходятъ на наследниковъ.

к) Если существуетъ письменное долговое обязательство и оно дѣйствительно, то долгъ признается существующимъ.

л) Отсутствіе обмана и присутствіе у контрагентовъ сознательной воли необходимыя условія для дѣйствительности сдѣлки.

м) Женщины, кромѣ вдовъ, и всѣ несовершеннолѣтніе безправны.

н) Бракъ сводится въ сущности къ куплѣ-продажѣ женщинъ.

о) Существуютъ обязательные подарки.

п) Задатка и неустойки у киргизовъ нѣтъ.

р) 1) Поручительство бываетъ двухъ родовъ: I, на уплату долга и II, на доставленіе къ сроку должника.

2) Поручитель, уплатившій по обязательству за неисправнаго или умершаго должника, имѣетъ право регресса.

3) Одно и то же лицо можетъ быть поручителемъ за обѣ стороны, участвующія въ сдѣлкѣ.

с) Несостоятельные должники могутъ быть отданы въ работники къ вѣрителю, чтобы трудомъ заслужили долгъ.

т) При правонарушеніяхъ въ извѣстныхъ случаяхъ и до извѣстныхъ предѣловъ допускаются побои, на которые нельзя жаловаться судѣ.

у) По всѣмъ дѣламъ, сверхъ платежа иска или куна, проторы и убытки долженъ платитъ виновный.

ф) 1) За нанесеніе ущерба по неосторожности взыскивается вознагражденіе убытковъ.

2) Если ущербъ нанесенъ съ умысломъ, кромѣ вознагражденія убытковъ, полагается штрафъ.

3) Случайный ущербъ не влечетъ за собой никакой отвѣтственности; только поклажеприниматель отвѣчаетъ за случайныя поврежденія и потерю аманата, если онъ выговорилъ право пользоваться вещью.

4) Ущербъ, причиненный умалишенными, взыскивается съ родственниковъ.

5) По общему правилу, хозяинъ отвѣчаетъ за ущербъ, нанесенный его животными.

х) У киргизовъ нѣтъ пріобрѣтательной давности, но есть исковая давность.

Окончательнымъ выводомъ работы служить убѣжденіе, къ которому также пришелъ Л. А. Словохотовъ, но только съ другой стороны: путемъ изученія процессуальныхъ и уголовныхъ нормъ киргизскаго адата,—что обычное право киргизовъ и интерпретація его біями, „за исключеніемъ рѣшеній по семейнымъ дѣламъ, весьма удовлетворительн(ы) и не лишен(ы) справедливыхъ оснований, дѣльныхъ сужденій и находчивыхъ рѣшеній въ примѣненіи къ условіямъ и потребностямъ киргизской степной жизни»¹⁾.

¹⁾ Словохотовъ—стр. 79.

Усложненіе гражданско-правовыхъ отношеній, развитіе образованія, неминуемая гибель родового начала, раздѣлъ степи на земельные участки и полный переходъ киргизовъ къ осѣдлой жизни, уничтоженіе безправія женщинъ,—все это должно, несомнѣнно, повлечь за собою крупныя перемѣны въ правовой сферѣ киргизовъ; но желательно, чтобы онѣ совершились на основахъ киргизскаго адага, потому что основы эти опираются на особыя мѣстныя условія, проверены многовѣковымъ опытомъ и удовлетворяють взглядамъ киргизскаго народа.

Спб.

